

АҘСНЫ АҘЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

ACADEMIA

АПСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАТТАРА

№ 8

Асериа

«Агуманитарта тцаарадыррақәа»

Аредактор хада

Цьануа Зураб Цьота-иңа – афилологията тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Асериа аредакцията еилазаара:

Атакзыпхықәу аредакторцаа:

Анчабазе Иури Дырмит-иңа – атоурыхта тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Чрыгба Виачеслав Андреи-иңа – афилологията тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Арстаа Шоҭа Кастеи-иңа – афилологията тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Ашәба Арда Енвер-иңа – афилологията тцаарадыррақәа ркандидат, адоцент

Бҕажәба Олег Хәыхәйт-иңа – атоурыхта тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Бигәаа Валери Леуард-иңа – атоурыхта тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор

Бигәаа Виачеслав Акакь-иңа – афилологията тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР алахэыла-корреспондент

Кәагәаниа Валентин Астамыр-иңа – афилологията тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Салакаиа Шоҭа Хыыч-иңа – афилологията тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Шьалашьаа Заур Иван-иңа – аекономиката тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР алахэыла-корреспондент

Шамба Тарас Мирон-иңа – аиуристетә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР ахатыртә алахэыла

Акәа
«Academia»
2018

ББК 72.4 (5Абх)
В 38

Атыжымта акыпцхь иаздырхиет: *К.Т. Чыкэбар, Н.С. Барцыц,
С.О. Хайыым*

Ацсны атцаарадырракэа ракадемия Адырратара / Аред. хада
З.Ць. Цьапуа. Асериа «Агуманитартэ тцаарадырракэа». Акэа: Academia,
2018. № 8. 184 д.

2005 шыкэсазы ишьатаркуп. Шыкэсык знык итыцуеит

«Адырратара» Ацсны атцаарадырракэа ракадемия апрезидиум анап-
хгарала итыцуеит

Иахкыпцхьуа аматериалкэа аредакциатэ еилазаара ргэаанагара
иакэымшэаргы калоит

Аредакция атызтыц: 384900, Ацсны Ахэынткарра, Акэа ак.,
академик Марр имѳаду, 9
Ател: +7(840)2269740; +7(840)2266635
E-mail: akademana@mail.ru
ААР асайт: www.anra.info

ISBN: 978-5-98585-234-9

© Ацсны атцаарадырракэа ракадемия, 2018

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 8

Серия
«Гуманитарные науки»

Главный редактор

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Редакционная коллегия серии:

Ответственные редакторы:

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Арстаа Шота Константинович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Ашуба Арда Енверович – кандидат филологических наук, доцент

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АНА

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Салакая Шота Хичович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АНА

Шамба Тарас Миронович – доктор юридических наук, профессор, почетный член АНА

Сухум
«Academia»
2018

Выпуск подготовили: *К.Т. Чукбар, Н.С. Барциц, С.О. Хаджим*

Вестник Академии наук Абхазии / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Academia, 2018. № 8. 184 с.

Основан в 2005 году. Выходит один раз в год

«Вестник» издается под руководством президиума Академии наук Абхазии

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакционной коллегии

Адрес редакции: 384900, Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. академика Марра, 9
Тел.: +7(840)2269740; +7(840)2266635
E-mail: akademana@mail.ru
Сайт АНА: www.anra.info

ISBN: 978-5-98585-234-9

© Академия наук Абхазии, 2018

BULLETIN

OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

№ 8

Series

«Human Sciences»

Chief Editor

Dzhapua Zurab Dzhotovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Editorial Board of the series:

Responsible editors:

Anchabadze Yury Dmitrievich – doctor of historical sciences, correspondent member of ASA

Chirikba Viacheslav Andreevich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Arstaa Shota Konstantinovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Ashuba Arda Enverovich – candidate of philological sciences, associate professor

Bgazhba Oleg Khukhutovich – doctor of historical sciences, professor, academician of ASA

Bigua Valery Levardovich – doctor of historical sciences, professor

Bigua Viacheslav Akakievich – doctor of philological sciences, professor, corresponding member of ASA, correspondent member of ASA

Kogoniya Valentin Astamurovich – doctor of philological sciences, corresponding member of ASA

Salakaya Shota Khichevich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Shalashaa Zaur Ivanovich – doctor of economic sciences, professor, correspondent member of ASA

Shamba Taras Mironovich – doctor of juridical sciences, professor, ASA honorary member of

Sukhum
«Academia»
2018

The issue was prepared by *K.T. Chukbar, N.S. Bartsyts, S.O. Khadzhim*

Bulletin of the Academy of Sciences of Abkhazia / Ch. Ed. Z.D. Dzhapua.
A Series «Human sciences». Sukhum: Academia, 2018. № 8. 184 p.

Date of foundation is 2005. Issued once a year

The Bulletin is published under the guidance of the Presidium of the Academy of Sciences of Abkhazia

Published materials do not necessarily reflect the views of the editorial board

Address of the editorial office: 384900, Republic of Abkhazia, Sukhum,
9 Akademika Marra str.

Tel.: +7 (840) 2269740; +7 (840) 2266635

E-mail: akademana@mail.ru

Website: www.anra.info

ISBN: 978-5-98585-234-9

© Academy of Sciences of Abkhazia, 2018

АЦАКЫ СОДЕРЖАНИЕ

Атцаамтақәа Исследования

<i>Арстаа Ш.К.</i> Апсуа-адыга бызшәакәа ркны еиґацуа акаґарба аґоурых ахьтә	10
<i>Цьануа З.Ць.</i> Апсуаа рґапыцтә фольклор ажанртә еилазаара	14
<i>Добровольская В.Е.</i> Сюжет «Хитрая наука» (СУС 325) в русской и абхазской традиции: общие черты сюжетного типа и его национальная специфика	28
<i>Архимандрит Дорофей (Дбар Д.З.)</i> Сообщает ли Ликофрон об «абазгах»?	41
<i>Нюшков В.А.</i> Внешнеполитическая доктрина Римской империи в Восточном Причерноморье в I–III вв. н.э. по данным монетных находок Герзеульского клада	49
<i>Медвенский Н.И.</i> Авианалеты Люфтваффе на Сухум в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг.	67
<i>Экзиков М.Х.</i> Положение и судьбы малочисленных народов (на примере Северного Кавказа)	83
<i>Шалашаа З.И.</i> Теоретические и практические аспекты взаимодействия государства и предпринимательства в Республике Абхазия	97
<i>Богославская М.Е., Чукбар К.Т.</i> «Дефицит» рыночной идеологии на селе	111

Архивтә пшаамтақәеи акьыцхьымтақәеи Архивные разыскания и публикации

<i>Дзидзария К.Ф.</i> Похоронный обряд у абхазцев: Похороны мужчины	119
---	-----

Арецензиакәа Рецензии

<i>Хагба Л.Р.</i> Рецензия на книгу: Новое слово о великом Фазиле Искандере	122
<i>Бгажба О.Х.</i> Реплика по поводу рецензии на книгу Г.Д. Гумба. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)	126

Анубилеикэа Юбилеи

<i>Джануа З.Д.</i> Вклад Е.М. Мелетинского в кавказское эпосоведение	128
<i>Кэагэаниа В.А.</i> Шоҭа Салаҭаиаи литературатҭаафык иаҳасабала	138
<i>Ажыба А.Ш.</i> Арҭафҭаа рырҭафы (А.М. Касланзиа 80 шықәса ихыҭра иазкны)	145
<i>Авидзба А.Ф. Е.К.</i> Аджинджал и вопросы новейшей истории Абхазии	151

Ацарауаа рхаҭсахьақәа Портреты ученых

<i>Авидзба А.Ф.</i> Вячеслав Бганба – пульсирующий нерв совести	157
<i>Басариа И.Б., Ачба А.О., Лакрба Ф.А.</i> Кьыл-цҭа Емма Қбаамын-ицҭа лыцҭазаарси лырҭиаратә мҭеи	161
<i>Ҳагба Л.Р.</i> В.А. Касланзиа – ауадаорақәа ириааиуаз арҭафы-ацарауаф	166
Авторцәа ирызкны // Сведения об авторах	170
Ашәкә ҫыцқәа // Новые книги	172
«ААР Адырратара» авторцәа рзы аинформация // Информация для авторов журнала «Вестник АНА»	180

АТЦААМТАҚӘА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ш.К. Арстаа

АЦСУА-АДЫГА БЫЗШӘАҚӘА РҢНЫ ЕИТАЦУА АҚАЦАРБА АҢОУРЫХ АХЫТӘ

Аннотация. *Астатиа азкуп аңсуа бызшиәәғы еитәйуа ақайарба еиуеи-
ңшым аформақәа рґы аеыңсахишьа, аеиуәқишьа. Ағырңитәқәа
аағаны иазаатғылоуп уи иамоу ачыдарақәа.*

Ихадароу ажәәқәа: *еитәйуа ақайарба, арлахәыра, ақласстә еитәкра,
аңсуа бызшиәа.*

Ишдыру еипш, еитацуа ақатарба аитәкрағы иахпылоит абарт ачы-
дарақәа:

1) еитацуа ақатарба адцаратә ркынаа мапкратәи аформа азатә
хыпхызарағы иарбазам асубиект: ига – *и-у-га, *и-б-га ацынхәрас;
исыт – *и-с-у-т, *исы-б-т ацынхәрас;

2) мапкратәи аформағы асубиект арбоуп: ис-у-мтан, исы-б-ымтан;

3) асубиект арбоуп арацәа хыпхызара ақынғы: исы-шә-т, и-жә-га,
иаа-шә-хә;

4) асубиект арбазам еитацуа арлахәыра ақынғы: иаахәаны – *иаа-с-
хәаны ацынхәрас; и-шьны – *и-с-шьн-ы ацынхәрас;

5) еитацуа арлахәыра мапкратәи аформағы асубиект арбоуп: иум-
гакәа, иумбакәа, иаа-шә-ымхәакәа, и-шә-ымбакәа (шәахә. Ломтатизе
1948: 1–13).

Абра иазгәахтәз ачыдарақәа хпылоит абаза бызшәа ақынғы:

1) Еитацуа арлахәырағы асубиект еихарак ибыжышәоит:

Тапантатәи адиалект ағы: Ахазенғы иқамагы и-тых-та аш дылагы-
лан; Сг|рча азы г|асрызәта.

Ашьхаруатәи адиалект ағы: Амычымца иқәцаны, алагъан дтаца-
ны, амца итыцаны ддазып; Са снапала иқыркы аанкыланы ипс аакыл-
сырсәап.

Еитацуа арлахәыра еилоу азхәа иахәтакны ианыкоу асубиект азынхоит:
абазатә диалекткәа ркны: Дцан дааиго далаган; Атцәкәа иадихәалуа дала-
гат; Упацәкәа ртыурых ухәоа уалага (Арстаа 1960: 68).

Абарт ачыдарақәа иахынтәауа, изыхкьо ашьәкәыргылара уадаоуп
ақатарба аитәкра атоурых уазхәмцшкәа. Избан акәзар асубиект абы-
жышәара фонетикатә хтысзам, ара асубиект иапырхагоу фонетикатә
позиция ыказам. Аха хара хбызшәәкәа ркны ажәытә тексткәа хамам,
ағыра аххәамамыз иахкәаны.

Абас икоу атагылазаашьа аан ихацхраар зылшо хылтцшьтрала еишьтраку абызшэакэа рфы акацарба аитакра иамоу ачыдаракэа роуп.

Ишаадыруа еипш (шэахэ. Бокарев, Ломтатизе 1967), апсуа-адыга, анах, адыгьей бызшэакэа рфы акацарба аитакра хамоуп х-хкыкны: акласстэ еитакра, акласстэ-хафьтэ еитакра, ахафьтэ еитакра. Абарт аитакракэа ркнытэ еиха ижэьтэзоу хэа ипхьазоуп акласстэ еитакра, уи иашьтанеиуеит акласстэ-хафьтэ еитакра, уи анафс – ахафьтэ еитакра. Икоуп ахафьтэ еитакрагы ахьызхьоу хбызшэакэагы.

Акласстэ еитакра иахьягы ихамоуп абарт хбызшэакэа ркны: анах бызшэакэа: ачечен бызшэа, аингэьш бызшэа, абацби бызшэа ркны. Дагестантэй абызшэакэа ркны акацарба иамоуп акласстэ еитакра абарт абызшэакэа ркны: авар бызшэа, аботлих бызшэа, ахиналуг бызшэа, агодобери бызшэа, акаратин бызшэа, ачамалин бызшэа, атиндин бызшэа, абагвалин бызшэа, ахваршин бызшэа, агинух бызшэа, абежтин бызшэа, агэунзиб бызшэакэа ркны.

Акласстэ-хафьтэ еитакра хамоуп абарт дагестантэй абызшэакэа рфы: алак бызшэа, ахиналуг бызшэа, ахвах бызшэа, адаргин бызшэа.

Ацсуа-адыга бызшэакэа ркны акацарба иамоуп акласстэ-хафьтэ еитакракэа.

Акацарба иамоуп ахафьтэ еитакра: акабарда, адыгьей, аубых бызшэакэа ркны. Дагестантэй абызшэакэа ркны акацарба иамоуп ахафьтэ еитакра аудин, атабасаран бызшэакэа. Агэуль, алезгин бызшэакэа рфы акацарба иамазам акласстэ еитакрагы ахафьтэ еитакрагы.

Акласстэ еитакра змоу абызшэакэа ркны акацарба еитамцуазар асубиект аарпшхоит акласстэ-субиекттэ цынгылала – акацарбафь. Акацарба еитатцуазар, ипиоу аобиект аарпшхоит акацарбафь акласстэ-обиекттэ цынгылала. Иаххэап: ачечен бызшэафь: Иц|а в-оьду – «Он идет домой» (акацарба еитатцзом, асубиект арбоуп акацарбафь акласстэ-субиекттэ рбага – **в** – ала); Дара книга й-оьшуш **в-у** – «Они читают книгу» (акацарба еитатцуеит, ипиоу обиект арбоуп акласстэ-обиекттэ цынгыла **й** ала); аингэьш бызшэафь: **да вода** «Отец идет» (акацарба еитатцзом, асубиект арбоуп акацарбафь акласстэ-субиекттэ рбага **в** ала); **К|аьнк книшка дииша ва** – «Мальчик книгу читает» (акацарба еитатцуеит, ипиоу аобиект арбоуп акацарбафь акласстэ-обиекттэ рбага **д** ала, асубиект акацарбафь иарбазам). Авар бызшэафь: **Инсуца хур бекьяна** «Отец поле пахал». Ипиоу аобиект акацарбафь иарбоуп аобиекттэ рбага **б** ала, асубиект акацарбафь иарбазам (Бокарев, Ломтатизе 1967).

Хьхь ишазгэахтэз еипш, ацсуа-абаза бызшэакэа ркны еитатцуа акацарба адцаратэ ркынаа арлахэьратэ формакэа рфы асубиект анарбоугьы ыкоуп. Иаххэап, еитатцуа акацарба адцаратэ ркынаа мапкратэй аформафь: **и-у-мган**, **и-у-мхэан**, **и-у-мбан**. Ара арт акацарбакэа асубиект рбагакэа рыцымкэа ахархэара рымазам – имган, имхэан, имбан...

Убри акнытә асубиект рбага ара ақатарба ашыақғылара иацхраауеит ххәар халшоит.

Арлахэыратә формақәа ақатарба ижэытәу аформақәа иреиуоуп хәа ипхьазоуп. Урт аамтатә категория шыақғылаанзагы ахархәара рыман, акласстә категория иакәлоуп. Убри акнытә ақатарба акласстә еитакра иамоу ачыдара (субиектда ахархәара) акнытә иаагоуп еитатцауа ақатарбагы субиектда ахархәара.

Иазгәататәуп арлахэыра иамоу даға чыдаракгы – еитатцауа арлахэыра мапкратәи аформа асубиект рбага амангы иамамкәангы ахархәара алшоит:

Ажыа шә-ымшыкәа икны иаажәга // ажыа мшыкәа икны иаажәга. Ара асубиект рбага ахархәара иғыц калароуп хәа ихапхьазар алшоит.

Арлахэырағы асубиект арбахоит иара убас уи еилоу ақатарбатә зхәа иахәтакны ианыкоу: **Уи инаркны ахычы лара д-л-аазо далагеит.** Ара асубиект рбага цәырцуеит арлахэыратә форма арлахэыратә цакы ацәызны еилоу ақатарбатә зхәағы арғиара хада аанарцшуа иахьалагоз азы (Арстаа 1960: 65).

Еитатцауа ақатарбагы адцаратә ркынаа мапкратәи аформа арацәа хыпхьазарағы асубиект рбага амоуп: **и-жә-га, и-шә-кы, и-шә-шыы.** Ара арацәа хыпхьазара арбаразы акәхап асубиект рбага ахархәара замоу.

Алигература

Арстаа 1960: Арстаа Ш.К. Деепричастие в абхазском языке. Сухум, 1960.

Бокарев, Ломтатидзе 1967: Бокарев Е.А., Ломтатидзе К.В. Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

Ломтатидзе 1948: Ломтатидзе К.В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола // ИКЯ. Т. II. Тбилиси, 1948.

Ш.К. Арстаа

ИСТОРИЯ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА В АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *Статья посвящена изучению различных форм переходного глагола в абхазо-адыгских языках. На примерах показаны специфические особенности переходного глагола.*

Ключевые слова: *переходный глагол, деепричастие, склонение глагола, абхазский язык.*

Sh.K. Arstaa

**THE HISTORY OF THE TRANSITIONAL VERB IN
ABKHAZ-ADYGHE LANGUAGES**

Annotation. *The article is devoted to the study of various forms of the transitional verb in Abkhaz-Adyghe languages. The examples show the specific features of the transitional verb.*

Key words: *transitional verb, verbal adverb, verb declension, Abkhaz language.*

АЦСУАА РҘАҘЫЦТЭ ФОЛЬКЛОР АЖАНРТЭ ЕИЛАЗААРА

Аннотация. *Астатиаҕы аҕсуа фольклор ажанрқәа рсистема ҕаамтазы иахьынзатҕаау азгәатоуп. Анаҕс афольклор иахьатәи аилкаамтақәа шыаҕас икайаны (аҕаҕыцтә рҕеиамта афилологиатә лагамтаҕы аетнографиатә лагамтаҕы шацу), иҕыцны имҕаҕоуп аҕсуа фольклор жанрла аихшара. Убриаамтазы, хымтада, хийышыштра рытоуп афольклортә рҕеиамтақәа уаанзатәи реихша-шыақәаҕы.*

Ихадароу ажәакәа: *аҕаҕыцтә фольклор ажанртә система, аҕсуа фольклор, афилология, аетнография, ажанр, аифология, аклассикатә фольклор, аҕамта, ҕаамтазтәи афольклор, ахәычтәы фольклор.*

Ацсуаа рҕаҕыцтә фольклор ажанртә еилазаашы нагза-аагзаны иахьанзаҕы еилкаам. Уи ус иахьыкоу хара хҕы, ма еиха инартбааны – кавказфольклортцаара мацараҕы акәзам. Акыршыкәса рацхыа «афольклортә традициякәа ржанртә еихшареи ржанртә еилазаареи рызцаара азбара макыана акрагуп» (Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994: 66) хәа азгәартон атцарауаа. Азцаара ауадаҕра бзианы ианыпшит афольклортә жанрқәа системала реихшара иазкыз 1963 шыкәсатгәи Будапештгәи адунеижәларбжыратә конференция. Иазгәататәу, иара уиаахысҕы ари азцаараҕы шыаҕанкыла цахрак камлац. Насҕы иахыа, еихаракҕы Асовет хәынтқарра анхыбгала ашытахы, афольклор аматәартә хәаакәа рҕырпсахит. Убриазҕы даара иаҕахны икоуп Асовет хәынтқарра икәынхоз ажәларкәа рфольклортә традициякәа ржанртә еилазаара бла ҕыцла аитахәапшра.

Ажәларкәа азэырҕы иреипшны, ацсуаа рҕаҕыцтә фольклор иазхыа-цшуа иалагеит апрофессоионалтә фольклортцааҕцәа цэырцаанза. Жәлар рырҕеиара арт абзиабаҕцәа, аинтузиастцәа, ма даҕа занатк змаз ауаа ианыртцоз, иркыпцхыуаз атексткәа реиҕдырааразы, аки-аки реиламырҕашыаразы, реилыргаразы еихшашыақәак рхы иадырхәон, гәынхәцыстала, емпирикатә шыаҕала, цакыла, еиҕартәышыала, цшра-сахыала ухәа еишыашәалоу арҕеиамтақәа еидыркылон. Ари аҕаҕыцтә фольклор ажанрқәа рытцарадырратә еихшара ашка иахаз мҕахәастак еипш, «аҕаҕыцтә жәарҕеиараҕы ажанртә хәыцра ахацыркрак еипш» (Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010: 62) иҕацхыазар аеуит. Уи ацхыатәи шыаҕан, лагамтан, анаҕска атцарадырратә жанртә еихшара хата катцахаанза.

Афольклортцааф-теоретикца – В.И. Пропп, Б.Н. Путилов ухѣа – ишазгѣартоз еицш (Пропп 1998: 173–184; Путилов 2006: 90–108), даара ишуадафуггы, иалкаахар калойт, аѣапыцтѣ фольклор ажанртѣ системакѣа раццаразы ихадароу атагылазаашьақѣа хѣба; 1) арѣиамта «асахьаркыратѣ цакы», иаанарцшуеи иаазырпшуеи ракзаара; 2) арѣиамта апоетикеи аструктуреи; 3) арѣиамта афункционалѣтѣ лагамта; 4) арѣиамта анагзашьеи ацстазаашьеи; 5) аѣапыцтѣ рѣиамта егырт иѣапыцтѣым арѣиамтақѣа ишырзыкоу.

Ацсуа фольклор ажанртѣ еихшаразы, аимпирика-гѣынхѣцыстала-тѣикѣа хѣа ззухѣар ауа, ацхьатѣи аѣпышѣарақѣа рхы ркит 1930-гѣи ашыкѣскѣа иаадыркны. Урт иреиуоуп ацсуа лакѣкѣа ацхьатѣи реизгақѣа – 1935, 1936, 1940 шыкѣскѣа рзы А.К. Ахашба, В.И. Кѣыкѣба, К.С. Шьакрыл, Хѣ.С. Бгажѣба ртыжьымтақѣа (Хашба, Кукба 1935; Ахашба, Кѣыкѣба 1936; Шьакрыл, Бгажѣба 1940); ацсуа жѣлар рпоезиа ацхьатѣи аизгақѣа – 1941, 1956, 1959 шыкѣскѣа рзы Д.И. Гѣлиа, Хѣ.С. Бгажѣба, И.Е. Кортуа, Б.В. Шьынқѣба ртыжьымтақѣа (Гѣлиа, Бгажѣба 1941; Кортуа 1956; Шьынқѣба 1959) ухѣа убас ирацѣаны. Арт аизгақѣа рѣы арѣиамтақѣа ржанртѣ еихшара асистема амазам, атцардырратѣ тыжьра атекстологиатѣ принципкѣа еилахѣоуп. Уиадаггы, арѣиамтақѣа ржанртѣ еихшашьа аидеологиатѣ диктатггы изацѣымцеит. Ғырпшыс иаахгозар, ацсуа жѣлар рпоезиа ашѣақѣа рклассификацѣаы, заа ицѣырцыз арѣиамтақѣа ацхьа ицо акѣымкѣа, аханатѣ инеиуеит асовет аамтазтѣи арѣиамтақѣа, Ленин, аколнхара ирызку ашѣақѣа ухѣа.

Ацсуаа рѣапыцтѣ фольклор ацхьаза акѣны, «асовет фольклортцаара-ѣы еицрыдыркылахѣоу аѣоурых-хронологиатѣ принцип» дыкѣныкѣаны (Аншба 1975), ажанртѣ классификацѣа азиуит ацхьатѣи ацсуа проф-ессионалтѣ фольклортцааф Ш.Хь. Салакаиа, 1975 шыкѣсазы еикѣи-ршѣаз, ииѣыз ашѣкѣаѣы – «Ацсуа жѣлар рѣапыцтѣ рѣиамта. Ахрестоматѣа. Еихау ацарайуртақѣа рзы арцагатѣ хархѣага» (Салакаиа 1975). Ускантѣи аамтазы ацсуа фольклор агьырак теориала иштцѣаамызггы, ацарауаф еиха иубартаз ацсуа ѣапыцтѣ рѣиамтақѣа ажанртѣ классификацѣа ранырпшра илшеит. Урт иреиуоуп: ацѣа ашѣақѣа, ақѣабзтѣ поезиа, атѣхѣақѣа, ажѣацкақѣа, ацуфарақѣа, афырхацаратѣ епос, амифологиатѣ хѣамтақѣеи алегендақѣеи, алакѣ, аѣоурыхтѣ ѣапыцтѣ рѣиамтақѣа, абзатаратѣ поезиа, адрама, ахѣычтѣы фольклор, ацсуа советтѣ ѣапыцтѣ поезиа. Анафс 1981 шыкѣсазы С.Л. Зыхѣба иреихау ацарайуртақѣа рзы ииѣыз ирцага шѣкѣаѣгы (Зыхѣба 1981) абри ажанртѣ система еикѣырхоуп, шьѣатас икацоуп.

Иазгѣататѣу, хѣамтазы, ажанркѣа ргьырак теориала иштцѣаауггы, атексткѣа реизгақѣа мацымкѣа иштыжьуггы, ацсуа фольклор абри ажанртѣ еихшашьа, шамахазақ акѣымзар, шьѣатас ишыкоу иаанхоит. Арахь ушьѣа акраацуеит афольклортцаара ахѣта ахаѣпшра шьѣатанкыла аѣацсахижьѣтеи, азнеишьақѣа ѣыщхеижьѣтеи. Убриазы, сгѣы иаанагоит,

Апсынгы егырт уаанзатәи Асовет хәынтқарра иалаз ареспубликақәа рғғы афольклортцаарағы ирғыцтәу маңымкәа икоуп, ажанртә еихшарағы убрахь иналатаны. Амала убриаан изызхәыцтәу, апсуаа рғапыцтә фольклор угозар, еиуеипшым ажанрқәа ирыцаркуа арғиамтақәа ихатәау ртыжымтақәа злахамам ала, апсуа фольклор атематикатә еилазаара нагзаны макъана ухағы иузаагом. Убриазы апсуаа рғапыцтә традиция зегърыла инагза-аагзаны ажанртә хәақәа ралкаара хәхынзазхиоу ахәара цәгъоуп.

Адуinei ағы атермин «афольклор» аилкаашьақәа шеипшым еипш, ажәларқәа рфольклортә рғиамтақәа ржанртә системақәағы аивгарақәа маңымкәа ирымоуп. В.И. Чичеров иажәақәа рыла исхәоит: «У каждого народа существуют жанры, которые являются общими для всего мирового фольклора, <...> но некоторые жанры у каждого народа имеют особое, присущие только данному народу черты» (Чичеров 1959: 16). Европағы Урыстәылагы ажәа «афольклор» «а-цакык артоит: а) еиха ирмачны – ажәлар рғапыц рғиамтақәа рахасабала, б) еиха инейтхыны – атрадициатә доухатә культура зегы ахасабала (ажәлатәи афольклор, амузыкатә фольклор, ахатарақәа, агәрагарақәа, ақьабзқәа, жәлар рказара ухәа атанакуа).

Актәи аилкаашьа афилологиятә знейшья, афилологиятә фольклортцаара ахәақәа иртыгам, аобатәи аилкаашьа аетнографиятә, антропологиятә шыата амоуп. Арт «а-силкаашьяк афольклор иара апсабара хата «иахкьоит», избан акәзар ари – асубстанция рацәа змоу, ицъашьахәу цәыртраны, атрадиция иагәалашәараны (память традиции) икоуп акультура атоурых ағы. «В фольклоре не бывает отдельно только этнологически значимых явлений (например, обряд и этнографичен, и художествен по сути и структуре), точно так же, как нет в нем ничего такого, что могло бы самодостаточно именоваться только поэтическим, ибо каждый жанр, любой “добрый молодец”, “красна девица”, “мать – сыра земля”, любая пословица и т. д. и т. п. коннотируются с миром человека этнического. И так это у любого народа» (Гацак 2003: 30) – хәа дхәыцуан В.М. Гацак. Машәырны акәзам XIX ашәышқәсеи XX ашәышқәса алагамтеи рзы атцаа«цәа афольклор зны афилология изатцаркуаз, зны – аетнография.

Асовет аамтазы Асовет еидгыла иатанакуаз ахәынтқаррақәа рғы атермин «афольклор» атакы ркьяғны, жәлар рғапыц рғиамтақәа, ажәатә фольклор хәа акәын рхы ишадырхәоз. Ари азнейшья афольклор афилология ахәақәа иртанацит, афольклортцаара алитературадырра иахәтакны иканатейт, афольклортә рғиамтағы асахьаркыратә хәта хадаратәхейт. Арт акритерикәа ирықәымшәоз афольклортә цәыртцарқәа хшыөзышьятра рымамкәа, зхәапшрада иаанхейт ухәар ауейт. Убриазы Б.Н. Путилов ииашан иазгәейтон: «Фольклористика в течение десятилетия была одной из самых заидеологизированных у нас наук. <...> Это

касается и жанрового состава фольклора, который пока что сужен и сведен к немногим “привилегированным” жанрам. <...> Пласты современного фольклора, выразившие действительные настроения общества и отдельных его групп, были закрытой зоной, они как-бы не существовали, на место их подставлялись явления либо придуманные, искусственно вносившиеся в научный и читательский оборот, либо и вовсе отсутствовавшие в реальности, фигурировавшие лишь в представлениях фольклористов» (Путилов 1991: 144, 146, 147). Аханатэ аетнография еиха иадхэалаз афольклортцаара шьатанкыла ифилологиатэхейт, афольклортэ рѣиамтақэа алитературадырратэ категориакэа рыла рызнеира апыжэара агеит. Уи атэы абас ицэыригоит А.К. Байбурин: «В конце 20-х – начале 30-х годов XX века этнография была фактически разгромлена. Фольклористика в это время пытается выжить, прильнув к другой науке – филологии. С этой целью предмет изучения подвергся резкому сужению. В известном докладе Юрия Матвеевича Соколова “Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период” (1931) фольклор определялся как область поэтического творчества, а фольклористика – как часть марксистско-ленинского литературоведения. Тем самым от фольклора отсекалось все, что не может быть подверстано под “поэтическое творчество” (а сюда не вписывалась огромная область поверий, примет, магических практик, обрядов и др.» (Байбурин 2011: 4).

Абри асоветэ фольклортцаара атрадициакэа ирхылѣиауан ацсуа фольклортцаара аѣиашьагы, иара иахьанзагы хадаратэла усоуп ишаауа ухэар калоит. Ацсуа фольклор жанрла аихшарагы афольклортцаара алитературадырра адцэылара атенденция аныцшуа иаанхоит (шэахэ.: Салакаиа 1975; Зыхэба 1981).

Аха атыхэтэантэи ажэашықэсақэа рзы (еихаракгы 1990-тэи ашықэскэа раахыс) афольклор тызцаауа атарауаа иаахтны ирхэо иалагеит асовет аамта ианапскымтаз, хадалагы 1930-тэи ашықэскэа иаадыркны, афольклори афольклортцаарей рыѣиашья азышьтреипш апсахра, амѣахгара ишалагаз. Ускантэи аамтазы, егырт ртэы хамхэозаргы, Асовет еидгыла Атцаарадыррақэа ракадемия академик И.М. Соколовгы «асовет фольклор» «ақатаразы», аѣапыцтэ традиция аѣиара «амѣакэцарахь» аапхьарақэа равторцаэ дреиуан. Урт аѣапыцтэ ажэа азказатэа «аус рыдулашьазы» аметодқэа апыртон. Убас аизгаѣеи ажэабжьхэаѣеи «русеицура» иалтцшэахейт асовет аамта иазкыз арѣиамта ѣыцкэа мачымакэа (шэахэ. Байбурин 2010: 56–57).

Иара атермин «ажанр» ахатагы, ишдыру еипш, афольклортцаара иа-ланагалеит алитературадырра акынтэи. Аха, иазгэататэу, аѣыцъарагы ари аилкаара ацакы акны иказам. Ажанр адагы, Аристотель иаахыс атеория иадыруа алитература ажэлақэа хца – аепос, алирика, адрама – ирылагзаны акэын афольклор ажанртэ еилазаара рацэа ишахэапшуаз, ишыдыркылоз. Уимоу иахьанзагы ари «алитературатэ» знеишьа

инагзаны изацэымцац мачыџзам. Иаххэап, Н.И. Кравцов афольклортэ жанрқэа рклассификациязы алитертурадырратэ знеишьа (ажэлақэеи, ажанрқэеи, ажанртэ хкқэеи хэа реихшара) еиха иманшэаланы ипхьазон (Кравцов 2009: 40).

Иахьатэи афольклортцааџцаа агэра рго иалагеит ари амџала афольклортэ жанрқэа реихшара афольклор аспецифика ишаџагыло, ажанрқэа рцакы хата аарпшра шамуа. «Проецирование на фольклор жанровых категорий литературной поэтики малопродуктивно, а то и вовсе несостоятельно, поскольку они, как правило, не соответствуют ни реальному составу традиций, ни соотношению их частей» (Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010: 56).

Афольклор хаамтазтэи аилкаашьа, адкылашьа шыаџас икаџаны, Б.Н. Путилов ахыпхьазара раџаа змоу афольклортэ жанрқэа зегьы х-гэыпк рыла ишазар ауаны ипхьазоит (алитературадырраџы аепоси, алирикеи, адрамеи шыкоу еипш). Актэи агэыпц иаџанакуеит *еитархэо ажанрқэа*, аџбатэи – *аишаны ирхэо ажанрқэа*, ахџатэи – *ажэахэатэ*, *аџэажэаратэ жанрқэа* (Путилов 2006: 98–103). Сара излазбо ала, ари агэаанагара апхьака аус зыдулатэу, ирџеиатэу, зыдкылара, зықэныкэара иаџсоу акакэны икоуп.

Афольклортцаараџы иахьа еиха адгылара аиуеит атермин «афольклор» аџакы нартбааны аилкаара, – абызшэа, ажэалатэи аказара, амузыка, акэашара, ахэмарракэа, амифология, аритуалқэа, ахатцарақэа, аџасқэа, анапказара, архитектура ухэа – адоухатэ культура аџэыртцарақэеи афактқэеи зегьы шеицу иаџанакуа (Путилов 2003: 32). А.Л. Топорков игэаанагарала, афольклори афольклортцаареи ззааигэоу амаџэарқэа зегь рахьтэ еиха ихадароуп алингвистикеи, алитературадырреи, аетнографиеи: «Можно сказать, что фольклор заключен в треугольник, углы которого составляют язык, литература и народная культура, а наука о фольклоре вписана в треугольник между лингвистикой, литературоведением и этнографией» (Топорков 2016: 28). Даџеакала иухэозар, иахьа афольклор афилологиятэ лагамтагы аетнографиятэ лагамтагы шацу адкылара апыжэара аиуа иалагеит. К.В. Чистов иажэакэа рыла иухэозар, афольклортцаара афилологиягы аетнографиягы еиџыртэу тцаарадырроуп: «Основная особенность фольклористики – быть и оставаться одновременно наукой и филологической, и этнографической, поскольку каждое фольклорное явление есть одновременно и неизбежно и факт народного быта, и факт словесного искусства» (Чистов 1970: 4). Ари азнеишьа уаанза, асовет аамтазтэи афольклортцаараџы, изызхьампшуаз «ажанр ссақэа», еиуеипшым амаџэарқэа рхэааџы икоу атекстқэа цэырнагоит, иара убас афольклортцаареи аетнографиеи реимадара, ракзаара, реиццэыртцара аргэгэоит. А.К. Баибурин афольклортцаареи аетнографиеи ирзеипшу, еидызкыло акэны ипхьазоит *атрадиция*: «Главным ориентиром может служить то, что каждый

этнограф и фольклорист считает своим. Таким своим и для тех, и для других, как мне кажется, является феномен традиции, поскольку и этнографы, и фольклористы занимаются теми формами культуры, которые можно рассматривать в качестве относительно устойчивых. Можно сказать, что сфера традиционного является общим предметным полем современной фольклористики и этнографии» (Байбурин 2003: 14). А фольклор абри хаамтазтэи азнейшыазы (а фольклор жэлар ркультура аконтекст ишалоу атцааразы) Б.Н. Путилов даара ихадароу зцаараны ицхьазон хаз игоу аетнос рфольклортэ культура ажанртэ еилазаара хартэаны ашыақыргылары (Путилов 2003: 40).

Хьзи-пшеи змоу а фольклортцааф иабжьгара азгэатаны, ари амса саныкэла, ацсуа фольклор ажанркэа рсистема, уажэраанза ишыказ акэымкэа, даеакала ашыақыргылары сеазысшээр акэхеит. Азцаара, хымпада, имариам, ауадафракэа ма чымкэаны ицэырнагоит. Аханатэ ипшаатэын иара ацсуа фольклор ацсабара хата иакэшэаша аихшашья. Арака, знейшыак ахала акэымкэа, еиуеипшым аспекткэа еилагзатэхеит, еиқыбаатэхеит. Иаххэап, атоурыхтэ знейшыа – а фольклор атоурыхтэ, адиахрониятэ феиара иаарбтэын а фольклор ажанр-тематикатэ еилазаара, а фольклор аетнографиятэ шыата, ахккэа (афеапыцтэ, аблабаратэ) ухэа ацсуа фольклортэ культура ахаташыа еикэзырхо ачыдаракэа ма чымкэа. Ажанркэа рсистема аилкаарафэи акыр сдырманшэалеит Е.А. Костиухин еиоидыраауа адунеитэ фольклор ахккэа хца: архаикатэ, аклссикатэ, хаамтазтэи (Костюхин 2004: 23–25).

Абарт аецышэаракэа ирылтшэаны, атоурыхтэ знейшыа ашыатала, ацсуаа рфольклор афеиарафэи иалскаауеит ажанртэ кэшакаэа цшыба. Актэи акэша – **ажэытэзатэи а фольклори а мифологиени** (1) – иатцанакуеит ацсуаа аханатэ идырфеиаз риепикатэ, р мифологиатэ цтамтакэа, р мифологиатэ аамта, р мифологиатэ дунейхэапшышыа иатэу арфеиамтакэа. Ацсуаа ажэытэзатэи рфольклор афэи, хылтцшытрала дара ирзааигэоу егырт кавказтэи ажэларкэа рфольклор афеипш, иалкаау атыц амоуп нартаа репос. Нартааи Абрыскылы ирызку ахэамтакэа ацсуаа р мифоепикатэ дунейхэапшышыа иадырганы икоуп. Убриазы ацсуаа рархаикатэ епоси рархаикатэ мифология хараки реиццэыргара еиха ииашаны исыпхьазоит – ацсуа идуней шеифэаахаз, уи апхьатэи афырхацэеи, анцэакэеи, ауааи ирызку ахэамтакэеи а мифкэеи хеибартэаауа.

Аобатэи акэша – **аклассикатэ фольклор** (2) – иатцанакуа ажарнкэа фф-хкыкны еиоидыраауп – ақыабзтэ фольклори (2.1) иқыабзтэым а фольклори (2.2) хэа.

Ақыабзтэ фольклор еиднакылоит ажанркэа, ма ажанртэ гэыпкэа жэаха. Урт рхыпхьазарафэи иаабоит, атрадициатэ жанркэа инарываргыланы, уаанза зынза зызбахэ хамхэоз, асовет идеология ицэырнамгоз арфеиамтакэагы, иаххэап, аныхэаракэа, ашэиракэа, анцэахатцаратэ фольклор, агэатагакэа, ахатцаракэа ухэа убас ирацэаны. Абарт

афольклортә жанрқәеи атекстқәеи рзы В.М. Гацак иоуан: «Агрессивный государственный атеизм послужил тому, что целые массивы устной художественной словесности, в той или иной мере связанные с христианскими мотивами, как бы лишились права гражданства» (Гацак 1991: 156). Убриазы уажәраанзагы инагзаны игәатамкәа, итцаамкәа иаанхо атекстқәа рацәазоуп. С.М. Толстаиа лажәақәа рыла иухәозар, «недостаточно исследованными в фольклористике остаются многие виды текстов, имеющих все признаки самостоятельных фольклорных жанров (благопожелания, проклятия, угрозы, отгонные формулы, ритуальные диалоги, приглашения и т. п.), которые одновременно являются и особыми вербальными ритуалами. Еще менее изучены такие тексты, жанровые признаки которых недостаточно очевидны, но которые тем не менее близки к фольклорным, т. е. имеют устойчивый воспроизводимый характер, клишированную форму, четкую прагматическую функцию (запреты и предписания, мотивировки обрядовых действий, <...> толкования снов, многие формы верований и др.)» (Толстая 1998: 38).

Аклассикатә фольклор анаәстәи ажанрқәа рыхкаҕы – икьабзтәым афольклор – еидкылоуп тьакылагы хьцхьазаралагы даара иуадаәны еилоу ажанрқәа, ма ажанртә гәыпқәа. Урт зегь рахьтә еиха ауадаәрақәа цәырнагоит алитературатә термин «аҳәамтақәа». Аамтак азы (А.А. Аншба ифольклортә нцамтақәа жанрла реихшараан) уи иазкны стәаанагара схәахьейт: «Апсшәаҕы “аҳәамтақәа” даҕажәак ианацааиуа еиуеипшым аилкаарақәа синоним хасабала иапсахыр калоит. Иаххәап, “аҕацыцтә хәамтақәа”, “нартаа рхәамтақәа”. Аха акгы иацымкәа, ахала ианаххәо, асемантика итегь еицыххар алшоит, иаххәап, алакә иатәым апроза (несказочная проза) ацакы иакәшәо аҕынза. Атермин ари аоыза ахархәашьа еиха иманшәалоушәа збоит афольклортә материалқәа реихшараан. Избан акәзар адуейтә фольклортцаараҕы иахьагы зклассификация аймак-аиҕак ацу арт арҕеиамтақәа иалкаау системак итанагзоит. (Аурыс фольклортцаараҕы атермин “сказания” ацакы еиуеипшым арҕеиамтақәа зейцшла еиднакылоит)» (Цьапуа 2012: 127–128). Арт ажанрқәа ицәырырго ауадаәрақәа ирызкны К.В. Чистов иара иаамтазы иазгәейтон: «Фольклористика до сих пор не располагает ни общепринятой классификацией жанров народной прозы, ни международной системой терминов, обозначающих ее важнейшие разновидности» (Чистов 2005: 44). Икалаз уиоуп, иара иахьанзагы ари азцаара нагзаны избамкәа иаанхоит.

Атермин «аҳәамта» инаваргыланы, апсуаа рҕы иупылоит атермин «ажәабжь». Уи ахархәара амоуп: аепикатә рҕеиамтақәа – нартаа репос, Абрыскыыл иепос – ирыдкыланы (нартаа ражәабжьқәа, Абрыскыыл иажәабжь), амифологиатә рҕеиамтақәа ирыдкыланы (амифологиатә жәабжьқәа), атоурыхтә хәамтақәа ирыдкыланы (адоурыхтә жәабжьқәа).

Ш.Хь. Салакаиа абриазы иџеит: Под «термином “ажэабжь” объединяются все прозаические жанры, которые в представлении народа всегда основываются на реальных фактах и отличаются друг от друга только тем, что одни происходили в глубокой древности, а другие немного позже» (Салакая 1963: 291).

Атерминкэа «ахэамтэи» «ажэабжьи» рсемантикакэа иагагы еикэ-шэозаргы, ацакы нартбааны, илакэтэым апроза зегы ацанакуа ахар-хэаразы атермин «ахэамта» еиха ианаалоит. «Ахэамтэи» «ажэабжьи» цакыла даара ирзааигэоуп адыга термин «хабар». Уи аоныцка рееидыркылоит цакылеи поетикалеи еиуеипшым арџиамтакэа: «этиологические рассказы (о происхождении земли, различных животных, растений и их свойствах) и рассказы исторического характера о событиях общественного значения и лицах, игравших сколько-нибудь заметную роль в жизни народа» хэа лыџеит А.И. Алиева (Алиева 1986: 6).

Убасала, сара сеихшараџы ажанртэ акзаара «ахэамтакэа» (2.2.2) ирыцанакуеит: амифологиатэ хэамтакэа (2.2.2.1), амиф-цабыргкэа (2.2.2.2), алегендакэа (2.2.2.3), аџапыцтэ цоурыхкэа (2.2.2.4). Дара зегы ржанртэ хэаакэа даара ицсыгеуп, реипшымзаара ааузгэамто еизааигэоуп.

Ахцатэи акэша – **хаамтазтэи афольклор** (3) – ацакы акыр иџыцуп ухэар аеит ацсуа фольклор ажанркэа реилазаараџы. Ганкахьала, арахь иацанакуеит хаамтазы ахархэара змоу атрадициатэ жанр хккэеи, ажанркэеи, арџиамтакэеи (3.1). Урт иреиуоуп ажанртэ кэшакаэа – ажэытэзатэи афольклори амифологииеи, аклассикатэ фольклор, ахэычтэы фольклор ирыцаркуа арџиамтакэа хаамтазтэи рцэырцшыакэа, рџыпсахшыакэа, рформакаэа. Даџаганкахьала, арака иаабоит хаамтазтэи афольклор ажанр џыцкэа: аџапыцтэ жэабжькэа (3.2.1), алафкэа (3.2.2), ухэан-схэанкэа (3.2.3), ахьзыртэракаэа (3.2.4), афольклортэ литературеи алитературатэ фольклори (3.2.5), ацсуа интернет-фольклор (3.2.6). Сгэы ишаанаго ала, цоурыхла хаамтазтэи афольклор ахэаакэа акыр еитыхуп. Уахь иацакзар еиха ииашоуп, асовет аамтазтэи афольклор амацара акэымкэа, XIX ашэышкэса аабатэи азбжазы, 1860-тэи ашыкэскэа рзы Ацсхара анкахаз аахыс иџео ажанркэа, аццамтакэа зегы – нартаа рхэамтакэа инадыркны аинтернет-фольклор акынза. Хаамтазтэи афольклор ацакы аилкааразы уадгылартэ избоит М.Д. Алексеевски игэаанагара: «Попытки провести какие-то временные границы, отделяющие современный фольклор от несовременного едва ли могут быть успешными. Фольклор по природе своей пластичен и динамичен, он развивается во времени: одни формы могут отмирать, другие – зарождаться, третьи – трансформироваться. Это означает, что никакого резкого перехода от “старого” к “новому” фольклору быть не может: многие архаичные по происхождению фольклорные явления и традиции активно бытуют и развиваются в наши дни, а некоторые современные фольклорные новообразования при более внимательном рассмотрении

оказываются не такими уж новыми. Поэтому не стоит устанавливать жесткие временные рамки, а “современность” надо понимать в прямом смысле этого слова – это то, что происходит здесь и сейчас. Если то или иное фольклорное явление активно бытует и развивается в наши дни на наших глазах, то его правомерно относить к современному фольклору, в независимости от того, когда оно возникло» (Алексеевский 2013: 19).

Ари акәшаҕы иһадараны иһоуп аһтыс дукәа быжьба: апсуаа рыцсад-гыыл рахыгара, асду, Асовет мчра, харада ауаа рырзра, Ацбынцтәылатә еибашыра ду, Асовет хәынтқарра аилахара, Апсны жәлар рхақәитратә еибашыра. Арака ицәыртцеуит, афольклортә литература хәа ззухәар ауа, афольклор иалху арәиамтақәа реицш, алитературатә фольклор хәа иупхьазаша, асахьаркыратә литература иахылҕеиауа арәиамтақәагы. Ус ифольклортәхо алитература, атцаараҕы излеилкаау ала, ахата аханатә жәлар ртрадициақәа ирзааигәақәоу, шыатас измоу ашымтақәа ракәхоит. Насгыы хәамтазтәи афольклор аҕы иҕеиоит альбомтә жәеинраалақәа, асаламшәкәкәа, ухәан-схәанкәа (слухи), аинтернет аҕы ахархәара змоу атекстқәа, асоциалтә, апрофессионалтә гәыпқәа (иаххәап, астудентцәа, атуристцәа ухәа) рфольклор. Арт арәиамтақәа акалакь еиҕа иазырхоуп, ицегь ииашан иухәозар, акалакьгыы ақытагы ирзеицшуп. Аинтернет-фольклор, хымпада, жанрым, аха макьаназы хаз кәшаны узахәапшуам, иҕышу фольклортә цәыртцраны иһоуп. Изахьзу, иатцанакуа, ачыдарақәа цхьака еиҕа иубартахап хәа сыһоуп.

Апшыбатәи акәша – **ахычтәы фольклор (4)** – даара имариамкәа еилоуп. Уи иатцанакуеит – агарашәақәа инадыркны ажәарццаккәа рҕынза – ахычкәа рдуinei иатәу афольклортә жанркәа, арәиамтақәа, иара убас ахычаазара иацу ақьабзқәа.

Апсуа фольклор иара апсабара хата иатәышьтроу ажанртә система сзыпшаа, исзымпшаа, истахын чыдала акыр сзызхәыцыз абри аихшашыа ҕыц ахархәаразы иманшәалахарц. Цабыргуп, уи хзырбараны иһоу цхьакатәи апышәеи аамтәи ракәхоит.

Апсуа фольклор ажанртә еилазаара

1. Ажәытәзатәи афольклори амифологиен

1.1. *Апхьатәи афырхацәеи, анцәақәеи, ауааи*

1.1.1. Нартаа репос

1.1.2. Абыскыыл иепос

1.1.3. Адауцәа ирызку амифкәа

1.1.4. Ацан рмиф

1.1.5. Анцәақәа ирызку амифкәа

1.1.6. Ауаа ирызку амифкәа

1.1.7. Адунеи аиҕекаара иазку амифкәа

2. Аклассикатэ фольклор

2.1. Ақьабзтэ фольклор

2.1.1. Ашэарыцара анцэахэқэа ирызку ашэақэеи, ахэамтақэеи, ақьабзқэеи

2.1.2. Ацьяуси анапказареи ирызку ашэақэеи ақьабзқэеи

2.1.3. Адыди амацэыси рынцэахэқэа ирызку ашэақэеи, ахэамтақэеи, ақьабзқэеи

2.1.4. Ақэеи амреи ирызку ашэақэеи, ахэамтақэеи, ақьабзқэеи

2.1.5. Ачарашэақэеи ачара ақьабзқэеи

2.1.6. Аныхэафэақэеи аишэачара ақьабзқэеи

2.1.7. Ацэыуарақэеи ацстэыуара-цсыжратэ қьабзқэеи

2.1.8. Атэхэақэеи, атэхэаратэ қьабзқэеи, ацшрақэеи, ацсуа хэшэқэеи

2.1.9. Аныхэарақэеи, ашэирақэеи, ацэхарақэеи, урт рқьабзқэеи

2.1.10. Анцэахатцаратэ фольклори уи ақьабзқэеи

2.1.11. Агэатагақэеи, ахатцарақэеи, урт рқьабзқэеи

2.1.12. Аныхэақэеи, аныхэатэ ашэақэеи, аицлабратэ хэмаррақэеи

2.1.13. Адрама

2.2. Иқьабзтэым афольклор

2.2.1. Алакэқэа

2.2.1.1. Ацстэқэа ирызку алакэқэа

2.2.1.2. Анашанатэ лакэқэа

2.2.1.3. Абзаратэ лакэқэа

2.2.2. Ахэамтақэа

2.2.2.1. Амифологиатэ хэамтақэа

2.2.2.2. Амиф-цабыргқэа

2.2.2.3. Алегендақэа

2.2.2.4. Афэапыцтэ тоурыхқэа

2.2.3. Афырхатцара-тоурыхтэ ашэақэеи ахэамтақэеи

2.2.4. Ажэапқақэа

2.2.5. Алирикатэ ашэақэеи амузыкеи

3. Хэамтазтэи афольклор

3.1. Хэамтазы ахархэара змоу атрадициатэ жанр хкқэеи, ажанр-қэеи, арфеамтақэеи

3.1.1. Ажэытэзатэи афольклори амифологииеи (1). Еихарак: 1.1.1.

3.1.2. Аклассикатэ фольклор (2). Еихарак: 2.1.1–2.1.12; 2.2.1.3; 2.2.2.1–2.2.2.4; 2.2.3–2.2.5.

3.1.3. Ахэычтэы фольклор (4)

3.2. Хэамтазтэи афольклор ажанр фыцқэа

3.2.1. Афэапыцтэ жэабжықэа

- 3.2.2. Алафқәа
- 3.2.3. Ухәан-схәанқәа
- 3.2.4. Ахьзыртәрақәа
- 3.2.5. Афольклортә литературей алитературатә фольклори
- 3.2.6. Ацсуа интернет-фольклор

4. Ахәычтәы фольклор

- 4.1. Агарашәақәеи ақьабзқәеи
- 4.2. Ахәычтәы ашәақәеи аицлабратә хәмаррақәеи
- 4.3. Ажәархәмаррақәеи, ашәархәмаррақәеи, ахәычыжьжьагақәеи, ар-шәагақәеи
- 4.4. Ахәычқәа рлакәқәа
- 4.5. Ахәычқәа рлафқәа
- 4.6. Икам-иным
- 4.7. Ацуфарақәеи ажәарццакқәеи

Алитература

Алексеевский 2013: Алексеевский М.Д. Заметки об истории изучения персонажей современного фольклора // Фольклор XXI века. Герои нашего времени: Сборник статей / Сост. М.Д. Алексеевский. М., 2013. С. 17–28.

Алиева 1986: Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов / Отв. ред. М.А. Кумахов. М., 1986.

Аншба 1975: Аншба А.А. Ацсуа фольклор иазку рацхьатәи ахрестоматиа // Ацсны ꙗцшь. Ақәа, 1975. Октябр 15.

Аҳашба, Кәыкәба 1936: Ацсуа лакәқәа / А.К. Аҳашбеи В.И. Кәыкәбеи рзеицш редакциала; ацхьажәа ифит А.К. Аҳашба; алагалажәа ифит И.И. Мешьчанинов; алагаларатә статиа ифит В.И. Кәыкәба. Ақәа, 1936.

Байбурин 2003: Байбурин А.К. Проблема «фольклор и этнография» сегодня // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международной научной конференции / Под ред. Ю.К. Чистова, В.А. Тишкова. СПб., 2003. Вып. I. С. 10–17.

Байбурин 2010: Байбурин А.К. Некоторые общие соображения о фольклоре и фольклористике // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник статей. М., 2010. С. 43–62.

Байбурин 2011: Байбурин А.К. Несколько замечаний к теме «фольклор и этнография» (вместо предисловия) // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. СПб., 2011. С. 3–7.

Гацак 1991: Гацак В.М. К возвращению «отреченных» разделов фольклора и фольклористики // Фольклор в современном мире: Аспек-

ты и пути исследования / Отв. ред. В.А. Бахтина, В.М. Гацак. М., 1991. С. 151–158.

Гацак 2003: Гацак В.М. Фольклор в системе национальных художественных культур в XX веке: методологический аспект // XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур: традиции, обретения, освоение: Материалы Всероссийской научной конференции. 11–16 октября 2000 г. Махачкала, 2003. С. 28–44.

Гэлиа, Бѣажэба 1941: Ацсуа жѣлар рпоезиа / Еикѣдыршѣеит: Д.И. Гэлиа, Хѣ.С. Бѣажэба. Акѣа, 1941.

Зыхѣба 1981: Зыхѣба С.Л. Ацсуа жѣлар рѣапыцтѣ рѣиамтѣ: Еихау ацараиуртѣкѣа рзы арцага шѣкѣы. Актѣи атыжѣра // Арѣдакторцѣа А.А. Аншба, Ш.Хѣ. Салакаиа. Акѣа, 1981.

Кортуа 1956: Ацсуа жѣлар рашѣакѣеи ражѣабжѣкѣеи / Еикѣиршѣеит И.Е. Кортуа. Акѣа, 1956.

Костюхин 2004: Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору: Учебное пособие для вузов. М., 2004.

Кравцов 2009: Кравцов Н.И. Славянский фольклор: Учебное пособие. Второе издание. М., 2009.

Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994: Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 39–104.

Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010: Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М., 2010.

Пропп 1998: Пропп В.Я. Собрание трудов: Поэтика фольклора. М., 1998.

Путилов 1991: Путилов Б.Н. Фольклорист ближайшего завтра // Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования / Отв. ред. В.А. Бахтина, В.М. Гацак. М., 1991. С. 143–148.

Путилов 2003: Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003.

Путилов 2006: Путилов Б.Н. Теоретические проблемы современной фольклористики. СПб., 2006.

Салакая 1963: Салакая Ш.Х. О героическом эпосе абхазов // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1963. Вып. XXXIII–XXXIV. С. 278–303.

Салакаиа 1975: Ацсуа жѣлар рѣапыцтѣ рѣиамтѣ: Ахрестоматиа. Еихау ацараиуртѣкѣа рзы арцагатѣ хархѣага / Еикѣиршѣеит, апхѣажѣеи азгѣатакѣеи ишит Ш.Хѣ. Салакаиа. Карт – Акѣа, 1975.

Толстая 1998: Толстая С.М. Этнолингвистика и фольклор // Наука о фольклоре сегодня: Междисциплинарные взаимодействия. К 70-летию юбилею Федора Мартыновича Селиванова: Международная научная конференция (Москва, 29–31 октября 1997 года). М., 1998. С. 37–38.

Топорков 2016: Топорков А.Л. Фольклористика в междисциплинарном диалоге // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2016. С. 23–41.

Хашба, Кукба 1935: Абхазские сказки / Под общ. ред. А.К. Хашбы и В.И. Кукбы; предисл. А.К. Хашбы; вступ. слово И.И. Мещанинова; вступ. статья В.И. Кукбы. Сухум, 1935.

Чистов 1970: Чистов К.В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1970. С. 3–15.

Чистов 2005: Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сборник статей. М., 2005.

Чичеров 1959: Чичеров В.И. Русское народное творчество. М., 1959.

Шьякрыл, Бҗажэба 1940: Ацсуа лакэкэа / Еикэдыршэит: К.С. Шьякрыл, Хэ.С. Бҗажэба; апхьяжэа ишит Н.П. Андреев; аредактор А.М. Чочуа. I атом. Акэа, 1940.

Шьынқэба 1959: Ацсуа жэлар рпоезия / Еикэиршэит Б.В. Шьынқэба. Акэа, 1959.

Цьапуа 2012: Цьапуа З.Ць. Ацсуа фольклори алитературеи рзы згэатаракэак / Аредактор Ш.Хь. Салакаиа. Акэа, 2012.

З.Д. Джапуа

О ЖАНРОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В АБХАЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению жанрового пространства абхазского вербального фольклора. Предпринята попытка новой систематики жанровых разновидностей и жанров абхазского фольклора на основе широкого понимания фольклора, объединяющего и филологические, и этнографические аспекты фольклорно-этнографических явлений.*

Ключевые слова: *абхазский фольклор, жанровое пространство, филология, этнография, жанр, архаический фольклор и мифология, классический фольклор, современный фольклор, детский фольклор.*

Z.D. Dzhapua

IMPORTANCE OF QUESTIONNAIRE IN COLLECTION OF FOLKLORE

Annotation. *The article is devoted to the consideration of the genre space of the Abkhaz verbal folklore. An attempt has been made to introduce a new taxonomy of genre varieties and genres of the Abkhaz folklore based on a broad understanding of folklore, combining both philologi-*

cal and ethnographic aspects of folklore and ethnographic phenomena.

Key words: *Abkhaz folklore, genre space, philology, ethnography, genre, archaic folklore and mythology, classical folklore, modern folklore, children's folklore.*

СЮЖЕТ «ХИТРАЯ НАУКА» (СУС 325) В РУССКОЙ И АБХАЗСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ СЮЖЕТНОГО ТИПА И ЕГО НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация. *Статья посвящена анализу широко распространенного во всем мире сказочного сюжета «Хитрая наука». Сюжет зафиксирован у монгольских, тюркских, славянских, романских, германских, балтских народов. Известны и кавказские версии сюжета. В статье сравнивается мотив состязания в колдовстве в русских и абхазских сказках. Анализ материала позволяет говорить о том, что и в русской, и в абхазской сказочной традиции структура сказки практически идентична. Однако, для русской традиции есть устойчивые дополнительные мотивы, которые отсутствуют в абхазском материале. Для русской традиции сказка на сюжет СУС 325 «Хитрая наука» оказывается на границе между коллективным и индивидуальным творчеством. Она еще не живет по законам литературного творчества, но сказочники стремятся рассказать данный сюжет, дополнив его элементами, свойственными литературному творчеству: включить туда дополнительные мотивы, зачастую не влияющие на сюжет, добавить авантурные элементы, что возможно связано с литературным влиянием. Абхазская версия сюжета более архаична и по своей структуре, в которой нет дополнительных мотивов, и по ряду элементов.*

Ключевые слова: *сказка, сюжетные типы, мифологическая природа, литературное влияние, сказковедение.*

Сюжет «Хитрая наука» широко распространен во всем мире. Сюжет зафиксирован у монгольских, тюркских, славянских, романских, германских, балтских народов. Известны калмыцкие, коми, карельские и др. варианты сюжета. Сюжет широко распространен в Европе и Азии, и кавказские народы не являются в данном случае исключением (см. Шакрыл 1975: 448). В сборнике «Абхазские сказки» (Абхазские сказки 1935: 114–119), который подготовили к публикации В.И. Кукба и А.К. Хашба, была опубликована сказка «Хайт», относящаяся к широко распространенному в мире сюжету АТУ 325 «The Magician and His Pupil»¹. Другой вариант представлен в книге «Абхазские сказки» (Абхазские сказки 1959: 158–162), составителем которой был Х.С. Бгажба.

¹«Волшебник и его ученик», в славянских традициях сюжет больше известен под названием «Хитрая наука», в тюркских традициях – EbBo 169.

История его происхождения тоже довольно хорошо изучена, хотя у исследователей нет единой версии о путях миграции данного сюжетного типа. Так, Т. Бенфей (Benfey 1859) писал о миграции данного сюжета из Индии через Монголию в Европу, другие исследователи говорили о миграции сюжета с Запада на Восток. Сказки данного типа были весьма подробно проанализированы И. Поливкой (Поливка 1898). К генезису данного сюжета обращался В.Я. Пропп (Пропп 1986: 103–106), Г.Н. Потанин (Потанин 1903а: 1–24; Потанин 1903б: 1–37; Потанин 1903в: 1–26), Э. Коскен (Cosquin 1912).

К.С. Шакрыл считает, что данный сюжет восходит к египетской сказке Нового царства о двух братьях (Шакрыл 1975: 449), однако с этим трудно согласиться. В указанной сказке действительно есть мотив превращения: в быка и в деревья, которые потом по просьбе коварной шепсет (знатной дамы) уничтожаются. Но мотив уничтожения с последующим воскрешением в новом облике не всегда является соревнованием двух волшебников. Так, например, в сказках СУС 511 «Чудесная корова» по навету сестер убивают корову, которая помогает сиротке выполнять задачи мачехи. Из костей коровы вырастает чудесная яблоня. В сказке СУС 318 «Неверная жена» герой превращается в коня, дерево, селезня, а любовник по совету неверной жены героя убивает коня, рубит дерево и пытается уничтожить селезня, который в результате очередного превращения убивает и его, и жену-изменщицу. В данном случае мотив состязания в колдовстве между персонажами отсутствует. Противники героя или героини не меняют свой облик, чтобы победить героя. В сказках же сюжетного типа 325 превращение обоих участников поединка обязательно. Поэтому вышеназванная египетская сказка вряд ли может рассматриваться как первый известный пример данного сюжетного типа. Рассматриваемый нами сюжет входит в состав санскритского сборника «Двадцать пять рассказов Веталы», он есть в сказках «Тысячи и одной ночи», в «Метаморфозах» Апулея и «Приятных ночах» Страпаролы.

Сказка представляет собой двухэпизодное повествование. Первый эпизод связан с обучением сына старика колдовству и опознанием превращенного юноши в ряду одинаковых животных, птиц или людей. Здесь всегда есть мотив предупреждения отца о тайном знаке, по которому будет узнан сын. Вторая часть начинается с продажи героя в облике коня или другого животного, далее следует нарушение запрета на продажу с уздечкой или другим предметом, выполняющим ее функции, получение колдуном власти над героем и магический поединок, из которого герой выходит победителем. Иногда сказочный сюжет отягощен дополнительным мотивом. Во время учения сын узнает язык животных и, возвращаясь, домой слышит разговор птиц: «Сын станет ноги мыть, а отец воду пить!» (Афанасьев 1985: № 252) или «...ворона на своем языке каркает о том, что мне когда-то придется ноги водою мыть, а тебе достанется эту

воду пить» (Смирнов 1917: № 72). После завершения колдовского состязания и женитьбы юноши на царской дочери отец героя убеждается в верности предсказания: «Ночью старик проснулся, захотелось ему испить, посмотрел кругом – видит: стоит светлый таз с водой, давай из него пить. А в том тазу царь на ночь ноги полоскал: стало быть, правду ворона сказала» (Афанасьев 1985: №252) или «Старик остался ночевать и лег на печку, да ночью гораздо и сопрел и вышел остудиться, а в сенях стоит вода, он взял этой водицы и попил... “я в этой воде ноги мыл, а ты пил... я тебе это предсказал, а ты прогневался”» (Смирнов 1917: № 72). Однако, данный мотив не является значимым для данного типа сказок, хотя может стать поводом для упреков отца в напрасной трате денег на учење и поводом для превращений героя в животных на продажу.

Сравним состязания в колдовстве в русских и абхазских сказках. В русских текстах юноша превращается в коня, и отец продает его. Главным условием счастливого возвращения юноши домой является продажа его в облике коня без уздечки. Чаще всего описания удачных продаж крайне коротки: «...сын сделался жеребцом, да таким красивым, что и сказать нельзя; старик продал его, но только вышел за ярмарку, его сын опять уже бежит за ним» (СМОМПК 1888: № 2). Иногда, между покупателем и продавцом происходит диалог, во время которого объясняется, почему конь продается без уздечки: «Да не пожалей тышечю, хороший жеребец, только с таким условием, што без огловья, потому што огловье у меня старое, осталось еще от мужа» (Коргуев 1939: № 21).

От обычных покупателей конь спасается либо убежав, либо превратившись в какое-то мелкое существо. Чаще всего это муха, в которую герой превращается в запертой конюшне, но иногда сказочники создают картины неожиданных превращений: «Купец, который купил коня, оседлал его, сел, проехал шагом – хорошо идет; поехал рысью – хорошо; ударил его – хотел проскакать, – глядь, сидит на одном седле на земле; уздечка в руках, а лошади нет; а сын стариков обернулся воробьем, прилетел к отцу и опять обернулся лошадью» (СМОМПК 1889: № 2).

В абхазских сказках ситуация несколько иная. Герой знает, что его будет стараться купить колдун: «...на полдороге тебя встретит рыжий человек в красной одежде на гнедом коне. В руках у него будет красная плеть. Это Хайт... ты не отдавай, а то он меня погубит» (Шакрыл 1975: № 39). Но отец героя, помня наказ сына, не продает коня рыжему незнакомцу. Он продает его в городе, не забывает забрать уздечку и юноша, улетает из конюшни, в образе птицы.

Обычно герой русских сказок превращается в коня. Но бывают ситуации, когда он становится охотничьей собакой или певчей птицей. «Батюшка, – говорит сын, – я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейник не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!» (Афанасьев 1985: № 249).

В абхазских сказках герой превращается в лошадь, корову и буйвола, причем животные отличаются красотой или размерами: «мальчик превратился в прекрасную гнедую лошадь», или «мальчик превратился в хорошую белую корову», или «мальчик превратился в огромного буйвола».

В абхазских сказках превращений всегда три и колдун покупает героя только на третий раз. В русских сказках превращение может быть одно и в этом случае юношу сразу же покупает его противник.

И в этом, и в другом случае колдун стремится завладеть уздечкой животного, а юноша предупреждает отца (реже мать), что продать нужно без нее.

В абхазских сказках отец героя не может устоять против большого количества золота и просто забывает снять узду: «когда Хайт подсунул ему мешок золота, он уступил буйвола да еще забыл снять поводок» (Абхазские сказки 1975: № 39). Иногда, и в русских сказках жадность заставляет отца забыть о наказе сына и нарушить запрет: «Старик подумал-подумал и согласился: за такую уздечку взять сто рублей можно; на эти деньги можно купить сто таких уздечек» (СМОМПК 1888: 199). Реже он просто забывает снять уздечку: «Старик продал жеребца, да с радостей, что много денег дали, забыл недоуздок снять» (СМОМПК 1889: № 39). Но чаще в русских текстах из-за уздечки может развернуться нешуточная борьба. Иногда колдун может обманом и силой вырвать уздечку: «Она получила деньги и, когда хотела снять оголовье, он вырвал у нее коня, сел и уехал» (Коргуев 1939: № 21) или «Выхватил у него повад и сел на коня, и этот конь давай его носить по болотам и лесам» (Иваницкий 1960: № 630). Чаще противник прибегает к услугам властей или общественному мнению: «Старик (получая деньги) говорит, што погоди, я хоша продавать за 300 рублей, но без узды. Между ними вышла шуматоха, услышала об этом полиция, пришла, сказала: “што у вас за шум?”. Покупатель говори: “вот я купив лошадь, а он не отдает узды!”. Полиция обсудила старика, што без узды лошадь не продают» (Смирнов 1917: № 24) или «Тут все барышники на деда накинулись: так де не водится! Продал лошадь, продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку» (Афанасьев 1985: № 249).

Из сказочного текста ясно, что именно отсутствие у противника героя уздечки позволяет юноше вернуться домой. Сказка сохранила элемент скотоводческой обрядности, связанной с покупкой скота, но придала ей чудесный сказочный характер.

Действительно, продажа скота всегда сопровождалась целым рядом обычаев и обрядов, призванных, в том числе, обезопасить нового хозяина от того, чтобы купленное животное вернулось к прежнему владельцу. И уздечка играла существенную роль. Так, А.Ф. Журавлев в своей монографии отмечает, что «оставление недоуздка при лошади мотиви-

руется желанием, чтобы у нового владельца она пришлась ко двору и не скучала по прежнему хозяину» (Журавлев 1994: 66). Однако, известны случаи, когда скотину не продавали с уздечкой, опасаясь, что у продавца «не будет вестись скот» (Тенишевский архив, № 1618). Иногда для продажи покупалась новая упряжь, а старая оставалась дома: «лошадей нельзя продавать с теми уздечками, в которых они до того ходили, иначе домовой будет заезжать тех лошадей, которых купишь после» (Ястребов 1894: 8). Известны случаи, когда старый хозяин снимает свою уздечку, а покупатель надевает свою; в противном случае считается, что лошадь «вернется к старому хозяину» (Никифоровский 1897: 145).

Как видим, сказка сохранила обрядовую практику. Забрав уздечку у купившего, отец героя обеспечивает юноше удачное возвращение домой. Именно наличие уздечки (или другого предмета, выполняющего ее функцию) у покупателя представляет опасность для героя. В ряде вариантов герою иногда удается сбежать от обычного покупателя и при наличии уздечки. Так, герой, который превратился в собаку, продан барину в ошейнике. Но поскольку покупатель не знает об истинной природе своей покупки, он выпускает собаку в погоню за зайцем: «Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую – и убежала в лес» (Афанасьев 1985: № 249).

Совершенно иная ситуация возникает в сказке, когда покупателем оказывается знающий человек, обманутый своим учеником колдун. Он, в отличие от других покупателей, не соглашается на покупку без узды. Она необходима ему для того, чтобы герой не смог применить свои магические способности и оказался полностью в его власти.

После того, как колдун получил власть над героем, разворачивается магический поединок, заключающийся в серии превращений.

Однако, магический поединок становится возможным только в том случае, если герою кто-то поможет освободиться от узды. В русских сказках это почти всегда родственники колдуна. Это может быть его дочь, перед которой колдун хвастается своей удачной покупкой. Девушка может знать, кто скрывается под личиной коня и пожалеть героя: «Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают. ... Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добро молодца, захотела подлиннее опустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать» (Афанасьев 1985: № 249). Иногда девушки жалеют коня и хотят его напоить, они не отпускают повод, но герой вырывается от них, поскольку они не обладают магической властью своего отца: «Отвязали и повели поить его. Жеребец бросился вдруг в сторону, вырвался и убежал в чисто поле» (Афанасьев 1985: № 250). Есть варианты, где коню помогает сестра колдуна «Скоро вышла сестра его

и увидела на дворе ретивого коня – всего в пене; сжалилась над ним, разнуздала и дала пшена белоярого и сыты медвяной. Вздумал учитель ехать домой, вышел: глядь-поглядь – а коня как не бывало» (Афанасьев 1985: № 252) или «Сестра подумала... пожалела его, захотела прохолодить, вывести на улицу; вывела, а он рылом так и шевыряет; она подумала, что надо напоить, видно пить хочет, привела его на прорубь, а он все-таки не пьет, только рылом шевыряет. Она опять подумала, што от того не пьет, што в узде, – сняла узду; но лишь успела снеть, конь в прорубь ищо марш!» (Смирнов 1917: № 24). Есть вариант, где сестра колдуна тоже обладает магическими способностями, но герою удается ее обмануть: «И едва он мог приворотить к своей сестре-колдунье. И привязал своего коня к березе... Она подошла, отвязала этого коня и привела на реку поить, а конь никак не пьет, дальше в воду заходит да мордой фыркает. Она понемногу и стала повод отпущать... Этот конь рванул поводом и вырвал повод у старухи из рук и вдоль реки и поплыл» (Иваницкий 1960: № 630). Может помочь герою и жена колдуна: «Жена колдуна вышла, заходит в конюшню – видит: лошадь висит... Она отвязала лошадь, а эта обернулась в голубя и улетела» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа 1889: № 2). В одном из вариантов герою помогают дети колдуна: «Приходят в сарай дети волшебника; увидели они, как жеребец привязан и сказали: “Вишь, папаша, должно быть, пьяный, что так привязал лошадь”, взяли и отвязали его; жеребец сейчас же побежал домой» (СМОМПК 1888: № 2).

Иногда герою помогает случайная девушка, не состоящая в родстве с колдуном: «После приехал Ох на постоянный двор, и так крепко притянул ему голову, что едва дышать можно; а сам пошел в избу и давай пить да гулять. Случись на ту пору, проходила мимо одна девица; жеребец говорит ей человеческим голосом: “... сними с меня недоуздок”. Девица послушала, сняла недоуздок, а жеребец со двора и пустился в чисто поле; только зад показал!» (Афанасьев 1985: № 251) или «Девушка отвязала оголовье и повела его к речки вместе с лошадьми. Когда она приводит к речки, то эта лошадь стала брести у нее по-колону в воду, потом по-живот и по-грудям. Когда забрела, вытаскивает повод и обернулась щукой и брысь по реки» (Коргуев 1939: № 21).

Спасительницей может быть и царская дочь: «Идет царева дочь на родник за водой, а жеребчик и говорит: “Вылей на меня ведро воды, царевна, очень я сопреп”, она вылила на него, а конь оборотился рыбкой ершом да и бух в родник» (Смирнов 1917: № 72). В этом случае с героя уздечку не снимают, но вода помогает ему изменить свой облик. И это не случайно. Вода в сказке выступает как сильное магическое средство, способное изменить внешность человека, повлиять на его физические качества. Вода может оживить (живая вода), придать сил или наоборот их отнять (сильная и бессильная вода), может отрастить утрачен-

ные конечности и вернуть зрение как в сказках «Безручка», «Слепой и безногий», «Правда и кривда», «Молодильные яблоки» (цилючая вода), герой может искупаться в кипящей и ледяной воде и стать красавцем, как в сказке «Конек-горбунок» (Подробнее о функциях воды в сказке см. Добровольская 2009: 48–52). Облив коня водой царевна создает ему пространство для превращения – оказавшись в воде, герой превращается в рыбу, которую нельзя удержать уздечкой.

Есть вариант, где героя спасает отец, которому помогла советом мудрая старушка. Колдун приковал коня двенадцатью цепями: «Тада старик взял молот и цошол к столбу. Только что успел адну цепь перебить, а уж одиннадцать жеребец оторвал, тада сделал отца вороном, а сам сделалша вароною и полетели» (Азадовский 1928: № 6).

В абхазской сказке герою никто не помогает. Он признает силу Хайта: «Я должен быть наказан, потому что вздумал тягаться с тобой» (Абхазские сказки 1975: № 39), и волшебник сам снимает с него повод. Однако, герой продолжает борьбу и, оказавшись свободным, бросается в море и превращается в рыбу.

Собственно именно после бегства героя и начинается основной магический поединок между учителем и учеником. Так, в варианте М.М. Коргуева герой превращается в щуку, а его учитель в гольца, затем герой превращается в оленя, а его противник в волка, далее опять происходит превращение в рыб – окуня и щуку. Между рыбами происходит диалог, во время которого учитель уговаривает ученика повернуться к нему: «Окунь, окунец, добрый молодец, повернись головой, побеседуем с тобой!». При этом сказочник замечает, что «с головы-то окуня легко съесть». Юноша отвечает: «Щука хвастиста, хука харчиста, ешь хоть ерша, хоть окуня с хвоста» (Коргуев 1939: № 21). И только увидев царскую дочь, герой превращается в кольцо, которое царевна одевает на палец. Диалог ерша и щуки есть и в варианте из сборника А.М. Смирнова: «Щука начала просить ево: “Ерш! Поворотись ко мне головой”. Ерш сказав: “Врешь, сволочь! хочешь исть ерша – ешь с хвоста”» (Смирнов 1917: № 24) и в вариантах из сборника А.Н. Афанасьева: «Щука говорит: “Ерш, повернись сюда головой!”. А ерш в ответ: “Ну, ты, щука, востра – съешь ерша с хвоста!”» (Афанасьев 1985: № 250), «И говорит щука ершу: “Поворотись ко мне головою, я тебя съем!”. “Врешь, проклятая щука! – отвечает ерш. – Меня не съешь, разве подавишься. А коли ты, щука, востра, так глотай меня с хвоста!”» (Афанасьев 1985: № 251)

В других вариантах превращения не сопровождаются диалогами. Герой может начать свой побег от учителя в облике коня, затем могут возникнуть следующие пары: ласточка – ястреб (СМОМПК 1888: № 2), ерш – щука (Иваницкий 1960: № 630; Смирнов 1917: № 72), карась – щука (Афанасьев 1985: № 252). Иногда превращения образуют цепоч-

ку (ворон – коршун, ерш – щука (Азадовский 1928: № 6), конь – волк, ерш – щука (Афанасьев 1985: № 249)), гончая собака – серый волк, медведь – лев, белый лебедь – ясный сокол, ерш – щука» (Афанасьев 1985: № 251).

В абхазской традиции герой также превращается в рыбу, а его противник в баклана, затем мальчик превращается в голубя, а волшебник в ястреба.

Первая часть состязания волшебников в русских сказках завершается превращением героя в кольцо, которое прямо или опосредовано попадает в руки дочери попа, боярина или царя. В абхазском же варианте герой превращается в яблоко и падает на колени княжны.

Русские варианты могут быть отягощены дополнительным мотивом. Кольцо в ряде вариантов превращается в юношу: «Вот Анастасия носит это колечко день, вечер; собрались ужинать, – отужинала и легла спать. Как только зажмурила глаза, – он из колечка превративше в прекраснейшего молодца; подошов к ней и поцеловал... Вот он и стал так жить: ночью спит с ней молодцем, а днем на руке колечком» (Смирнов 1917: № 24) или «Служанка подарила тот перстень царевне; крепко полюбился он ей – днем на руке носит, а ночью спит с молодцом» (Афанасьев 1985: № 250) или «Живет купеческий сын у царевны: днем перстнем на руке, а ночью добрым молодцем на постели» (Афанасьев 1985: № 252) или «Вот в полночь это кольцо сошло у ней с руки, обернулось мужиком, Ванюшей то есть, и стал ее будить» (Коргуев 1939: № 21). Юноша предупреждает девушку о том, что ей нужно делать, если придется отдать кольцо. Она должна бросить его на пол и заступить на зерно или жемчужину, в которую оно превратится.

Однако, есть варианты, в которых о предстоящей опасности девушку предупреждает кольцо: «Када легла спать, кальцо ей и говорит: “Ну, сматри же, меня никому не прадавай. Хоть што бы тебе ни давали, ну, ни за что не давай. Када же будет атец принуждать тибя, што отдай, тода ты сними с пальца и переломи пополам. Одну половину брось в тот угол, а другую в другой”» (Азадовский 1928: № 6). Иногда «перстенок» рассказывает о предстоящих событиях более подробно: «Когда на двор придет петух, ты сними меня, ударь о-земь, – я рассыплюсь пшеном, а ты на одно зернышко наступи ногою» (СМОМПК 1889: № 2).

Но чаще девушка не знает о том, что ее перстень совсем не вещь, а превращенный человек. Она просто не хочет расставаться с кольцом и когда ее к этому принуждают – бросает его под ноги отца или его гостя: «“Да возьмите его! – говорит поповна: думаете, что мне его жалко!”, – да как скинет перстень с пальца, да оземь его, перстень так и рассыпался по хате пшеном» (СМОМПК 1888: № 2).

После это разворачивается последняя битва колдуна и его ученика. Иногда, девушка наступает на одно из зерен, реже зерно само попадает

ей в башмачок. Когда волшебник превращается в петуха и начинает клевать пшено, пшеницу или жемчуг, последнее зернышко превращается в ястреба (реже, орла или другую хищную птицу), который и убивает колдуна, который не успевает изменить свой облик.

В абхазской сказке герой превращается не в перстень, а в яблоко. Хайт превращается в нож, но княжна, которой на колени падает яблоко, ножом воспользоваться не успевает, потому что яблоко рассыпается пшеном, а волшебник превращается в курицу, которое начинает клевать зерно. В отличие от русских текстов в абхазской сказке герой превращается не в хищную птицу, а в иголку и колдовское состязание продолжается: «Курица стала ниткой и вделась в ушко иглы. Тогда игла бросилась в огонь, и нитка сгорела. Так погиб Хайт. Потом иголка выскочила из огня и стала прекрасным юношей» (Шакрыл 1975: № 39).

Победа в колдовском состязании в большинстве случаев завершает сказку. Однако, в русских вариантах могут быть продолжения. Так, в варианте М.М. Коргуева герой едет в дом колдуна, освобождает заколдованных юношей и, забрав, забрав сокровища «на двадцати четырех подводках», юноша «сумел открыть пороховой погреб и подожгал его, чтобы все жечь в этом месте, чтобы не было здесь никакого жительство» (Коргуев 1939: № 21).

* * *

Как видим, и в русской, и в абхазской сказочной традиции структура сказки практически идентична. Старик отдает сына в ученье, с помощью подсказки узнает его в ряду из нескольких одинаковых людей или животных, юноша превращается в животное и отец продает его, отец нарушает запрет и забывает взять узду, юноша оказывается во власти колдуна, происходит колдовское соревнование, молодой человек побеждает и женится на знатной девушке. Однако, для русской традиции весьма устойчивым является эпизод превращения юноши из кольца в человека в доме девушки, предупреждение ее о появлении противника и необходимости совершения определенных действий для спасения юноши. Русская сказка может также включать и еще один дополнительный мотив – предсказание птицы, которое сбывается в конце сказки. Для русской традиции сказка на сюжет СУС 325 «Хитрая наука» оказывается на границе между коллективным и индивидуальным творчеством. Она еще не живет по законам литературного творчества, но сказочники стремятся рассказать данный сюжет, дополнив его элементами свойственными литературному творчеству: включить туда дополнительные мотивы, зачастую не влияющие на сюжет, добавить авантюрные элементы. Поскольку данный сказочный сюжет с давних времен существует в ряде литературных версий, то мы не можем отрицать литературное влияние на формирование русской версии сюжета. Но в тоже время сказка сохранила и древние мифологические

представления, о которых писал В.Я. Пропп (Пропп 1986: 103–107). Абхазская версия сюжета более архаична и по своей структуре, в которой нет дополнительных мотивов, и по ряду элементов: герой превращается не только в животных и растения, но и в неодушевленные предметы, которые наделяются качествами живых существ.

Литература

Абхазские сказки 1935: Абхазские сказки / Сост. В.И. Кукба и А.К. Хашба. Сухум, 1935.

Абхазские сказки 1975: Абхазские народные сказки / Сост. и примеч. К.С. Шакрыл. М., 1975.

Азадовский 1928: Azadovskij M. Pohádky z hrnolenského kraje // Národopisný věstník československý. Praha, 1928.

Афанасьев 1985: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т. II. М., 1985.

Добровольская 2009: Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.

Журавлев 1994: Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.

Иваницкий 1960: Иваницкий Н.А. Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.В. Новикова. Вологда, 1960.

Коргуев 1939: Сказки М.М. Коргуева. Кн.1–2. / Зап., вступ. ст. и коммент. А.Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

Никифоровский 1897: Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

Поливка 1898: Поливка Ю. Магосьник и неговият ученик. София, 1898.

Потанин 1903а: Потанин Г.Н. Сказка с двенадцатью персонажами // Этнографическое обозрение. М., 1903. № 1. С. 1–24.

Потанин 1903б: Потанин Г.Н. Сказка с двенадцатью персонажами // Этнографическое обозрение. М., 1903. № 2. С. 1–37.

Потанин 1903в: Потанин Г.Н. Сказка с двенадцатью персонажами // Этнографическое обозрение. М., 1903. № 3. С. 1–26.

Пропп 1986: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

СМОМПК 1888: Загадки и сказки, записанные в селе Казгулак Ставропольской губернии Новогригорьевского уезда (учитель Григорий Горбунов) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. Тифлис, 1888. С. 197–200.

СМОМПК 1889: Сказки, записанные в станице Бороздинской // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. Тифлис, 1889. С. 125–128.

Смирнов 1917: Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Изд. подгот. А.М. Смирнов. Т. XLIV. Вып. 1–2. Пг., 1917.

Шакрыл 1975: Абхазские народные сказки / Сост. и примеч. К.С. Шакрыл. М., 1975.

Ястребов 1894: Ястребов В.Н. Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии. Одесса, 1894.

Benfey 1859: Benfey Th. Panschtantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig, 1859.

Cosquin 1912: Cosquin E. Les mongols et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'occident européen // Étude de folklore comparé sur l'Introduction du «Siddhi-Kûr» et le conte du «Magicien et son apprenti». Revue des traditions populaires. Paris, 1912.

Список сокращений

СМОМПК: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

ЕbBo: Eberhard W. Typen turkischer volksmarchen / W. Eberhard, P.N. Boratav. Wiesbaden: Frantz Steiner, 1953.

Тенишевский архив: Архив Российского этнографического музея. Фонд 7 (рукописные материалы Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева). Описание 1.

АУТ: The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther: 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

СУС: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

В.Е. Добровольская

«ИАФЫСТААУ АТЦААРАДЫРРА» АСИУЖЕТ (СУС 325) АУРЫСИ АПСУЕИ КУЛЬТУРАҒА РҒЫ: ЕИЦЫРЗЕИПШУ АСИУЖЕТТӘ ХКҒӘЕИ АМИЛАТТӘ ЧЫДАРАҒӘЕИ

Аннотация. Астатиа азкуп адунеи ағы еицьырдыруа асиужет «Иа-фыстаау атцаарадырра». Ари асиужет уғылоит амонголтә, атиурктә, аславиянтә, аромантә, агермантә, абалттә жәлар-

қәа рәы. Икоуп иара убас ари асиужет кавказтәи аверсиягъы. Астатиафәы еиҕырҕишуп аурыси аңсуеи лакәқәа рәы анашанатә мчы ала аицлабра амотив. Икацоу анализ ашьаҕала иаххәар халишонт, аурыси аңсуеи рлакәтә традицияқәа рәы алакә аилазаашьа еишьашәалоуп хәа. Убриаан иҳәатәуп, аурыс лакәтә традицияфәы ишыкоу аңсуа материал афәы иуңымло ишьақәгыла-хьоу амотивқәа. Аурыс лакәтә традицияфәы хаззаатҕыло асиужет аколлективтәи аиндивидуалтәи репертуарқәа рхәаафәы икоуп. Ари асиужет литературатә хәамҕак аҳасаб ала ишьақәымгылац, аха алакәхәаоцәа иара хадьртәаауеит алитература иазчыдароу ахәтақәа рыла: асиужет хазьртәаауа (иара асиужет ахатә анырра азымҕо) еиуеиҕишым амотивқәа, иара убас, алитературатә нырра иалцишәоу авантюратә хәтақәа. Асиужет аңсуа версия еиҳа ижәытәтәиуп, асиужет хазьртәаауа амотивқәа злам аилазаашьалагъы, егьырт еиуеиҕишым ахәтақәа рылагъы.

Ихадароу ажәакәа: Алакә, асиужеттә хкқәа, аифологитә цәа, алитературатә нырра, алакәтцаара.

В.Е. Dobrovolskaya

«CUNNING SCIENCE» (SUS 325) FOLKTALE TYPE IN THE RUSSIAN AND ABKHAZIAN TRADITION: THE GENERAL FEATURES OF THE PLOT TYPE AND ITS NATIONAL SPECIFICS

Annotation. *The article deals with analysis of the widespread worldwide fairy-tale plot (tale type) “Cunning science”. The type is recorded among Mongolian, Turkic, Slavic, Roman, German, Baltic peoples. There are known also Caucasian versions of the story. The article compares the motive of the contest in witchcraft in Russian and Abkhazian fairy tales of the type. The analysis of the material allows us to say that in Russian and Abkhazian fairy-tale traditions the structure of the fairy tale is almost identical. However, for Russian tradition there are stable additional motives, which are absent in the Abkhazian material. For the Russian tradition, the fairy tale on the plot of SUS 325 “Cunning science” appears on the border between collective and individual creativity. Still it does not live according to the laws of literary creativity, but storytellers seek to tell this story, adding elements inherent in literary creativity: to include additional motifs, often not affecting the plot, to add adventurous elements, which may be associated with literary influence. The Abkhazian version of the story is more archaic in its*

structure, in which there are no additional motives, and in a number of other elements.

Key words: *tale, story types, mythology, nature, literary influence, skazkoterapii.*

Архимандрит Дорофей (Д.З. Дбар)

СООБЩАЕТ ЛИ ЛИКОФРОН ОБ «АБАЗГАХ»?

Аннотация. В статье рассматривается сочинение античного автора Ликофрона под названием «Александра», которому рядом исследователей ошибочно приписывается одно из самых ранних упоминаний об абазгах. Авторское исследование оригинального источника полностью опровергает данную версию и наглядно иллюстрирует путь возникновения гипотезы об упоминании абазгов Ликофроном.

Ключевые слова: Ликофрон, «Александра», Иоанн Цец, абазги, абхазы, колхи, массагеты.

В книге И.Р. Марыхуба «Против фальсификации вопросов истории Абхазии», в главе «Об абазгах», автор сообщает, что «в III в. до н.э. “абасги” встречаются у Ликофрона, грамматика и поэта, работавшего в Александрийской библиотеке в период правления Птолемея» (Марыхуба 2017: 38). Чтобы подтвердить такое утверждение, И.Р. Марыхуба ссылается на второе, переработанное и дополненное издание известной работы проф. Ш.Д. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Сухум, 2011) и «Глоссарий по ранней средневековой истории Восточной Европы», изданной в 1980 г. в Висбадене (Марыхуба 2017: 38–40).

Античный писатель Ликофрон (греч. Λυκόφρων), живший в IV–III вв. до Р.Х., известен большей частью как автор трагедий, которые, как и другие его сочинения, не сохранились до нашего времени (за исключением лишь небольших фрагментов). В первый год правления Птолемея Филадельфа (285–247 гг. до Р.Х.) он действительно переехал в Александрию и работал там в библиотеке. До нас дошло полностью только одно сочинение Ликофрона – поэтическое произведение под названием «Александра (греч. Ἀλεξάνδρα)», хотя вопрос авторства данного сочинения остается дискуссионным¹.

Греческий текст «Александры» впервые был опубликован в 1513 г. венецианским книгопечатником Альдом Мануцием. В XIX и XX вв. было осуществлено несколько изданий поэмы Ликофрона – с параллельным переводом греческого текста на европейские языки и соответствующими комментариями (La Cassandre de Lycophron 1853: 1–64; Lycophrons 1895: 91–388; Lycophron 1921: 475–617 и др.). Последнее издание греческого текста «Александры», подготовленное профессором Женевского университета Андре Херстом, вышло в Париже

¹ Полную библиографию по «Алексадре» Ликофрона см.: <https://sites.google.com/site/hellenisticbibliography/hellenistic/lycophron>

в 2008 г.² Что касается русского перевода сочинения Ликофрона, то отдельные его фрагменты, связанные с историей Скифии и Кавказа, были переведены и опубликованы еще в 1896 г. В. В. Латышевым и затем перепечатаны в «Вестнике древней истории» за 1947 г. (*Scythica et Caucasica* 1896: 398–399; ВДИ 1947: 264–266). Полный перевод поэмы на русский язык, сделанный И.Е. Суриковым, был опубликован в 2011 г. в том же «Вестнике древней истории» (ВДИ 2011: 219–233; 2011: 234–267).

«Александра» Ликофрона написана ямбическим триметром (состоит из 1474 стихов) и представляет собой монолог-предсказание Кассандры (Александра – ее другое имя) о гибели Трои и мучениях, на которые будут обречены греческие герои. Язык и стиль этой поэмы многими древними авторами воспринимался как непонятный и загадочный. По той же причине и Публий Папиний Стаций (I в. по Р.Х.) называл Ликофрона «темным» (*Lycophronis atris*) (Стаций, кн. V. 3,157). Как отмечают исследователи, «поэма настолько была переполнена учеными аллюзиями, что стала своего рода образцом академической поэзии – парадоксальной, вычурной, загадочной» (Ликофрон 2011: 216).

При внимательном прочтении поэмы Ликофрона «Александра» нельзя не заметить, что в ней нет никаких сообщений об «абазгах», упоминаются только «колхи» – всего один раз – в связи с их переселением и походом аргонавтов (стихи 1021–1026):

«Κράθις δὲ γείτων ἠδὲ Μυλάκων ὄροις
 χῶρος συνοίκους δέξεται Κόλχων Πόλαις,
 μαστῆρας οὐς θυγατρὸς ἔστειλεν βαρὺς
 Αἴας Κορίνθου τ' ἀρχός, Εἰδυίας πόσις,
 τὴν νυμφαγωγὸν ἐκκυνηγετῶν τρόπιν,
 οἱ πρὸς βαθεῖ νάσαντο Διζηροῦ πόρῳ
 (Крафид соседний примет их и местность Скал

В свои пределы – в Полах, рядом, колхи там:

Их Идии супруг послал, суровый вождь

И Эи, и Коринфа, свою дочь искать,

Корабль, что деву увозил, преследуя, –

Они ж осели там, где столь глубок Дизер)³» (*La Cassandre de Lycophron* 1853: 44–45; *Lycophrons* 1895: 142; *Lycophron* 1921: 580; *Scythica et Caucasica* 1896: 399; Латышев 1947: 265; Ликофрон 2011: 236).

²*Lycophron. Alexandra*. Ed. André Hurst. Collection des universités de France Série grecque. Paris : Les Belles Lettres, 2008. 334 p. Это издание оказалось для нас недоступным.

³«Эт (или Эит. – Д.Д.), отец Медеи (или Мидеи – Д.Д.), – комментирует И.Е. Суриков, – был вначале царем Коринфа, а затем перебрался в Эю, в Колхиду. Когда его дочь бежала с Ясоном, Эт послал отряд колхов ее разыскивать. Не найдя беглянку и страшась гнева царя, посланные не вернулись на родину и осели в Полах (Иллирия), близ реки Дизер» (Ликофрон 2011: прим. № 387).

Упоминание же об «абазгах» возникает намного позже, в XII в., у византийского писателя Иоанна Цеца (ок. 1110–1180/1185 гг.)⁴ в его схолиях (комментариях) к «Алексахдре» Ликофрона (данное сочинение в оригинальных текстах надписано именем пресвитера Исаакия Цеца, брата Иоанна Цеца) (Lycophronis 1881–1908, vol. 2: 1–398; Scythica et Caucasica 1896: 400–409; Латышев 1947: 266–272; Κρουμπάχερ 1939: 533–542; Луховицкий 2015: 655–656).

Иоанн Цец, комментируя 174 стих из «Алексахдры», в котором речь идет о «китянке (Κυταϊκῆς)», т. е. дочери царя колхов Эита – Мидее, пишет: «Κύταια δὲ πόλις Κολχίδος, ὅθεν αὐτὴν [τὴν Μῆδειαν] Κυταϊκὴν ἔφη. Οἱ δὲ Κόλχοι Ἰνδικοὶ Σκύθαι εἰσὶν, οἱ καὶ Λαζοὶ καλούμενοι, πλησίον οἰκοῦντες Ἀβασγῶν, τῶν πρὶν Μασσαγετῶν (Китея же город Колхиды, откуда (поэт) назвал [саму Мидею] Китейскую. Колхи же есть индийские скифы⁵; они называются также лазами и живут вблизи абазгов, прежних массагетов)» (Lycophronis 1881–1908, vol. 2: 79; Scythica et Caucasica 1896: 400).

В комментариях к 887 стиху «Алексахдры», где речь вновь идет о Мидее, которая, правда, на этот раз именуется «колхидянкой (Κολχίς)», Иоанн Цец снова поясняет: «Οἱ δὲ Κόλχοι, οἱ καὶ Λαζοὶ λεγόμενοι, Αἰγυπτῶν ἄποικοί εἰσι, πλησίον οἰκοῦντες [τῶν] Ἀβασγῶν, τῶν καὶ Μασσαγετῶν καλούμενων (Колхи же, называемые и лазами, переселенцы из Египта, живущие вблизи абазгов, называемых также массагетами⁶)» (Lycophronis 1881–1908: 288; Scythica et Caucasica 1896: 404).

⁴Прабабушка (мать бабушки со стороны матери) Иоанна Цеца была «абазгиней», т. е. абхазкой или, как говорит сам Цец, «массагеткой». Она была родственницей (возможно, двоюродной сестрой) Марии Абхазки, более известной как Мария Аланка (мать Марии, царица Борена, была дочерью аланского царя). Последняя была дочерью царя «абазгов и иверов» Баграта IV (1027–1072) и сестрой царя «абазгов и иверов» Георгия II (1072–1089). Ок. 1071–1072 гг. Мария прибыла в Константинополь, к императорскому двору. Среди сопровождавших ее лиц находилась прабабушка Иоанна Цеца. В составе делегации также была и Ирена Аланка, дочь принца Аланского, которая также приходилась Марии родственницей (возможно, двоюродной сестрой). Мария стала императрицей в Константинополе, супругой императора Михаила Дукаса (1071–1078), затем женой императора Никифора Вотаниата (1078–1081) и едва не сочеталась браком с императором Алексеем Комнином (1081–1118). Ирена Аланка вышла замуж за Исаака Комнина, старшего брата Алексея Комнина (Gautier 1970: 207–219; Nogus 1976: 138; Бибииков 1999: 79–80).

⁵По мнению Т.С. Каухчишвили, пояснение Иоанна Цеца «колхи суть индийские скифы» надо прочитывать как «колхи суть синды – скифы». Синды – «часто упоминаемое племя у греко-римских авторов, населявшее приблизительно теперешний Крым, или же побережье Азовского моря» (Каухчишвили 1980: 105).

⁶Проф. Ш.Д. Инал-ипа, комментируя сообщения Иоанна Цеца о массагетах, отмечал, что «трудно сказать, на каком основании Цец упорно производит абазгов от них» (Инал-ипа 2011: 443). «У других греко-римских авторов, – пишет Т.С. Каухчишвили, – такого сведения об абазгах нет. Массагеты – известное скифское племя, проживавшее на побережье Каспийского моря, преимущественно в его северо-восточной части (ср. Геродот I, 201 и сл. III, 36; IV, 11, 172; VII, 18). Во времена Геродота “скиф” – было

И наконец, в комментариях к 1312 стиху «Александров», где говорится о «Китее Ливистийской» (εις Κύταιαν τὴν Λιβυστικὴν или Λιβυστικὴν)⁷, Иоанн Цец снова поясняет, что «ἡ Κύταια πόλις Κολχίδος ἐστὶν· οἱ δὲ Κόλχοι ἔθνος ἐστὶ Λαζικόν, ὡς ἔφην ὄπισθεν πλατέως (πλατυτέρως), πλησίον Ἀβασγῶν κείμενοι (κείμενον) (Китея – город Колхиды; а колхи, как я выше сказал подробнее, являются лазским народом, живущие вблизи абазгов)» (Lycophronis 1881–1908, vol. 2: 369; Scythica et Caucasica 1896: 405).

Из вышеприведенных фрагментов сочинения Иоанна Цеца видно, что этноним «абазги», равно как и «лазы», используются только самим Цецом для пояснения местожительства «колхов» и дислокации города Китея, о которых и идет речь в «Алекса́ндре» Ликофрона. В начальном же тексте «Александров» Ликофрон никак не мог сообщать о «абазгах» и «лазах». Говорим об этом с уверенностью, учитывая имевшиеся в то время в античной литературе сведения о Восточном Причерноморье.

Теперь что касается второго, переработанного и дополненного издания работы проф. Ш.Д. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Сухум, 2011) и «Глоссария по ранней средневековой истории Восточной Европы», изданной в 1980 г. в Висбадене.

Действительно, в новом издании вышеуказанной работы проф. Ш.Д. Инал-ипа (редакторы А.Е. Аргун и М.К. Хотелашвили – Инал-ипа), в разделе, посвященном абазгам, со ссылкой на известные статьи Арнульфа Коллауца (Kollautz 1969: 21–49) появилось одно существенное дополнение. «До недавнего времени, – говорится в нем, – было принято считать, что абазги впервые упоминаются во II в. н.э. в "Перипле" Флавия Арриана. На самом же деле эту дату следует отнести к первой половине III в. до н.э., когда жил древнегреческий писатель Ликофрон, автор поэмы «Александра», в которой содержится первое сообщение об абазгах как о "массагетском", т. е. скифском

более общее понятие, а "массагет" – конкретное, входившее в понятие "скифы". Но византийские схоластики "скифами" считали почти все население стран, прилегавших к Черному и Каспийскому морям. Поэтому, мне кажется, фраза Цеца "абазги прежде были массагетами" означает "абазги раньше были скифами" (так же, как для них колхи, макроны etc. являлись скифами) (Каухчишвили 1980: 106). Массагетов (абазгов) Иоанн Цец упоминает и в одном из своих писем (Ιωάννης Τζέτζης 2001: 239, 295).

⁷Т.С. Каухчишвили, анализируя сообщение Ликофрона о «Китее Ливистийской», приходит к следующему выводу: «В "Алекса́ндре" Ликофрона, еще в списках до XII в., были смешаны два определения: "либистийский" и "лигистийский"; в случае города Китеи в Колхиде надо писать "либистийскую Китею"; "либистийскую" надо связывать с "Ливией", а связь Китеи (т. е. Колхиды) с Ливией надо понимать как разделение Ликофрона теории Геродота об египетском происхождении колхов» (Каухчишвили 1980: 102–104). «Колхи, – комментирует данное сообщение Ликофрона И.Е. Суриков, – считались египтянами по происхождению, а Ливией античные греки называли всю Африку» (Ликофрон 2011: прим. № 487).

племени, живущем по соседству с колхами» (Инал-ипа 2011: 430). Однако в статьях А. Коллауца об «абазгах» и «Абазгии», опубликованных в 1969 г. в словаре «*Reallexikon der Byzantinistik*», нет никаких ссылок на поэму Ликофрона «Александра», в которой якобы содержится первое сообщение об «абазгах» (Kollautz 1969: 21–49). Возможно, редакторы нового издания вышеназванной работы проф. Ш.Д. Инал-ипа перепутали статьи А. Коллауца со статьями, опубликованными в «Глоссарии по ранней средневековой истории Восточной Европы» (Висбаден 1980).

В «Глоссарии...» же, в добавлении к большой статье об «Абазгии» и «абазгах» мы действительно встречаем фрагменты греческого текста, представленные как отрывки из сочинения Ликофрона «Александра»: «*Lycophronis Alexandra, rec. E. Scheer, Bd. 2, Berlin 1958 [Nachdr. d. Ausg. 1908] // 79 οἱ δὲ Κόλχοι Ἰνδικοὶ Σκύθαι εἰσὶν οἱ καὶ Λαζοὶ καλούμενοι πλησίον οἰκοῦντες Ἀβασγῶν τῶν πρὶν Μασσαγετῶν. // 369 οἱ δὲ Κόλχοι ἔθνος ἐστὶ Λαζικόν, ὡς ἔφην ὄπισθεν πλατέως, πλησίον Ἀβασγῶν κείμενοι*» (Glossar 1980: 303).

Однако данные два фрагмента греческого текста на самом деле также являются отрывками из уже рассмотренного нами выше сочинения византийского автора Иоанна Цеца, т.е. фактически его комментариями к «Алекサンドре» Ликофрона. И взяты они, как это видно по исходным данным, указанным автором публикации в «Глоссарии...» из репринтного издания «Александры» Ликофрона под редакцией Эдуардуса Шеера (Берлин, 1958).

Дело в том, что издание «Александры» под редакцией Э. Шеера состоит из двух томов. В первом томе, изданном впервые в 1881 г., опубликован текст самой поэмы Ликофрона. Во второй том, вышедший в 1908 г., вошли комментарии Иоанна Цеца к «Алекサンドре» Ликофрона. Автор публикации в «Глоссарии...», который как раз и ссылается на второй том издания «Александры» под редакцией Э. Шеера, допустил неточность: вышеуказанные фрагменты на греческом языке нужно было представить как отрывки из схолий Иоанна Цеца к «Алекサンドре» Ликофрона, а не как «*Lycophronis Alexandra*».

В завершение отметим, что в составленной Л.З. Кунижевой книге «Абазины в источниках иностранных и российских авторов (с древнейших времен и до первой четверти XX в.)» приведены два отрывка из рассмотренного нами выше сочинения Иоанна Цеца, т.е. схолий к «Алекサンドре» Ликофрона, в которых речь идет и об «абазгах», но представлены они как сообщения самого Ликофрона (Абазины в источниках 2008: 10).

Л.З. Кунижева ссылается на работу В.В. Латышева «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (об этой работе мы уже говорили выше). Но у самого В.В. Латышева те самые два фрагмента, которые Л.З. Кунижева представляет как отрывки из поэмы Ликофрона

«Александра», на самом деле представляют собой фрагменты другого сочинения – под названием «Исаакия, или скорее Иоанна Цеца объяснения к Кассандре Ликофрона» (*Scythica et Caucasica* 1896: 400–406)⁸.

Литература

Абазины в источниках 2008: Абазины в источниках иностранных и российских авторов (с древнейших времен и до первой четверти XX в.) / Сост., вступ. статья к текстам Л.З. Кунижевой. Черкесск, 2008.

Бибиков 1999: Бибиков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Инал-ипа 2011: Инал-ипа Ш.Д. Труды. Т. III: Вопросы этнокультурной истории абхазов. Второе, переработанное и дополненное издание. Сухум, 2011.

Каухчишвили 1980: Каухчишвили Т.С. О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. С. 102–108.

Латышев 1947: Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. № 3. М.-Л., 1947. С. 233–315.

Ликофрон 2011: Ликофрон. Александра / Пер. с древнегреч. и коммент. И.Е. Сурикова, вступ. статья А.В. Мосолкина // Вестник древней истории. № 1. М., 2011. С. 219–233 (строки 1–446). № 2. М., 2011. С. 234–267 (строки 447–1474).

Луховицкий 2015: Луховицкий Л.В. Иоанн Цец // Православная энциклопедия. Т. XXIV. С. 655–656.

Марыхуба 2017: Марыхуба И.Р. Против фальсификации вопросов истории Абхазии. Сухум, 2017.

Gautier 1970: Gautier P. La curieuse ascendance de Jean Tzetzès // *Revue des Études Byzantines*, 28 (1970). P. 207–219.

Glossar 1980: А.А.Ф. Ἀβασυῖα, Ἀβασυοὶ, Ἄβασκος // *Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa*. Herausgegeben von Jadran Ferluga, Manfred Hellmann, Herbert Ludat, Klaus Zernack. Redaktion Athanasios A. Fournas, Anastasios A. Katsanakis. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Band I: Ἀρῶν (1) – Ἀδριανούπολις (1). Franz Steiner Verlag GmbH Wiesbaden, 1980. S. 208–228, 303 (Addenda).

⁸Любопытно еще одно утверждение Л.З. Кунижевой. Оказывается, в «Истории» Геродота «нет прямых конкретных сведений об абазинах, но к четвертой книге “Истории” прилагается “Карта древнего мира”, где в подробном перечне народов и племен, населявших северо-западное побережье “Pontus Euxinus” (Черное море), названы в соседстве с Sindi, Cercetae, Jichi, Heniochi, Abasgi, Coraxi, Colchi» (Абазины в источниках 2008: 7). Данный посыл позволил И.Р. Марыхуба пойти еще дальше. Он в своей книге «Против фальсификации вопросов истории Абхазии», с которой мы начали статью, утверждает, что впервые «абазги», предки абхазов и абазин, упоминаются в V в. до Р.Х. у Геродота (Марыхуба 2017: 38). У Геродота, как и у Ликофрона, нет никаких сообщений об «абазгах». Но это уже совсем другая тема.

Hogus 1976: Hogus U.M. Грузинские материалы о византийской императрице «Аланки» Марии // Actes du XVe Congrès international des Études Byzantines. Athènes – Septembre 1976. IV. Histoire. Athènes, 1980. P. 138–143.

Ιωάννης Τζέτζης 2001: Ιωάννης Τζέτζης. Επιστολαί. Εισαγωγή, μετάφραση, σχόλια Ι. Γρηγοριάδης. Αθήνα: Εκδόσεις Κανάκη, 2001.

Kollautz 1969: Kollautz A. Abasgen. Abasgia // Reallexikon der Byzantinistik, Reihe A, Bd. I, Heft 2. Amsterdam, 1969. S. 21–49.

Κρουμπάχερ 1939: Κρουμπάχερ Κ. Ιστορία της Βυζαντινής Λογοτεχνίας. Μετάφραση Γ. Σωτηριάδης. 2 τόμοι. Αθήνα, 1939.

La Cassandre de Lycophron 1853: La Cassandre de Lycophron. Ed. F. D. Dehéque. Paris, 1853.

Lycophronis 1881–1908: Lycophronis Alexandra. Recensuit E. Scheer. Vol. 1: Alexandra cum paraphrasibus ad codicum fidem recensita et emendata, indices subiecti. Vol. 2: Scholia. Berlin, 1881–1908. Reprinted, 1958.

Lycophron. 1921: Lycophron. Alexandra. Translated by A. W. Mair. London, 1921. P. 475–617.

Lykophrons 1895: Lykophrons Alexandra / Griechisch und deutsch. Mit erklärenden Anmerkungen von C. von Holzinger. Leipzig, 1895.

Scythica et Caucasica 1896: Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. Т. I. Греческие писатели. Вып. 2. СПб., 1896. С. 398–409.

Архимандрит Дарат (Д.З. Дбар)

ЛИКОФРОН «АБАЗГАА» ДРЫЛАЦӘАЖӘОУМА?

Аннотация. *Астатиаҕы иазаатҕылоуп «Александра» захъзу антикатә автор Ликофрон иусумтҕа. Гэыҕоык атҕааоцәа гха рыхьны иазгэартоит абазгаа раҕхьаза рызбахә ахьахәоз аусумтҕақәа иреиуоуп хәа. Аоригиналтә хьцхьртҕала автортә тҕаара ари агәаанагара ҕаҕнаеит. Лабҕаба иубартоуп абазгаа ирызкны Ликофрон иаацҕамтҕа иазку агипотеза ашьақәгылара амәа.*

Ихадароу ажәақәа: *Ликофрон, «Алексабра», Иоанн Цеи, абазгаа, аҕсуаа, аколхаа, амассагетцәа.*

Archimandrite Dorotheus (D.Z. Dbar)

DOES LYCOPHRON MENTION «ABAZGS»

Annotation. *The article considers the essay of the ancient author Lycophron called «Alexandra», to which a number of researchers mistakenly at-*

tributed one of the earliest references to the Abazgs. Author's research of the original source completely refutes this version, and vividly illustrates the way in which the hypothesis about the mention of the Abazgs by Lycophron emerged.

Key words: *Lycophron, «Alexandra», John Tsets, Abazgs, Abkhazians, Kolkhs, Massagets.*

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В I–III ВВ. Н.Э. ПО ДАННЫМ МОНЕТНЫХ
НАХОДОК ГЕРЗЕУЛЬСКОГО КЛАДА**

Аннотация. *В статье рассматривается военная и социально-экономическая история Абхазии в эпоху римского господства в Восточном Причерноморье в I–III вв. н.э. По данной проблеме, как известно, существует ряд работ. В этой статье впервые предпринимается попытка рассмотреть военную и социально-экономическую историю Абхазии в связи с хорошо известным Герзеульским кладом монет. Значение этой находки велико уже потому, что она указывает на широкие торговые, культурные и иные связи римского опорного пункта Себастополиса с внешним миром и с внутренними районами обширной Римской империи, в том числе с местным населением Абхазии. Делается акцент, что появление клада в районе с. Герзеул связано с тем, что монеты в то же время в качестве субсидии предназначались для поддержания союзнических отношений Римской империи с местными лидерами, коих, согласно Флавию Арриану, было в Восточном Причерноморье (в Апсильи, Абасгии, Санигии и др.) несколько.*

Ключевые слова: *монеты, клады, Восточное Причерноморье, Себастополис, Абхазия, торговля.*

Осенью 1926 г. на участке крестьянина Начкебия в окрестностях Герзеульской крепости на территории современного Гулрыпшского района Абхазии был найден клад серебряных монет. Монеты находились в небольшом кувшинчике, рядом с которым лежали различные предметы из бронзы и золота. Известному краеведу 20-х годов прошлого столетия М.М. Иващенко с трудом удалось уговорить сельчан показать ему хоть часть найденного. После этого у ученого уже не оставалось сомнения, что данная находка вызовет сенсацию в мире науки. Клад с таким количеством монет – свыше 500 кружочков с ликами римских императоров был обнаружен впервые. Особенность Герзеульского клада состоит в том, что это единственный смешанный комплекс раннего римско-имперского периода, найденный в Западной Колхиде (Абрамзон 2005: 191).

Среди 469 просмотренных монет М.М. Иващенко были определены: золотое подражание статеру фракийского правителя Лисимаха, один серебряный денарий первого римского императора Августа. Остальные монеты Кесарии Каппадокийской были отчеканены в правление импе-

раторов Нерона, Веспасиана, Домициана, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Луция Вера, Марка Аврелия (Иващенко 1931: 1). Вторая же монета (нач. II в н.э.) (подражание статеру Лисимаха) была найдена у крепости Цибилеум. Другие монеты, не входящие в состав Герзеульского клада, главным образом денарии Августа, были обнаружены в Верхней Эшере, рядом с могильником Цебельдинской культуры (Воронов 2010: 78).

Клад интересен тем, что является важным вещественным источником по военной и социально-экономической истории Абхазии в эпоху Римской империи начала нашей эры – эпохи присутствия в Западном Закавказье Римской империи.

О Герзеульском кладе написано немного, есть лишь отдельные публикации специалистов-нумизматов М.М. Иващенко, М.Г. Абрамзона, С.М. Шамба и др. Мы считаем, что Герзеульский клад также может свидетельствовать о взаимоотношениях между Римской империей и привилегированной частью населения Апсилии в начале нашей эры. На фоне Герзеульского клада попытаемся рассмотреть процесс развития политики Римской империи в Восточном Причерноморье, все плюсы и минусы, а также социально-экономическую сторону внешнеполитической доктрины империи.

Как известно, появление Рима в регионе началось с размещения регулярных римских войск и постройки оборонительных крепостей на севере Восточного Причерноморья Пителинта, Себастополиса и на юге означенного региона Фасиса и Апсара. Это было необходимо, так как с рубежа нашей эры, как известно, Рим стремился защитить малоазийские земли империи от набегов врагов, постоянно вторгавшихся через Колхиду (Воронов 2006: 314; Габелия 2013: 376). Во II в. Себастополис был границей римских владений. Как римская крепость (кастеллум) она возникла в первой половине II в. н.э. на месте Диоскуриады, и это считается установленным фактом. В первой половине II в. н.э. Себастополис представлял собой небольшую крепость с римским гарнизоном. Об этом могут свидетельствовать остатки двух разновременных римских крепостей, найденные во время археологических работ. В кастелле I–II вв., напоминающей в плане параллелограмм с закругленными углами площадью около 0,6 – 0,8 га, стояло не более 200 солдат (Кругликова 1984: 150). Однако, примерно во второй половине II в. н.э. Себастополис постепенно растет, а к III в. становится крупным торгово-ремесленным центром (Шамба, Габелия 2002: 382). В частности, ко времени посещения Арриана (в первой половине II в. н.э. – 134–137 гг. н.э.) крепость была обновлена, построена из кирпича, подобный метод был распространен особенно в Западной Малой Азии (Лэнинг 2006: 11).

Между тем вопрос о локализации Себастополиса остается дискуссионным. Разброс мнений проистекает из-за противоречивости

сведений Флавия Арриана, который как бы специально для нас современников-кавказоведов внес путаницу, не указав, в частности, границы этнополитических древнеабхазских образований. По Арриану, Себастополис был расположен на земле санигов. Это сомнительно. Город территориально (анализ всех имеющихся источников позволяет говорить) во время посещения Аррианом находился вблизи от апсиров и поддерживал с ними торгово-экономические связи. Видимо не случайно, часть исследователей (Ю.Н. Воронов и др.) полагают, что здесь могли проживать только апсилы (Воронов 2014: 239). Нами также была подробно освещена данная проблема в монографии (Нюшков 2016: 45).

Высказано мнение, что с I–III вв. н.э. под главенством соанов (санигов) происходит организация ряда племен, прежде входивших в генихийскую культурную общность. В результате складывается довольно мощный союз этнообъединений, обитавший, исходя из сообщений Плиния, на обширной территории от Фасиса до современной Гагры и дальше к западу. Это дало основание Ю.Н. Воронову отметить, что замечание Флавия Арриана о нахождении Себастополиса в земле санигов является данью традиции, восходящей к тому периоду, когда из соанской (санигской) общности не выделились апсилы и абасги» (Воронов 2014: 236).

Таким образом, первое упоминание об апсилах и одно из первых после Мемнона санигах (древнеабхазских народов) принадлежит Плинию, который локализовал апсиров юго-восточнее Себастополиса. В этом же районе, между лазами и санигами, к северу от Фасиса помещает апсиров и впервые абасгов Флавий Арриан. Центр же Апсилии находился в Кодорском ущелье у нынешнего с. Цабал (Воронов 2016: 25).

В этом смысле не исключено, что Себастополис, являясь крепостью, выступал относительно независимым от древнеабхазских этнополитических образований, подчиняясь напрямую Риму – Византии и по-прежнему со времен, когда тут была древнегреческая колония Диоскуриада, сохранял свой торгово-ремесленный и военный характер. Об этом могут говорить, по мнению М.М. Трапш, например, довольно частые находки в нижних напластованиях Сухумской крепости светлоглиняных амфор с двустольными ручками косского происхождения, датированных рубежом нашего летоисчисления. Помимо средиземноморского (Самос, Пергами, Кос) найдены амфоры южнопонтийского (Синопа) и северочерноморского изготовления. Правда, позднегераклейские тогда еще не были выделены отдельно, все считали их косскими (Трапш 1969: 322; Маан 2012: 101). Между тем, возможно, Себастополис был центром производства колхидской или коричневоглиняной тары. Это производство могло начаться здесь еще в конце IV в. до н.э. (Габелия 2014: 436), но это только предположение.

Такая близость Колхиды к малоазийским центрам, наличие на побережье страны городов, являвшихся посредниками в торговле, а также постоянные торговые и политические контакты с крупнейшими государствами Передней Азии обусловили очень раннее возникновение денежного обращения и местного чекана у населения, жившего в Восточном Причерноморье с раннеантичной эпохи.

Характеризуя общую картину развития торгово-экономического потенциала Восточно-Причерноморского региона, необходимо отметить и общую военную и этнополитическую ситуацию в период правления римских династий Флавиев, Юлиев-Клавдиев, Антонинов.

Судя по сведениям «Перипла» Арриана и других источников, римские императоры (особенно в годы правления Адриана) усиливают свое присутствие на Боспоре и в Северном Причерноморье (Перевалов 2009: 258) и, конечно, на Черноморском побережье Кавказа «при активном участии легата Каппадокии Флавия Арриана» (Перевалов 2009: 258). Это подтверждает эпиграфика фрагмента на обломке плиты (17 x 16, 5 см), которая в 1892 году была найдена В.И. Чернявским на набережной Сухума. Фрагмент надписи засвидетельствовал пребывание в Себастополесе римского легата Флавия Арриана. Фрагмент представлял собой нижнюю часть посвянительной надписи, буквы которой были глубоко вырезаны в камне и окрашены в красный цвет для большей видимости». На сохранившейся части можно прочесть: 1 строка – Nad..., 2 строка – rev Fl. A., 3 строка – leg (Трапш 1969: 289). Здесь же надо отметить найденную в Пицунде в культурном слое конца II – первой половины III в. керамическую плитку с сохранившейся частью латинской надписи leg. Z.V. Анчабадзе полагал, что она являлась клеймом размещенного в крепости Питуунт римского легиона (Анчабадзе 1964: 192). К новейшим обнаруженным эпиграфическим памятникам можно отнести каменную плиту с греческой надписью (II в.), найденную в 1999 г. районе Сухумской крепости (руководитель археологической экспедиции АГУ А.Н. Габелия). Ее текст, скорее всего, представляет собой почетную надпись, посвященную восхвалению человека (имя его не сохранилось), взявшего на себя выполнение какой-то важной общественной обязанности, т. е., вероятнее всего, представляет надпись о заслугах и относится к жанру декретов (Габелия 2006: 139; 2014: 456–460).

По мнению же В.В. Ветроградской, в надписи повествуется о важных событиях, связанных с морскими плаваниями, скорее всего военного характера (Ветроградова 2002: 385). Интересна известняковая плита с надписью (II–III вв.), найденная абхазской археологической экспедицией в 2011 г. вблизи Сухумской крепости. Плита имела постамент в виде обработанного с трех сторон плоского камня из гранита-дикаря. Перевод надписи гласит: «Памяти благословенного судьбой Валерьяна погребальная песнь царственному дражайшему супругу». В данном

случае нужна дополнительная аргументация для выяснения, относится ли отмеченная надпись к местному царю-басилевсу с римским именем Валерьян, что уже имело место быть (Юлиан басилевс апсилон) (Бгажба, Агумаа, Сангулия и др. 2017: 105).

Что касается местного населения, то оно в отличие от германских племен, не дававших покоя императорам на северных рубежах империи, было довольно лояльно и спокойно имело торговые сношения с иноземными купцами в римских опорных пунктах. Вещевой материал, обнаруженный во время археологических раскопок возле Сухумской крепости, явственно об этом свидетельствует. Отсюда и глубокое проникновение и богатый синтез двух культур в I–V вв. н.э. (Бгажба, Агумаа, Сангулия и др. 2017: 106).

Не менее важным фактором в отношениях была дипломатия. Расширяя свои границы, Римская империя на протяжении столетий поддерживала свое существование не только благодаря военной мощи, но и искусной дипломатией (Браунд 1991: 34). Видимо поэтому, сознавая всю сложность задачи освоения Черноморского побережья Кавказа, римляне без всяких условий включили данный регион Западного Закавказья в сферу своего военного влияния с помощью римских гарнизонов. В Восточном Причерноморье они появились сразу же после размещения Веспасианом в 70–72 гг. двух легионов в Каппадокии (“Легион XII Молниеносный (Legio XII Fulminata)” и “Легион XV Аполлонов (Legio XV Apollinaris Pia Fidelis)”) (в Себастополесе, Питиунте, Зиганисе) (Бгажба 1994: 22; Бгажба, Лакоба 2007: 76). «В Каппадокию, где не прекращались набеги варваров, он (Веспасиан. – В.Н.) поставил добавочные легионы и вместо римского всадника назначил наместником консуляра» (Транквилл: 8–11). В I–II вв. н.э. римские гарнизоны находились в подчинении каппадокийских правителей, а после образования провинции Полемоновский Понт все колхидские укрепления были переданы в ее подчинение (Габелия 2013: 376).

Таким образом появился Каппадокийский лимес, включавший в себя более известный Понтийский лимес. В циркумпонтийской восточной зоне Черноморского побережья оба они составили единый Кавказский лимес (Перевалов 2010: 309). Именно на него было возложено выполнение важных внешнеполитических функций: он служил опорой римской власти в Малой Азии и в Закавказье, а также стратегическим плацдармом внешней политики Римской империи на Ближнем Востоке (Остахов, Ильюшин 2012: 66), а также для блокирования территории всего Западного Закавказья от вторжения Ирана и его северокавказских союзников (Бгажба 1994: 20). Что же касается самого определения приморских оборонительных и иных сооружений – Понтийский лимес в Восточном Причерноморье, то оно, как известно, принадлежит В.А. Леквинадзе, по аналогии с лимесами в других регионах Римской

империи (Леквинадзе 1969: 75–93). Многие исследователи до сих пор продолжают пользоваться этим термином, например, О. Лордкипанидзе, Х. Бракманн, Д. Браунд, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба, А.Н. Габелия и др. В то же время не все согласны с данным термином, и он отрицается К. Цукерманом, В.М. Зубарь и др.

Так, В.М. Зубарь считает, что для подтверждения наличия лимеса в первую очередь нужно доказать, что то или иное государство входило в состав Римской империи (Зубарь 2000: 264). Вместе с тем нельзя игнорировать факт, что на Черноморском побережье Кавказа существовали (созданные по инициативе римской имперской администрации) т.н. государства (царства). О них нам сообщает Флавий Арриан, указавший, что их цари приняли царский титул от римских императоров. К сожалению, он не конкретизировал их (древнеабхазских этнополитических образований Апсилия, Абасгия, Санигия) политический строй, происхождение их царей и т.д. Ясно одно, что «статус глав апсилы, абасгов, санигов ничем не отличался от статуса главы лазов Малассы, все они именовались царями» (Касландзия 2015: 85). На этот счет есть много разных мнений у специалистов, и одно из которых следует отметить, ибо оно отражает общий характер означенных образований на современной территории Абхазии и частично Сочи Адлерского района Краснодарского края.

Как известно, римляне в своей внутренней и внешней политике отличались консерватизмом, и если при императоре Августе была определена внешнеполитическая доктрина «по отношению к зависимым царствам: урегулирование проблем в них доверялось потенциальным преемникам императора», то «процедура наделения властными полномочиями зависимых властителей подразумевала установление личных связей патронато-клиентского характера» (Панов 2009). Такая же процедура, без сомнения, сохранилась и при следующих императорах Траяне и Адриане. При Траяне слой клиентских государств сохранялся и продолжал играть важную роль в осуществлении римских замыслов, но вмешательство в дела зависимых царств и городов заметно усилилось. В свою очередь Адриан с самого начала правления продемонстрировал иной подход к решению внешнеполитических проблем Империи и начал планомерный переход к политике стратегической обороны на границах. И здесь, как кажется, хорошо показана модель поведения Римской империи на Востоке, условно называемая «патронато-клиентская», плавно переходящая из наступательной в оборонительную концепцию при Адриане, означавшая «сосредоточение римских усилий на защите того, что уже было приобретено, и, соответственно, менялось отношение к зависимым государствам» (Панов 2009). Не приходится сомневаться, что основой для клиентских отношений являлась личная зависимость от императора (Перевалов 2007: 188), это хорошо видно из описания Арриана.

Очевидно, римские правители, создавая укрепленные пункты на побережье Абхазии, преследовали главным образом свои военно-стратегические и политические цели. Поэтому, по мнению М.М. Трапш, «сношения Рима с Кавказским побережьем не приобрели характера прочных экономических и культурных связей» (Трапш 1969: 293). Безусловно, Рим стремился иметь максимальное военное и политическое влияние, но с тем, что сношения в экономическом и культурном отношении были не прочны, позволим не согласиться по одной простой причине: сам Себастополис в начале первого тысячелетия (II–III вв.) стал крупным, богатым в экономическом отношении торгово-ремесленным центром. Об этом свидетельствует археологический материал, например, значительная часть монет и импортных сосудов (Гунба 1989: 69–70). Экономическое становление Себастополиса невозможно без участия местного населения, что понятно. И в данной ситуации монетные находки позволяют определить экономическую ориентацию восточнопричерноморских римских гарнизонов в конце II – первой половине III в. н.э. (Воронов 2014: 235). В найденных 42 экземплярах при раскопках усадьбы Одынец (8 монет) и в районе Сухумской крепости (34 монеты) во время археологических работ, проводившихся в 50-х годах прошлого столетия под руководством М.М. Трапш, сухумская группа монет принадлежала к четырем нумизматическим центрам: римскому, антиохийскому, трапезунтскому и кесарийскому (Трапш 1969: 360). Весь выявленный монетный материал был отчеканен во время правления императора Коммода в Трапезунде в конце II в. до н.э. (Трапш 1969: 361), это т.н. трапезундская монета, которая становится основным платежным средством в данном районе в результате сложения союза 10 приморских городов (Синоп, Амсис, Трапезунд, Себастополис) (Воронов 2014: 235). Означенная монета была найдена во время работы археологической экспедиции Абхазского государственного университета в 1999–2000 гг. в Сухумской крепости. Из обнаруженных двенадцати монет интерес представляют три Трапезунтские городские монеты с изображением Митры, синкретического божества, объединяющего функции астральной триады – Луны, Солнца и звезд, найденные в Сухуме и Пителинте (Шамба, Габелия 2002: 383). Ранее появление клада трапезунтских монет, выявленных в Сухумской крепости и Пицунде, З.В. Анчабадзе объяснял оживленными внешне-экономическими связями Себастополиса и Пителинта преимущественно с городами Южного Причерноморья. Из общего числа известных монет, – пишет он, – ныне известных трапезунтских городских монет (278), подавляющее большинство найдено в районе Пицунды и Сухума, так как на побережье Абхазии заканчивался важный торговый путь, связывавший Западную Грузию с восточными провинциями Римской империи, в частности с Малой Азией (Анчабадзе 1964: 198, 199). Таким образом, монеты поступают из Малой Азии, в частности, из Кесарии и

Трапезунта, в то время как количество антиохийских монет возрастает в IV веке. Они занимают ведущее положение (Шамба 1987: 71–72).

В то же время основу денежного обращения древней Цебельды и ее окрестностей в период II–IV вв. составляла главным образом провинциальная римская (кесарийская) монета. В этой связи будет справедливо отметить, что также кесарийские серебряные монеты I–III вв. были найдены в погребениях Шапкинско-го могильника (до 20 монет, чеканенных в правление императоров Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Юлии Домны); на Цибилиумском могильнике (до 10 монет, чеканившихся в правление императоров Траяна, Адриана, Септимия Севера и др.). Три серебряные кесарийские монеты (одна чеканена при Адриане) найдены в могильнике села Атара Армянская (Воронов 2010: 80), а также на побережье: одна монета Адриана – в Агудзере, две монеты Диоклетиана (284–305) и две медные монеты Лициния Старшего (308–324) – в селе Бабышира (Маан 2013: 147).

Появление в этих местах монет Кесарии Каппадокийской легко объяснимо, так как в это время Апсилия, как и вся Колхида, входила (как уже отмечалось) в состав римской провинции Каппадокия. В начальный период Абхазского царства в VIII в., где был обнаружен клад, возникла Герзеульская крепость как один из опорных пунктов, защищавших подступы к Черноморскому побережью со стороны издавна функционировавшего Клухорского перевала (Бгажба 2008: 181). Можно подумать, что и в тот римский период здесь, возможно, находилось городище. Неслучайно выгодное местоположение крепости, находившейся на перекрестке торговых коммуникаций, связанных с одной стороны с Себастиполисом и с Северным Кавказом, а с другой стороны – с Центральной Колхидой, указывает, что Герзеульская крепость имела широкие международные связи, чаще всего осуществлявшиеся по морю, поскольку ближайшим к Герзеулу был населенный пункт Себастиполис. Поэтому, по мнению некоторых исследователей, монеты служили средством оплаты в торговле с римским гарнизоном Себастиполиса и во внутренних межапсильских связях (Воронов 2010: 80). М.М. Иващенко объяснил появление клада тем, что через Герзеул проходила торговая дорога, которая через гору Апианча вела в село Мрамбу и далее через Шапки и Дал к верховьям рек Кодора и Чхалты, к перевалам Северного Кавказа и в Сванию. Ею, как он считал, могли пользоваться в древности (Иващенко 1931: 1).

Вполне вероятно, появление Герзеульского клада связано с «императорской субсидией». Еще в VI в. во время правления византийского императора Юстиниана I союзнические отношения подкреплялись раздачей денежных субсидий аланам со стороны Византии. Византийский писатель VI в. Агафий подчеркивал: «эта раздача производилась ежегодно с древних времен». В этой связи внимание привлекает рассказ

Агафия о миссии византийского военачальника Сотериха, прибывшего в Колхиду в 554–556 гг. для раздачи императорских денег «соседним варварам», «чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там (в крепости Бухлоон – В.Н.), получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним» (Агафий Миринейский. Кн. Третья, 15).

Такая субсидия, выдаваемая «варварам» со стороны Византийской империи, могла быть связана с одной с целью: получения дополнительно живой военной силы. Поэтому Византия не торговалась, когда к ней обращались за субсидиями. Она ежегодно выдавала субсидии вождям варваров за поставку солдат в императорскую армию, либо субсидировала их от случая к случаю (Диль 1947: 130). Подобная практика применялась римлянами, например, в выплате субсидий боспорским царям в чеканной монете, поступавшими на Боспор в виде римских денарий (Фролова 1982: 55). И, поскольку она существовала с давних времен, со времен римских императоров, то вполне понятно становится намерение римского императора Траяна сделать своими союзниками аланов, раскинувших свои палатки неподалеку от Меотийского залива, обещая им подарки и субсидии. Прельстившись ими, аланы обязывались вторгнуться в Персию с многочисленным отрядом легкой кавалерии (Гиббон 2001: 50).

Понятно, что римляне через своих послов могли договариваться только с лидерами, имевшими власть среди своего народа. С самого начала они воспринимались римлянами как союзники, соответственно, получали поддержку в виде субсидий, а иногда даже прямую военную помощь. Об этом могут свидетельствовать многочисленные находки разукрашенных золотых и серебряных сосудов за границей империи, представлявших, скорее всего, собой престижные подарки, которые вручались этим людям. Римские субсидии позволяли им содержать более многочисленные отряды (Голдсуорти 2014: 172, 175).

Таким образом, в этой связи вполне закономерно предположить, что во II–III вв. н.э. аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении территориально более близких к римским границам народов, например, апсиллов (Воронов 2010: 80). Именно с такой субсидией следует, по-видимому, связывать Герзеульский клад монет – один из взносов Рима в поддержку военных отрядов, а отсюда и в экономику древних цебельдинцев, но по каким-то причинам не розданный и закопанный в землю. Не исключено, что очередная такая сумма была отправлена апсильскому правителю. Видимо, посланец императора, застигнутый врасплох грабителями (а может быть, по другой причине), успел закопать в землю монеты Герзеульского клада. Интересно в связи с этим и мнение известного советского нумизмата А.Н. Зографа, который датировал зарытие означенного клада в 161–182 гг. н.э. с происшедшими

примерно в 168 г. волнениями на Кавказе, сопровождавшимися, между прочим, убийством царя эниохов (гениохов). Эти волнения были вызваны военными действиями римского наместника Каппадокии Марция Вера. Вполне естественно, считает А.Н. Зограф, что зарытие клада могло произойти в ходе этих волнений (см. Бгажба, Воронов 1980: 20).

Правда, М.Г. Абрамзон сомневается в датировке А.Н. Зографа, полагая, что Герзеульский клад мог быть зарыт и ранее и позднее предложенной им даты (Абрамзон 2005: 195). Ю.Н. Воронов считал, что датирующее значение монеты может быть подчеркнуто либо опровергнуто лишь общим характером комплекса (Воронов 2006: 149). По характеру Герзеульского клада можно определить, что монеты с изображенными ликами императоров относятся более чем к столетнему периоду, заканчиваясь монетами в составе четырех экземпляров с изображением императора Луция Вера (161–169 гг.) и девяти монет с изображением императора Марка Аврелия (161–180 гг.). Видимо, необычно долгую циркуляцию разновременных римских монет Герзеульского клада к концу II н.э. можно объяснить тем, что сам клад находился на окраине обширной Римской империи, где старые деньги могли долго удерживаться в обращении в среде статусного населения как римского, так и местного. Между тем означенные монеты, возможно, имели внутреннее денежное обращение на современной территории Абхазии позже 161–180 гг., ведь традиционно еще с эллинистических времен в восточных провинциях Римской империи продолжали обращаться серебряные монеты царей и самостоятельных греческих городов (Кузищин 1981: 245). Не исключено, что Герзеульский клад мог быть зарыт и после последних датированных монет. В таком случае монеты Герзеульского клада могли иметь хождение в начале III века, поскольку денарии общеимперского типа в конце II в. н.э. включаются в монетную циркуляцию внутренних районов Колхиды (Лордкипанидзе 1985: 57).

Следует отметить, что волнения (о которых упоминает А.Н. Зограф) совпали со временем правления римского императора Коммода (180–192 гг.). По мнению М.Г. Абрамзона, до конца II в. н.э. римские денарии, о чем свидетельствует Герзеульский клад, не играли сколько-нибудь заметной роли в денежном обращении Колхиды. «Находки кладов, содержащих монеты Кесарии Каппадокийской и римские денарии, характерны для Западной Колхиды, только начиная со времени правления Коммода» (Абрамзон 2005: 191). Вместе с тем появление в более раннее время римских монет в столь отдаленном районе, как в Красноармейском Краснодарского края, где были в 2013 г. обнаружены римские денарии, чеканенные в Риме в 125–128 гг. (императора Августа), 145–161 гг. (Антонина Пия), 141 г. или 145 г. (императрицы Фаустины Старшей) следует связывать с активной торговой деятельностью (Пьянков, Тиханов 2014: 186–187), по всей видимости, в ту эпоху.

Возвращаясь к кесарийской серебряной монете, надо сказать, что в ранний период Римской империи она не только служила удовлетворению денежных потребностей почти всей римской Малой Азии и прибрежных районов Восточного Причерноморья, но и пользовалась большим спросом у местного населения, судя по находкам в погребениях апсиллов (Бгажба, Воронов 1980: 21). Все это, безусловно, свидетельствует об активных торговых связях древних абхазов. В частности римско-византийские авторы отмечали, что местное население (апсилы и абасги) находилось в постоянных экономических связях с проживающими в Понте римлянами, находя в такой торговле большую выгоду.

Итак, очевидно, что для характеристики внешних связей позднеантичной Абхазии нумизматический материал имеет большое значение. Он показывает, что наибольшее число монет обращалось в приморских городах (встречались они и в глубине страны) на территории современной Абхазии, демонстрируя взаимоотношения римлян и соседних этнообъединений Кавказского побережья Черного моря. Появление трапезунтских и кесарийских монет в Колхиде позднеимперского периода, несомненно, указывает, что Колхида находилась под властью римских императоров с I в. н.э. Данный процесс был не только характерен, но и имел свои исторические предпосылки, например, на Боспоре. Анализ клада понтийских монет засвидетельствовал переход Боспорского царства под власть Митридата VI Евпатора в конце II в. до н.э. (Абрамзон, Кузнецов 2008: 191). Здесь необходимо указать на существовавшие тесные торгово-экономические связи Северного Причерноморья и Абхазии, только так можно объяснить найденную коллекцию из двадцати четырех монет, восемь монет из которой чеканены от имени боспорского царя Рискупорида VI (IV в. н.э.) (Шамба 1981: 123).

Нельзя не отметить и тот факт, что наличие монет на побережье и в нагорной части Абхазии может указывать, что местное население в социальном плане было расслоено. Связано это было с его включением в орбиту военной политики Римской империи, что привело к милитаризации, возникновению «воинской» аристократии. В археологическом материале эти явления выразились в появлении многочисленных погребений с оружием (Казанский 2016: 83) вплоть до появления в III–IV вв. мечей из дамасской стали (Бгажба, Лакоба 2007: 76).

Таким образом, монеты, найденные на территории Абхазии – в Сухумской крепости и в окрестностях Себастополиса, дают ценнейшие сведения о степени развития товарно-денежных отношений. Они подтверждают существование широких торговых, культурных и иных связей Себастополиса с внешним миром и с внутренними районами обширной Римской империи. Сама же находка Герзеульского клада свидетельствуету-

ет, что монеты клада, скорее всего, в качестве субсидии предназначались для поддержания союзнических отношений Римской империи с местными лидерами, коих, согласно Флавию Арриану, было в Восточном Причерноморье (в Аписии, Абасгии, Санигии и др.) несколько.

Литература

Абрамзон 2005: Абрамзон М.Г. Серебряные монеты Кесарии Каппадокийской из Герзеульского клада (собрание Абхазского государственного музея) // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVII. М., 2005.

Абрамзон, Кузнецов 2008: Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Два клада медных монет первой половины I в. до н.э. из Фанагории // ВДИ. № 4. М., 2008.

Анчабадзе 1964: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.

Бгажба 1980: Бгажба О.Х. Герзеульская крепость – один из оборонительных узлов Клухорского перевального пути // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 8. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008.

Бгажба 1994: Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. М., 1994.

Бгажба, Воронов 1980: Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980.

Бгажба, Агумаа, Сангулия и др. 2017: Бгажба О.Х., Агумаа А.С., Сангулия Г.А., Джопуа А.И., Цвинария И.И., Бжания В.В., Габелия А.Н., Барцыц Р.М., Сакания С.М., Хондзия З.Г., Гунба Б.М., Трапш Г.Е. Охранные археологические раскопки у стен Сухумской крепости в 2011 году // Кавказ и Абхазия в Древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Сборник материалов IV Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьева. Сухум, 2017.

Бгажба, Лакоба 2007: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.

Браунд 1991: Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. № 4. М., 1991.

Ветроградова 2002: Ветроградова В.В. Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 12. М.-Магнитогорск, 2002.

Воронов 2006: Воронов Ю.Н. Колхида в Железном веке // Научные труды. Т. I. Сухум, 2006.

Воронов 2010: Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины в книге «Научные труды в семи томах». Т. III. Сухум, 2010.

Воронов 2014: Воронов Ю.Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум в книге «Научные труды». Т. IV. Сухум, 2014.

Воронов 2016: Воронов Ю.Н. «Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа в книге «Научные труды». Т. V. Сухум, 2016.

Габелия 2006: Габелия А.Н. Исследование Сухумской крепости (Предварительные итоги работ экспедиции Абхазского госуниверситета) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Габелия 2013: Габелия А.Н. Себастополис – укрепление Понтийского лимеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.

Габелия 2014: Габелия А.Н. Абхазия в преантическую и античные эпохи. Сухум, 2014.

Гиббон 2001: Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М., 2001.

Голдсуорти 2014: Голдсуорти А. Падение Запада: медленная смерть Римской империи. М., 2014.

Голенко 1964: Голенко В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.

Гунба 1989: Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. Сухуми, 1989.

Диль 1947: Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

Зубарь 2000: Зубарь В.М. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. // Сарновский Т., Савеля О., Балаклава Я. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.

Иващенко 1931: Иващенко М.М. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской // ИГАИМК. Т. VII. Вып. 10. Л., 1931.

Казанский 2016: Казанский М.М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции // КСИА. 244. М., 2016.

Касландзия 2015: Касландзия Н.В. Этнополитические образования Восточного Причерноморья в I половине VI вв. // Вестник АНА. Вып. 5. Сухум, 2015.

Кругликова 1984: Кругликова И.Т. Античная археология. М., 1984.

Кузицин 1981: Кузицин В.И. Экономика и социальные отношения в Римской империи в I–II вв. н.э. // История древнего Рима / Под ред. В.И. Кузицина. М., 1981.

Леквинадзе 1969: Леквинадзе В.А. Понтийский лимес // ВДИ. № 2. М., 1969.

Лордкипанидзе 1985: Лордкипанидзе О.Д. Колхида в I–IV вв. н.э. в книге «Археология СССР с древнейших времен до Средневековья» в 20 томах // «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии». М., 1985.

Лэнинг 2006: Аннегрет Лэнинг. Римляне в Закавказье (Резюме) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

Маан 2012: Маан О.В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2012.

Маан 2013: Маан О.В. Гулрыпшский район Абхазии. Сухум, 2013.

Нюшков 2016: Нюшков В.А. История и культура апсидов (II в. до н.э. – первая половина VIII в. н.э.). Сухум, 2016.

Остахов, Ильюшин 2012: Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск, 2012.

Панов 2009: Панов А.Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Иваново, 2009.

Перевалов 2007: Перевалов С.М. Управление Кавказским краем в ранней Римской империи (I–III вв. н.э.) // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Политические институты и верховная власть. М., 2007.

Перевалов 2009: Перевалов С.М. «Перипл Понта Евксинского» Флавия Арриана: Новаторство в традиционном жанре // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2009.

Перевалов 2010: Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. Текст, перевод, комментарий. М., 2010.

Пьянков, Тихонов 2014: Пьянков А.В., Тихонов А.А. Нумизматические находки на берегу Ангелинского Ерика в окрестностях Красного леса (Красноармейский район Краснодарского края) // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014.

Трапиш 1969: Трапиш М.М. Древний Сухум в книге «Труды в четырех томах». Сухуми, 1969.

Фролова 1982: Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Сборник научных трудов. Киев, 1982.

Шамба 1981: Шамба С.М. Монеты Северного Причерноморья, найденные на территории Абхазии // ИАИЯЛИ. Т. X. Тбилиси, 1981.

Шамба 1987: Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.). Тбилиси, 1987.

Шамба, Габелия 2002: Шамба С.М., Габелия А.Н. Новые монетные находки из Сухумской крепости // ПИФК. Вып. 12. М.-Магнитогорск, 2002.

Таблицы

Таблица 1.

Герзеульская крепость в системе важнейших древних путей Абхазии

Веспасиан (69–79) — 5 экз. (№ 1–5);
 Домициан (81–96) — 3 экз. (№ 6–8);
 Нерва (96–98) — 3 экз. (№ 9–11);
 Траян (98–117) — 45 экз. (№ 12–56);
 Адриан (117–138) — 12 экз. (№ 57–68);
 Антонин Пий (139–161) — 10 экз. (№ 69–78);
 Марк Аврелий (161–180) — 9 экз. (№ 79–87);
 Луций Вер (161–169) — 4 экз. (№ 88–91).

Таблица 2. Монеты Герзеульского клада из собрания Абхазского государственного музея

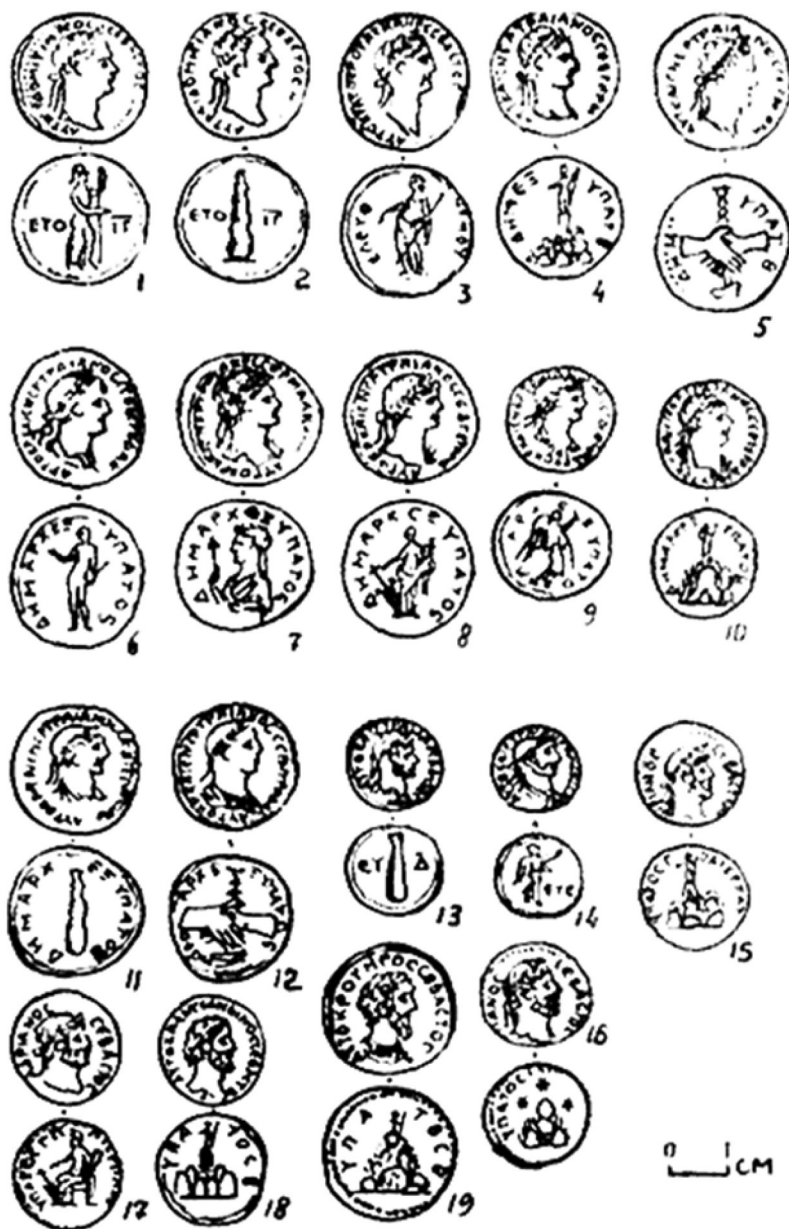

Таблица 3.

Серебряные монеты Кесарии Каппадокийской из Герзеульского кла-
да

Чекан императоров Домициана (1, 2), Нервы (3), Траяна (4–12),
Адриана (13–17), Антонина Пия (18) и Луция Вера (19)

Таблица 4.

Римские монеты I–II вв. н.э.

Серебряные и золотая (12) монеты из окрестностей Цебельды: 1 – Нерон, 2 – Домициан, 3 – Нерва, 4 – Траян, 5 – Адриан, 6 – Антонин Пий, 7 – Люций Вер, 8 – Марк Аврелий

Таблицы взяты из работ: Абрамзон М.Г. Серебряные монеты Кесарии Каппадокийской из Герзеульского клада (собрание Абхазского государственного музея) // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVII. М., 2005; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины в книге «Научные труды в семи томах». Т. III. Сухум, 2010.

В.А. Ниушков

**ГЕРЗЕУЛТӘИ АҢАЦӘАХ ИАТӘУ АҢАРАҒЫРП АҢЦААРА
АШЬАҢАЛА ХҜРА I–III АШӘЫШЫҚӘСАҚӘА РЗЫ
МРАГЫЛАРАТӘИ АМШЫНЕИҚӘҒЫҚӘ АҒЫ РИМТӘИ
АИМПЕРИА АДӘНЫКАПОЛИТИКАТӘ ДОКТРИНА**

Аннотация. АстатиаҒы иазаатҒылоуп хҜра I–III ашә. рзы Мрагыларатәи АмшынеиқәҒықә аҒы аурымҗәа ахра аныруаз аамҗазы Аҗсны арратәи асоциал-экономикатәи җагылазаашьа. Ари аусумҗаҒы раҗхьаза акәны аеазышәара кайоуп еиҗырдыруа Герзеультәи аҗайәах иатәу аҗараҒырп аҗйаара ашьаҗала Аҗсны арратәи асоциал-экономикатәи җагылазаашьа аилкаара. Ари аҗайәах аҗакы

дууп. Иара ианыңишеит Себастополиси, антыңи, зхэаа тбааз Римтәи империа араионқәеи, рыбжъара иказ ахэаахәтратәи, акультуратәи еизыказаашьақәа. Ус еиңи иказ аизыказаашьақәа цәырыңуан Аңсны ауааңсыреи аурымқәеи рыбжъарагы. Иналкааны иазаатгылоуп ари аңайәах ақ. Герзеул ацәырыңра ишахәо, аурымцәа атыңантәи аңхьагылащәеи дарей реизыказаашьақәа рырманшәаларазы аңара ахархәара шатаз субсидиак аҳасабала. Аурымцәа ус еиңи ирыдхәалаз атыңантәи аңхьагылащәа, Флави Ариан излаиңхәо ала, Мрагыларатәи Амшынеиқәағықә ағы (Аңсилия, Абасгия, Санигия уб. егь.) азәык-щыцъак ыкан.

Ихадароу ажәақәа: аңарағырн, аңайәах, Мрагыларатәи Амшынеиқәағықә, Себастополис, Аңсны, ахэаахәтра.

B.A. Nyushkov

THE FOREIGN POLICY DOCTRINE OF THE ROMAN EMPIRE IN THE EAST BLACK SEA REGION IN THE I-III CENTURIES AD. ACCORDING TO THE DATA OF THE FINDS FROM GERZEUL'S HOARD

Abstract. *The article deals with the military and socio-economic history of Abkhazia in the era of Roman domination in the Eastern black sea region in the I–III centuries ad on this issue, as you know, there are a number of works. In this article, for the first time an attempt is made to consider the military and socio-economic history of Abkhazia in connection with the Well-known herzeul treasure trove. The significance of this discovery is great because it points to the broad trade, cultural and other links of the Rome stronghold Sebastopolis with the outside world and with the interior of the vast Roman Empire, including the local population of Abkhazia. Is done, focus on the fact that the emergence of the treasure near the village of Gerzel is due to the fact that his coins at the same time, as the subsidies were intended to maintain allied relations of the Roman Empire with local leaders, of which, according to Flavius Arrian, in the Eastern black sea region (in Apsilia, Abasgia, Saniye, etc.) several.*

Key words: *coins, treasures, East Black Sea Region, Sebastopolis, Abkhazia, trade.*

Н.И. Медвенский

СУХУМ В ХОДЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 ГГ.: ГОРОД ПОД АВИАНАЛЕТАМИ ЛЮФТВАФФЕ

Аннотация. *Статья посвящена налетам немецкой авиации на Сухум в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Столица Абхазской АССР имела важное значение для обеих противоборствующих сторон и подвергалась бомбовым ударам Люфтваффе, повлекшим многочисленные человеческие жертвы, разрушения объектов гражданской и военной инфраструктуры.*

Ключевые слова: *бомбардировка, Великая Отечественная война, Люфтваффе, Сухум.*

В ходе одного из наиболее масштабных сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – битвы за Кавказ – боевые действия затронули и Абхазскую АССР. Как и на других участках фронта, Красная Армия и Вермахт противостояли друг другу на земле, на воде и в воздухе. И если бои в абхазских горах, наряду с операциями на Черном море, нашли отражение в целом ряде публикаций советского и современного периода (Бекишвили 1977; Гречко 1967; Завьялов, Калядин 1957; Кирин 1958; Медвенский 2012; Пачулия 2015), то некоторые аспекты воздушной войны в небе над Абхазией по-прежнему заслуживают пристального внимания исследователей ввиду их малоизученности. Одним из неосвещенных в научной литературе вопросов являются бомбардировки города Сухум немецкой авиацией в августе и ноябре 1942 г., вызвавшие многочисленные человеческие жертвы и повлекшие за собой разрушение многих объектов гражданской и военной инфраструктуры.

Настоящая статья имеет целью, на основе как уже введенных в научный оборот документов и материалов, так и новых источников, извлеченных из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Центрального военно-морского архива, а также проведенных автором опросов очевидцев описываемых событий, представить предысторию, ход и результаты ударов Люфтваффе по Сухуму, сопоставить планируемые и достигнутые противником цели и задачи, а также выявить и раскрыть причины провала системы противовоздушного прикрытие города на начальном этапе авианалетов.

Перед началом битвы за Кавказ население столицы Абхазской АССР насчитывало около 45 тыс. чел. К концу июля – началу августа 1942 г. в Сухуме размещалось управление 3-го стрелкового корпуса (далее – СК) 46-й армии Закавказского фронта (ЦАМО: Ф. 811. Оп. 1. Д. 3.

Л. 1 об.), штаб 394-й стрелковой дивизии (далее – СД) 3-го СК, Сухумское военно-пехотное училище шестибатальонного состава, 810-й стрелковый полк 394-й СД, отдельный саперный батальон, отдельный батальон связи, отдельный медико-санитарный батальон, 165-й отдельный противотанковый дивизион, Сухумский городской и районный истребительные батальоны (Пачулия 2015: 30). В пределах городской черты имелось летное поле, на котором осуществляли взлеты и посадки военные и гражданские самолеты. К западу от города, в селе Нижняя Эшера, находился аэродром Сухум, к востоку – аэродром Бабушера. В Сухуме располагалось 16 военных госпиталей, под которые были отведены пригодные для этого санатории, дома отдыха, пансионаты и лечебные учреждения.

Ввиду своего географического положения Сухум играл важную роль в системе региональных коммуникаций, являясь связующим звеном между Закавказьем, Краснодарским краем и Крымом. Значение города возрастало по мере продвижения немецких войск вглубь страны и занятия ими советских военно-морских баз. После взятия Севастополя 11-й армией генерал-фельдмаршала Э. Манштейна и начала боев за Новороссийск и Туапсе район деятельности Черноморского флота и пароходств Черноморско-Азовского бассейна (Черноморское, Азовское, Сочинское, «Совтанкер») заметно сузился. Соответственно, резко возросла нагрузка на Сухумский морской порт и приписанные к нему рейдпорты, которые еще в предвоенный период были подготовлены к переработке грузов в условиях военного времени, как в части обычного оборудования, так и в части обеспечения рабочей силой, транспортом и погрузочным инвентарем.

Вся деятельность Сухумского морпорта в условиях войны была подчинена нуждам обороны приморских районов и эвакуации промышленных предприятий и населения. Произведенное в августе 1940 г. черпание грунта у причалов железобетонной пристани позволило швартовать к ним суда с осадкой до 8,5 м. В столицу Абхазской АССР морским путем поступало большое количество раненых, беженцев, эвакуированных грузов, из нее же вывозили войска, технику, вооружение, боеприпасы, продовольствие и др. Переработка грузов производилась, главным образом, силами и средствами перевалочной базы Закавказского фронта. Погрузочный инвентарь предоставлялся Сухумском морпортом, им же осуществлялось руководство погрузочными работами. Судоремонтная мастерская порта производила ремонт гражданских судов, а в дальнейшем частично перешла на военные заказы, в частности, на изготовление оружейных стволов и минометов (Абхазия 1978: 158). Все вышеперечисленное делало Сухум и, прежде всего, его морской порт, потенциальной целью для бомбовых ударов Люфтваффе.

Ул. Либкнехта, близ здания Дома Правительства Абхазской АССР и Горсовета. Разрушенный жилой дом. Сухум, август-сентябрь 1942 г.

Разрушенный жилой дом на углу ул. Орджоникидзе и Портовой, близ Сухумской крепости. Сухум, август 1942 г.

Осознавая опасность, угрожающую городу с воздуха, советское командование предприняло меры, призванные обеспечить прикрытие жилых кварталов, аэродрома и порта от авианалетов противника. Еще 25 апреля 1942 г. на аэродром Сухум с аэродрома Рустави на самолетах ЛаГГ-3 перелетели 4 экипажа 863-го истребительного авиационного полка (далее – ИАП), возглавляемые командиром 1-й авиационной эскадрильи (далее – АЭ), старшим политруком Г. Рыбиным¹. Остальные 15 экипажей этого полка 27 апреля перебазировались из Рустави в Кутаиси, а 9 мая – из Кутаиси в Сухум, имея задачу дежурством звеньев на земле защищать город от налетов немецкой авиации и проводить учебно-боевую подготовку. Исходя из шифрограммы Командующего ВВС Закавказского военного округа № 1/65 от 12.09.1942 г., 863-му ИАП определялся район противодействия самолетам противника: Лазаревская – Очамчир – Ткварчели и на 50 км от берега вглубь Черного моря. 19 мая 2-я АЭ 863-го ИАП в составе 8 экипажей перебазировалась на аэродром Алахадзы с задачей осуществлять перехват немецких самолетов на дальних подступах к Сухуму с северо-запада. Кроме того, штаб 394-й СД поставил дислоцированной в городе 262-й зенитной батарее ПВО задачу: из всех имеющихся зенитных пулеметов и приспособленных орудий вести огонь по немецким самолетам в пределах зоны досягаемости, при условии, что они не атакованы советской авиацией (ЦАМО: Ф. 394. Оп. 1. Д. 21. Л. 38).

С 23 апреля по 31 мая в районе действия 863-го ИАП часто появлялись самолеты-разведчики Люфтваффе, летавшие на больших высотах от 6000 до 8000 м, что затрудняло их поиск, перехват и наведение истребителей с земли. Из-за недостаточно результативной работы службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (далее – ВНОС), передающей сведения о немецких машинах с запозданием, а также несовершенной системы наведения и боевого управления, своевременность вылетов и поиска самолетов противника оставляла желать лучшего. При этом боеготовность советских экипажей была высокой, т. к. после подачи сигнала на вылет истребители взлетали через 1,5–3 мин.

12 июня в небе Абхазии произошел первый воздушный бой 863-го ИАП с противником. В 7:40 командир звена 1-й АЭ, лейтенант А. Артемьев при вылете по боевой тревоге в районе Сухума, на высоте 6000 м

¹863-й ИАП был сформирован 20 апреля 1942 г. при Руставской военной авиационной школе пилотов Закавказского военного округа, в соответствии с приказом войскам ЗакВО № 0069 от 13.04.1942 г. Имел двухэскадрильный состав, в каждой эскадрильи насчитывалось 3 звена по 3 самолета. На вооружении 863-го ИАП состояло 19 самолетов (2 эскадрильи по 9 самолетов, а также самолет командира полка). Личным составом полк был укомплектован за счет Руставской ВАШП, 12-й отдельной перегоночной авиаэскадрильи, 11-го и 25-го запасных авиаполков ЗакВО. Место базирования – аэродром Махарадзе. Командир полка – майор Коновалов Александр Николаевич, военный комиссар полка – старший политрук Беланов Георгий Иссидорович (Ларин, Поддубный 2016: 4).

встретил одиночный немецкий Ju-88 и преследовал его до Гагры на 60–70 км в море. Произведя несколько атак с дистанции 300–400 м, советский летчик израсходовал весь боекомплект, после чего на высоте 3000 м вышел из боя (Ларин, Поддубный 2016: 11).

13 июня лейтенант А. Артемьев, при вылете по боевой тревоге с аэродрома Сухум, на высоте 7000 м встретил немецкий самолет неустановленного типа. В этот же день пилот 1-й АЭ, сержант П. Бабайлов при вылете по боевой тревоге в 10:12, в районе Очамчыры, на высоте 7200 м встретил Ju-88. На дистанции 1,5 км он преследовал противника на 70–80 км в море, однако, ввиду значительного расстояния догнать его не смог.

27 июня, в 19:15, на перехват самолета He-111 с аэродрома Сухум вылетели два советских экипажа, а с аэродрома Алахадзы – один экипаж. Однако, ввиду того, что данные от РП ВНОС Сухума о немецком самолете поступили на командный пункт 863-го ИАП слишком поздно, в момент взлета истребителей вражеский He-111 уже прошел над аэродромом Сухум на высоте 6000 м, догнать же его не представлялось возможным.

13 июля, в 14:43, четыре экипажа с аэродрома Сухум и два экипажа с аэродрома Алахадзы вылетели на перехват самолетов противника, атакующего советские корабли в районе мыса Пицунда. В 15:16, на высоте 3500 м, командир 2-й АЭ, капитан А. Шалагин догнал в 50 км от берега 2 Ju-88, из которых один немедленно отвернул и ушел, а второй был атакован. Огнем из авиационного пулемета и пушки советский летчик нанес повреждения немецкой машине, левый мотор которой задымил. Подошедший командир звена, младший лейтенант В. Шейко произвел четыре атаки на правом мотору, после чего Ju-88 резко пошел на снижение и упал в море (ЦАМО: Ф. 863. Оп. 228857. Д. 1. Л. 24).

16 июля, в 8:15, при вылете на перехват самолета противника (тип не установлен) в районе Сухума, на высоте 6000 м, командир звена 1-й АЭ, лейтенант А. Артемьев встретил бомбардировщик Ju-88 и преследовал его до устья р. Бзыбь и на 70–80 км в море. Советский летчик произвел несколько атак и по израсходованию горючего произвел посадку на аэродром Алахадзы.

5 августа начальник штаба 46-й армии Закавказского фронта, полковник А. Рассказов в шифрограмме № 33/нш приказывал 863-му ИАП перебазироваться из Сухума на аэродром Махарадзе (Мерия) с задачей прикрывать Потийскую военно-морскую базу Черноморского флота от налетов немецкой авиации, что и было исполнено в тот же день. Знаменательно, что 2-я АЭ в составе семи экипажей должна была перебазироваться на аэродром Сухум с аэродрома Махарадзе лишь 16 августа. Таким образом, на протяжении десяти дней столица Абхазской АССР оставалась без прикрытия истребителей 863-го ИАП. К этому времени

Разрушенный жилой дом по ул. Сталина, 39 (близ кв. доктора Лобанова). Сухум, август 1942 г.

Ул. Сталина, 39. Сухум, август 1942 г.

передовые части 1-й горнострелковой дивизии «Edelweiss» подходили к перевалам Клухор, Нахар, Гондарай, имея целью перейти Главный Кавказский хребет и по Военно-Сухумской дороге выйти к побережью Черного моря. Согласно замыслу немецкого командования, продвижение сухопутных войск Вермахта должно было сопровождаться ударами по Сухуму, Поти, Батуми, Новороссийску, Туапсе и Сочи самолетов из состава II и III групп 55-й бомбардировочной эскадры «Гриф» (II, III/Kampfgeschwader 55 «Greif»), с 5 августа базировавшихся на аэродроме Заморск в Крыму (Дегтев, Зубов 2014: 113). Действия начальника штаба 46-й армии, передислоцировавшего 863-й ИАП в Махарадзе, как представляется, лишь облегчили противнику реализацию ранее намеченных планов.

15 августа 1942 г., в 15:17 немецкая авиация осуществила первый налет на Сухум. К моменту появления самолетов Люфтваффе в Сухумском морском порту, у малого причала под разгрузкой находились портовая шхуна «Интернационал» и плавмастерская «Дмитрий Фурманов». Высадку пассажиров производили нефтеналивная баржа «Тендра» и буксир «Рекорд» (капитан – Н. Швед). У причалов железобетонной пристани стояли буксирный пароход Черноморского флота и не успевший закончить выгрузки пароход «Червона Украина» (капитан – П. Брюханов) (ЦВМА: Ф. 10. Д. 9098. Л. 204). На рейде порта, на якорной стоянке находились плавмастерская «Пицунда», санитарный транспорт «Львов» (капитан – В. Ушаков), принимавший на борт снаряды и мины, а также мелкие катера. В западной части бухты, у берега, стоял на грунте поврежденный танкер «Эмба» (капитан – А. Журавлев), приведенный в Сухум 18 июня 1942 г. и использовавшийся в качестве плавучей емкости². Вне порта, у берегов бухты к мысу Кодор, расположился ряд судов.

В налете участвовало всего два немецких бомбардировщика Ju-88, однако, его результативность следует оценить как высокую. Близкими разрывами двух бомб, получив серьезное повреждение корпуса, был потоплен буксир «Рекорд», на котором погибло 5 чел. (ЦВМА: Ф. 10. Д. 9098. Л. 204). Баржа «Тендра» осталась на плаву, однако, получила перелом корпуса. Прямым попаданием бомбы была разрушена средняя часть деревянной пристани – т. н. малого причала. Ввиду скопления людей на пристани при высадке имелось большое количество человеческих жертв. Из числа жителей Сухума погибло 22 чел. и было ранено 67 чел.

После окончания налета, в целях рассредоточения судов на случай повторения воздушного удара, баржа «Тендра» была отведена и поставлена к берегу, вблизи танкера «Эмба» (Rohwer 2005: 219). Портовая шху-

²В январе 1942 г. «Эмба» была повреждена авиабомбой, в июне прибукована в Сухум, где села на грунт. 30 июля 1942 г. немецкая подводная лодка U-24 выпустила по полузатопленному танкеру 2 торпеды, вызвавшие большие разрушения (ЦВМА: Ф. 10. Д. 9199. Л. 93; ЦВМА: Ф. 38. Д. 11054. Л. 51).

на «Интернационал» и плавмастерская «Дмитрий Фурманов» получили распоряжение отойти на западный рейд. Пароход «Червона Украина» был отбуксирован на якорную стоянку на восточный рейд. Около 18:00 раздался сигнал воздушной тревоги, после чего в небе над Сухумом появились шесть немецких самолетов, идентифицированные, согласно некоторым источникам, как He-111 (Вайнер 1989: 130). На этот раз бомбардировке подверглись суда, стоящие на рейде. Прямым попаданием бомбы в первый трюм был потоплен пароход «Червона Украина», где погибли 2 чел. (Суда 1989: 87). Санитарный транспорт «Львов» получил два прямых попадания, которые разрушили кормовую надстройку, вызвали пожар и нарушили систему пожаротушения. Огонь угрожал охватить трюм со снарядами, ввиду чего экипаж незамедлительно приступил к ликвидации очагов возгорания. Моряки аварийной команды во главе с П. Балло исправили пожарный трубопровод, крюками и ломом растащили горящие деревянные части кормовых кают. Благодаря их умелым действиям удалось локализовать, а затем и погасить пламя. В дальнейшем поврежденный «Львов» своим ходом дошел до Потийской военно-морской базы Черноморского флота³.

Заслуживает внимания и самоотверженная работа команды малого катера «Жоеквара», которая приступила к немедленному спасению из воды раненых и потерпевших в условиях наличия в воздухе немецких самолетов, обстреливающих городские улицы из пулеметов. Экипаж состоял из старшины Л. Буколина, моториста М. Киселева, матроса Н. Барро и возглавившего спасательные работы капитана порта В. Касперовича. Всего же в ходе вечернего налета на город погибло 18 чел. и было ранено 63 чел. из числа гражданского населения Сухума (Абхазия 1978: 160).

16 августа, при продолжающемся отсутствии на Сухумском аэродроме советской истребительной авиации и безрезультативности работы системы ПВО, Люфтваффе дважды бомбило город. Ударам с воздуха подверглись жилые кварталы, радиостанция Сухумского морского порта и танкер «Эмба», однако, прямых попаданий по двум последним объектам зафиксировано не было. В первом налете принимали участие два самолета, погибло 4 чел. и было ранено 12 чел. Во втором налете были задействованы три самолета, погибло 15 чел. и было ранено 39 чел. Как и днем ранее, подавляющее большинство жертв бомбардировки составили мирные жители. После завершения авиаудара группы беженцев начали

³В ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. санитарный транспорт «Львов», действуя в прифронтовой полосе, перевез 30 000 раненых и эвакуируемых граждан, доставил к линии фронта тысячи советских солдат и офицеров, большое количество боеприпасов и продовольствия. В ходе выполнения поставленных задач судно выдержало множество атак немецких бомбардировщиков и торпедоносцев, при этом экипаж потерял 17 чел. убитыми и 45 чел. ранеными. В мае 1944 г. «Львов» был удостоен ордена Красного Знамени (Вайнер 1989: 130).

*Ул. Сталина. Горком Комсомола и Дом Партияпроса.
Сухум, август 1942 г.*

*Немецкий аэрофотоснимок части Сухумской набережной. Отчетливо
виден полузатопленный танкер «Эмба-нефть». Осень 1942 г.*

покидать Сухум, стремясь выбраться в населенные пункты, не подвергавшиеся бомбежке – Агудзера, Гульрипш, Дранда и др. (Чернышев 2017).

Принимая во внимание всю серьезность сложившейся ситуации, начальник штаба 46-й армии Закавказского фронта, полковник А. Расказов принял решение о передислокации в Сухум эскадрильи 863-го ИАП, доведенное в полк шифрограммой № 43/нш от 16.08.1942. Из-за сложных метеоусловий экипажи сумели осуществить перелет лишь на следующий день, ввиду чего столица Абхазской АССР в очередной раз осталась без воздушного прикрытия. Этим не преминул воспользоваться противник, который 17 августа, еще до появления советских истребителей, осуществил очередной авианалет на город. На этот раз в результате действий шести немецких Ju-88 погиб 1 чел. и 1 чел. был ранен. Невысокий показатель жертв, вероятно, был связан с более результативной работой постов ВНОС, сумевших заблаговременно оповестить соответствующие инстанции об угрозе воздушного нападения противника, а также с активностью советской зенитной артиллерии, открывшей по вражеским бомбардировщикам интенсивный огонь с Сухумской горы и горы Трапезии.

18 августа, в 8:03, шесть бомбардировщиков Ju-88 вышли на город со стороны моря со снижением и приглушенными моторами, сбросив бомбы на Сухумский морской порт и городские кварталы с высоты 200 м. Бомбардировка не причинила порту ощутимого ущерба, однако, в городе погибло 16 чел. и было ранено 43 чел. С аэродрома Сухум были подняты три экипажа ЛаГГ-3 863-го ИАП, а также два экипажа Hurricane и один экипаж И-153 35-го ИАП. С 8:10 до 8:22, на высоте 1800 м в 5–7 км от берега, преследуя противника, экипажи вели воздушный бой. Капитан А. Шалагин из 863-го ИАП с лейтенантами Губернюком и Ивановым из 35-го ИАП атаковали противника сзади и снизу, с дистанции 250–300 м, выпустив несколько очередей. Один Ju-88 вошел в крутую спираль и с горящим мотором упал в море в 15–20 км северо-западнее Сухума. После этого подошедший пилот 863-го ИАП, сержант В. Сафонов подбил еще один Ju-88, который с дымящимся левым мотором ушел в облака. Остальные Ju-88 построились в пеленг и продолжили уход в сомкнутом строю, при этом в 8:43, в 40 км от берега огнем противника был сбит Hurricane лейтенанта Губернюка. Летчик выпрыгнул на парашюте и после приводнения некоторое время находился на поверхности, однако, к моменту подхода спасательных катеров обнаружен не был (Ларин, Поддубный 2016: 16).

По итогам воздушного боя следует отметить недостаточное взаимодействие советских пилотов – шести экипажам не удалось дезорганизовать сомкнутый строй противника и уничтожить его бомбардировщики по одному. Напротив, тактика, применяемая немецкими пилотами, обеспечила им надежную защиту при заходе на цели, затруднила советской

стороне воздушное наблюдение и оповещение связи, а также своевременный подъем истребителей 863-го и 35-го ИАП. В результате вышеуказанных недостатков, воздушный бой свелся к равному результату по количеству сбитых самолетов (1:1).

Убедившись в том, что Сухум вновь прикрыт советской истребительной авиацией, немецкое командование прекратило бомбардировки городских кварталов и морского порта, переключившись на решение иных, более приоритетных задач. Авиаударам продолжали подвергаться Новороссийск, Туапсе, а также Сочи, Поти, Батуми, поэтому более месяца небо над столицей Абхазии оставалось открытым. Однако, 22 сентября около 10:00 одиночный немецкий самолет с пикирующего полета произвел бомбежку 6000-тонного плавучего дока, отбуксированного в Сухумскую бухту из Новороссийска и посаженного на грунт вблизи танкера «Эмба» двумя неделями ранее. В результате док получил тяжелые повреждения от двух прямых попаданий бомб в стапель и палубу, а также от двух бомб, разорвавшихся в воде у правой башни. Убитых и раненых отмечено не было.

После того, как наступление немецкого 49-го горнострелкового корпуса через перевалы Главного Кавказского хребта потерпело окончательную неудачу, угроза Черноморскому побережью Кавказа миновала. Тем не менее, бомбардировщики противника неоднократно прорывались к городам Абхазии и сбрасывали на них свой смертоносный груз. Так, 6 октября в 9:20 одиночный Ju-88 сбросил фугасную 250-киллограммовую авиабомбу на Ткварчели, в результате чего 2 чел. погибли, 4 чел. получили тяжелые ранения, 26 чел. – легкие ранения (Абхазия 1978: 119–120). 11 ноября два Ju-88 произвели авианалет на Сухум, при этом погибло 6 и было ранено 10 горожан. 24 ноября в ходе бомбежки столицы Абхазской АССР одним Ju-88 1 чел. погиб и 1 чел. получил ранения. А 17 января и 8 апреля 1943 г. Люфтваффе произвело авианалеты на Гудауту и ее окрестности, в результате чего были частично разрушены дома, уничтожены сады, причинен значительный ущерб городскому хозяйству. 21–22 апреля ударам с воздуха подверглась Гудаутская МТС, были повреждены цистерны с горючим, при этом утечка керосина составила 840 л, лигроина – 230 л (Абхазия 1978: 123). Впрочем, это было последнее появление немецких самолетов в небе над Абхазией.

В письме от 10 июля 1943 г. на имя председателя Совета народных комиссаров Грузинской ССР В. Бакрадзе, председатель Совнаркома Абхазской АССР А. Мирцхулава сообщал, что на основании инструкций по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам, специальными комиссиями было выявлено, что по городу Сухум в результате бомбардировок были уничтожены здания и причинены разрушения на общую сумму 2 747 200 руб.

Немецкая штабная карта Сухума с обозначением важнейших объектов военного и гражданского значения. Июль 1943 г.

Кроме того, в документе указывалось, что по управлению связи Абхазской АССР в связи с бомбардировками г. Сухум и Сухумского района ущерб от разрушения и повреждения сооружений связи, а также расходы по эвакуации и разэвакуации составили 35 594 руб. (Абхазия 1978: 120).

Согласно «Справке НКВД Абхазской АССР о количестве жертв от бомбежки вражеской авиацией г. Сухум» от 29 августа 1944 г., составленной Наркомом внутренних дел Абхазской АССР Ш. Бокучава, всего в ходе немецких бомбардировок города, имевших место в августе и ноябре 1942 г., было убито 83 и ранено 236 гражданских лиц. Кроме того, на берегу было подобрано 17 тел, выброшенных морем (Абхазия 1978: 124). Ввиду отсутствия сведений о погибших военнослужащих, членах экипажей и пассажирах судов, потопленных и поврежденных в результате бомбардировок, представляется, что общее количество человеческих жертв могло превысить данные, указанные в Справке.

Таким образом, действуя небольшими силами, насчитывавшими от двух до шести самолетов, Люфтваффе с 15 по 18 августа 1942 г. осуществили шесть авианалетов на Сухум, нанеся удары по морскому порту, военным и гражданским объектам, расположенным в городе, а также по жилым кварталам. Все это время, за исключением 18 августа, Сухум оставался без воздушного прикрытия истребителей 863-го ИАП. В результате бомбовых ударов были потоплены два советских судна (пароход «Червона Украина» и буксир «Рекорд»), два судна получили серьезные повреждения (санитарный транспорт «Львов» и баржа «Тендра»), погибли как минимум 100 чел. из числа гражданского населения Сухума, разрушены и повреждены несколько десятков жилых домов и общественных зданий – Дом культуры, Горком комсомола, Главпочтамт и др. Следует отметить крайне неудовлетворительную работу советской системы ПВО, не сумевшей выполнить возложенную на нее задачу и оказать эффективное противодействие малочисленной авиации противника. Если бы для нанесения ударов по Сухуму немцами были задействованы не два звена (*Kette*) по три бомбардировщика каждое, а например, эскадрилья (*Staffel*), насчитывающая от 12 до 16 машин, не говоря уже о группе (*Gruppe*) из 30–40 самолетов, последствия могли бы оказаться куда более трагическими.

Для сравнения: только за один день, 2 июля 1942 г., свыше 60 бомбардировщиков противника сбросили более 600 бомб на Новороссийский морской порт, в результате чего были потоплены лидер эсминцев «Ташкент», эсминец «Бдительный», транспорты «Кубань», «Пролетарий», «Украина», повреждены многие корабли и суда, разрушены объекты портовой инфраструктуры. А на протяжении августа 1942 г. на Туапсинский морской порт было совершено 85 авианалетов, в которых участвовали 476 бомбардировщиков, сбросивших 2542 бомбы и разрушивших 7 причалов, 4 нефтебака, склады, водопровод, электросеть, телефон и

др. Эти данные наглядно свидетельствуют о второстепенном характере Сухума при выборе немецким командованием потенциальных целей и определении сил и средств для нанесения воздушных ударов.

Вместе с тем Люфтваффе не удалось сорвать или временно нарушить бесперебойную работу Сухумского морского порта. Еще 16 августа 1942 г., сразу после окончания очередной бомбардировки, началось восстановление причала и уборка груза, разбросанного на нем. Днем портовики участвовали в тушении пожаров и ликвидации последствий авианалетов, а ночью выполняли погрузочно-разгрузочные работы. Их силами причал был полностью восстановлен в кратчайшее время. Стоимость произведенного ремонта составила 40 тыс. руб., прочие разрушения по морпорту (радиостанция, морвокзал и др.) были оценены в 175 тыс. руб. Следует отметить исключительное значение малого причала на протяжении всего военного периода, т. к. через него производился грузооборот мелкотоннажного флота и снабжение военных кораблей как базировавшихся на порт, так и заходящих в Сухум. Два эпизодических авианалета немецкой авиации на город, имевшие место 11 и 24 ноября 1942 г., не оказали на работу Сухумского морского порта практически никакого воздействия.

Вплоть до победного мая 1945 г. столица Абхазской АССР продолжала играть важную роль в укреплении обороноспособности страны. Население города работало под девизом «Все для фронта, все для Победы!», будучи задействованным в строительстве дорог, аэродромов, укрепрайонов, бомбоубежищ, противовоздушных щелей, дотов, дзотов, блиндажей, окопов, траншей, проволочных и минных заграждений, а также в восстановлении разрушений, произведенных немецкими бомбардировками. Сухумцы оказывали помощь действующей Армии и Флоту, приняв активное участие в патриотических инициативах по сбору финансовых и материальных средств, передаче денег и ценностей на нужды обороны по государственным займам, поддержке семей военнослужащих, отправке в войска подарков, теплых вещей, продовольствия. Трудовой подвиг гражданского населения Сухума в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. оказал положительное влияние на дальнейшее укрепление связи фронта и тыла, являясь наглядным свидетельством высокого чувства патриотизма, ответственности и сплоченности граждан Советского Союза перед лицом фашистской агрессии.

Литература

Абхазия 1978: Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Сборник документов. Сухуми, 1978.

Бекишвили 1977: Бекишвили В. Оборона Кавказских перевалов в 1942–1943 гг. Тбилиси, 1977.

Вайнер 1989: Вайнер Б. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1989.

Гречко 1967: Гречко А. Битва за Кавказ. М., 1967.

Дегтев, Зубов 2014: Дегтев Д., Зубов Д. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. М., 2014.

Завьялов, Калядин 1957: Завьялов А. Калядин Т. Битва за Кавказ. М., 1957.

Кирин 1958: Кирин И. Черноморский флот в битве за Кавказ. М., 1958.

Ларин, Поддубный 2016: Ларин Г., Поддубный А. Боевые действия 863-го истребительного авиационного полка в 1942 году при обороне Абхазии. Рязань, 2016.

Пачулия 2015: Пачулия В. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945). Сухум, 2015.

Суда 1989: Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник. М., 1989.

ЦАМО: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

ЦВМА: Центральный военно-морской архив.

Чернышев 2017: Чернышев Е. Абхазия 30–40-х годов. Немецкая авиация бомбит Сухуми // Апснытека. http://apsnyteka.org/864-tchernyshov_e_abhazia_30_40_godov.html [Электронный ресурс] Дата обращения: 13.11.2017.

Rohwer 2005: Rohwer J. Chronology of the War at Sea, 1939–1945: The Naval History of World War Two. Annapolis, 2005.

Н.И. Медвенски

АКӘА – 1942–1943 ШЫҚӘСКӘА РЗТӘИ КАВКАЗ АХАҚӘИТТӘРАЗЫ АИБАШЬРААН

Аннотация. Астатиа азкуп Кавказ ахақәиттәраз аибашьраан (1942–1943) анемецәа Акәа ақалақь ҳаирпланла ралахысра. Аңснитәи АССР ахтнықалақь айакы гәгәан еибашьуаз аф-ганк рзы. Акәа ажәәан акынтә рткәацгала иалахысуан. Уи иахкьаны аңстәбара рацәахеит, ааха гәгәа роут ауааңсыра зыфнази арратәи хыбрақәа.

Ихадароу ажәәкәа: алахысра, Ацьынцътәылатә еибашьра Ду, Лиуфт-ваффе, Акәа.

N.I. Medvensky

**SUKHUM DURING THE BATTLE OF THE CAUCASUS
1942–1943: CITY UNDER THE LUFTWAFFE AIRSTRIKES**

Annotation. *The article is devoted to the German air raids on Sukhum during the battle for the Caucasus in 1942–1943. The capital of the Abkhaz ASSR was important for both warring sides and was subjected to bomb strikes by the Luftwaffe, which resulted in numerous human casualties, and the destruction of civilian and military infrastructure.*

Key words: *Bombardment, The Great Patriotic War, Luftwaffe, Sukhum.*

ПОЛОЖЕНИЕ И СУДЬБЫ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Аннотация. *В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые ключевые, на взгляд автора, факторы, оказывающие более или менее существенное влияние на реальное положение и судьбы коренных малочисленных народов национальных республик Северного Кавказа. Главное внимание уделяется глобализации и информационной революции, которые создают условия для ассимиляции национальных, языковых, культурных и иных меньшинств, в том числе коренных малочисленных народов в результате их поглощения более крупными, так называемыми титульными народами. Показано, что малочисленные народы с их неповторимыми культурными кодами и языками, особой этнической идентичностью составляют неотъемлемую часть генофонда человечества и их возможное исчезновение может стать для него невозполнимой потерей.*

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, национальные меньшинства, малочисленный народ, этнос, культура, язык, идентичность, ассимиляция, политика, исчезновение.*

В современном мире для жизнеспособности, выживания и дальнейшего развития любого малочисленного этноса и его этно-национальной идентичности, культуры и языка ключевое значение имеет признание обществом и государством права национальных меньшинств в целом и малочисленных народов в особенности на существование в качестве неотъемлемой части общенационального сообщества. Соответственно, они должны быть наделены правом сохранить и развивать свои культуру и язык, использовать их как в повседневной жизни, так и в общественных институтах, средствах массовой информации, органах государственной власти. В противном случае рано или поздно они маргинализуются и оказываются обреченными на постепенное исчезновение.

Такая постановка вопроса приобретает дополнительную значимость в современных условиях глобализации и информационной революции, в которых перед многими коренными малочисленными народами Российской Федерации помимо всего прочего стоит вопрос об их физическом выживании. Действительно в этих условиях ускоряются процессы ассимиляции культур, потери языками малочисленных народов самостоятельности и, в конечном счете, исчезновения.

В трактовке этих процессов в современной науке нет единства. Одни исследователи убеждены в необходимости принятия государствами мер противодействия глобализации для сохранения и возрождения этнических культур и языков. Другие же убеждены в неизбежности исчезновения этих культур и языков, их поглощения более сильными культурами и языками других более крупных, прежде всего так называемых титульных народов. И поэтому, по их мнению, бессмысленна и пустая трата усилий и ресурсов на эти цели.

Авторы исследования, проведенного на основе данных ЮНЕСКО и Росстата России в 2012 году, пришли к выводу, что более 40 этносов, проживающих на территории России, находятся под угрозой исчезновения в ближайшее годы, а 7 языков потеряны безвозвратно. В данный круг, как считают эти авторы, входят 18 этносов Дальнего Востока, численность которых составляют менее 2 тысяч человек, у одиннадцати из них – ниже порога в 1 тысячу человек. У таких этносов как керекы на Чукотке и аллоторцы на Камчатке в общей сложности осталось всего 20 чел. Такие этносы, как орочи, юкагиры, нивхи, нганасаны, эскимосы и др. практически потеряли свои языки (Журман).

Констатируя катастрофическую ситуацию с национальными языками, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В. Тураев пришел к выводу, что среди коренных малочисленных народов региона «только те, кому под 60, еще могут общаться на родном языке. Те, кому за 40, еще понимают, о чем речь, но ответить уже не могут. У чукчей и эскимосов положение со знанием родного языка получше, все-таки они – крупные этносы. К сожалению, исчезающие языки отечественной науке малоинтересны. Как правило, это объект внимания отдельных энтузиастов. В советское время, особенно до Великой Отечественной войны, предпринимались масштабные экспедиции, языки фиксировались, были составлены грамматики, многие народы получили письменность. Сегодня подобные работы государством не заказываются» (Журман). На вопрос журналиста «Сколько, по-Вашему, лет отведено малочисленным народам Дальнего Востока?» он ответил: «Как-то на конференции в Хабаровске я распространил анкету, содержавшую и этот вопрос. Более половины дальневосточных аборигенов ответили: «Вечно». Я же полагаю, что к концу XXI века наши потомки уже не смогут идентифицировать национальную принадлежность малочисленных народов нашего региона» (Журман).

Сотрудники Института народов России Министерства РФ по делам национальностей и региональной политики в 1994 г. выпустили «Красную книгу языков народов России». В числе исчезающих в нее были включены языки таких малочисленных народов Республики Дагестан как агульский, андийский, арчинский, ахвахский, бежтинский, ботлихский, генухский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский,

гимерсинский, кубачинский, рутульский, тиндинский, хваршинский, цахурский, цезский (дидойский), чамалинский и язык горских евреев (татов) (Шахбанова 2011: 59).

В рассматриваемом контексте в качестве особо печального и поучительного примера можно привести уже не существующий убыхский язык, относящийся к абхазо-адыгской группе. По данным, которые приводит Д.Р. Бориева, в настоящее время в Турции живут несколько сот убыхов, а для Северного Кавказа они считаются исчезнувшим народом (Бориева). Следует подчеркнуть, что главный герой знаменитого романа Б.В. Шинкуба «Последний из ушедших» – столетний старик Зауркан Золак, последний из ушедших не то за пределы своей родины, не то в мир иной, именем которого назван роман никто иной как престарелый убых Эсенч Тофик, который, возможно, последним говорил на убыхском языке.

В развитии социокультурного пространства Северного Кавказа прослеживается ряд противоречий. Как отмечает Г.Д. Базиева, одно из противоречий «состоит в стремлении сохранить национальную самобытность, с одной стороны, и нивелирующими глобализационными процессами, с другой». В этом русле, по ее мнению, возникает проблема «транснационализации культуры, которая выступает одной из базовых характеристик глобализации культуры и становится не только экономическим, но и культурно-цивилизационным феноменом» (Базиева 2013: 4). В современных условиях глобализации и информационной революции по сути дела перестают существовать чисто этнические культуры и чисто этнические идентичности. Как отмечает только что упомянутая Г.Д. Базиева, «под влиянием глобализационных процессов происходит размывание этнокультурных границ, поэтому на традиционную культуру ложится «двойная нагрузка»... Если ранее процессы трансформации этнических культур происходили под влиянием локальных и социально-политических факторов, то в современный период внешние воздействия приобретают тотальный и массовый характер» (Базиева 2013: 4).

Первые же десятилетия глобализации показали, что языки малочисленных народов не выдерживают мощные волны глобализации и информатизации. Они оказываются неспособны осваивать в своей лексике современную научную, технологическую, общественно-политическую терминологию. Создается тревожное впечатление, что глобализация постепенно и неумолимо поглощает малые этносы, их языки, культуры, идентичность. В этом смысле нельзя не сочувствовать представительнице абхазского народа Ц. Чичбе, которая применительно к состоянию абхазского языка сетовала: «Парадоксально, но сохранив территорию, мы в ужасе наблюдаем, как стремительно исчезает наш язык, наша культура, как мы теряем самобытность, себя» (Зантария).

С рассматриваемой точки зрения интерес представляют материалы обсуждения вопроса самоидентификации и дальнейшего развития малочисленных этносов, состоявшегося 3 июня 2014 года в Министерстве по национальной политике Республики Дагестан с участием и. о. министра З. Ильясова, представителей малочисленных народов, заинтересованных министерств и ведомств. Инициаторами обсуждения выступили представители каратино-язычной интеллигенции. «Если взять не просто малые, а бесписьменные языки, к примеру, языки аваро-андоцезской группы, – говорил представитель каратинского этноса И. Магомедсултанов, – то это не просто исчезающие языки, а языки, которые находятся в такой ситуации, когда выжить им очень трудно» (Рагимханова). В качестве важной причины он приводил тот факт, что основная масса малочисленных народов, в том числе и каратинцев, прибыв в город, «оказывается в русскоязычной среде, литературно-письменным языком является аварский, свой язык, как таковой, исчезает. Как носитель каратинского языка я могу сказать, что пытаюсь сохранить свой язык хотя бы на семейном уровне. Это проблема исчезновения целого пласта – исчезновение языка приведет к исчезновению самоидентичности народа» (Рагимханова).

У некоторых этносов родной язык перестает функционировать даже на бытовом уровне. И это не удивительно, если учесть, что, по данным, которые приводятся в монографии З.М. Габуниа и Т.Р. Гусмана «Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации», только 1 % детей из адыгейских семей города Майкопа в школе говорят на родном языке. Уровень владения адыгейским языком среди учащихся остается низким: 32 % вообще не говорят на нем, а 25 % говорят с большим трудом (Рагимханова).

По имеющимся данным, для выживания языка того или иного этноса необходимо, чтобы его численность составляла как минимум 100 тысяч человек. А если малочисленными считаются народы, численность которых составляет 50 тыс. и меньше, то очевидны перспективы сохранения как их самих, так и их культур и языков. Исчезновение языков сопровождается процессами неизбежной ассимиляции и слияния с доминирующим народом.

Здесь представляется уместным отметить, что по критериям международно-правовых документов абхазцы не входят в число малочисленных народов, которые с рассматриваемой точки зрения находятся в еще более трудном положении. Дело в том, что в культурном и языковом плане народы с численностью менее 50 тыс. чел. испытывают как бы двойное давление. С одной стороны, речь идет о влиянии культуры и языка, носителем которых является народ, чьим названием именуется соответствующая языковая группа в составе той или иной ветви иберийско-кавказской семьи (например, аварской, лезгинской, адыго-чер-

кесской). С другой стороны, все более возрастающее значение приобретает необходимость овладения русским языком, без которого трудно представить жизнь современного российского гражданина. Здесь важно учесть, что представители малочисленных народов, например, агулцы, рутульцы, цахуры и др. через лезгинский язык, дидойцы, андийцы, ахвахцы, бежтинцы, каратинцы, ботлихцы и др. через аварский язык получают возможность социальной и политической социализации и вовлечения в региональную и общенациональную культуру.

В этом контексте необходимо учесть, что в современных реалиях во всем мировом сообществе по отношению к коренным малочисленным народам доминирует ассимилятивный подход. В этом смысле малые народы региона при всех возможных здесь оговорках применительно к кавказским народам подвергаются двойной ассимиляции: с одной стороны, в отношении к ведущему этносу в языковой группе (аварскому, лезгинскому и др.) и с другой стороны, к России в целом.

В этом вопросе немаловажную роль играет политика властей, ориентированная на принудительную ассимиляцию малочисленных народов. В Китае в результате изменений число этносов за короткое время сократилось с 400 до 55. Показателен пример Турции, правящие круги которой придерживаются политического курса на поголовное отуречивание «чужеродных» элементов, в лице курдов, диаспор кавказских народов.

С этой точки зрения особое беспокойство вызывает положение дел в Азербайджане, где ведется политика принудительной ассимиляции представителей национальных меньшинств и малочисленных народов. Для правильного понимания данного вопроса важно учесть и то, что в Азербайджане будухцев, крызов, хиналугцев, цахуров, удинов, талышей и представителей других малочисленных – и не только малочисленных (к примеру, аварцев и лезгин) – народов, проживающих на территории Азербайджана, в паспортах и документах переписи населения записывают азербайджанцами.

По данным газеты «Новое дело», к началу 2011 года 10% граждан Азербайджанской Республики носили фамилии, оканчивающиеся на азербайджанский манер на «-заде», и 10% на «-ли», «-лы», «-лу», «-лю», а до 80% – на русский манер на «-ов», «-ев». К весне 2011 года Институт информационных технологий Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) принял проект нового закона, предусматривающего отказ от русских окончаний «-ов», «-ев» в фамилиях граждан республики, что, по мнению инициаторов проекта, призвано «правильно идентифицировать национальную принадлежность». Главный смысл законопроекта состоял в том, чтобы обязать ЗАГСы страны в метриках фамилии всех новорожденных жителей страны обозначить с азербайджанскими окончаниями.

В 2013 году этот законопроект приобрел силу закона, который предусматривал приведение фамилий граждан страны в соответствие с нормами и правилами государственного языка. Законом предписывалась добровольная замена русских окончаний на азербайджанские «-заде», «-оглу», «-гызы» или же вообще отказ от окончаний (к примеру, Ахмед Гасан-заде – мужчина, Эльмира Гасан-гызы – женщина, или же просто – Гасан).

Как отмечал председатель Комитета по культуре Милли Меджлиса Н. Джафаров, «законопроект предполагает введение фамилий, которые будут соответствовать национальным традициям. Предлагаются четыре варианта фамилий. Первый вариант предполагает введение фамилий с окончаниями «-лы» и «-лу». Второй вариант фамилий будет иметь окончания «-оглу». Третий вариант предполагает введение окончания «-сой». Четвертый вариант фамилий будет заканчиваться на “-гиль”». По словам Милли Меджлиса, «исключение в законопроекте составляют только граждане Азербайджана неазербайджанской национальности: русские, украинцы, татары, грузины. Они и их дети сохраняют свои традиционные фамилии»¹. При этом нельзя не обратить внимание на тот факт, что в предлагаемый Джафаровым список не попали граждане республики – этнические неазербайджанцы, такие как лезгины, аварцы, рутульцы, цахуры, тальши и др.

Еще в 2010 году директор Института информационных технологий Национальной академии наук Азербайджана (НАНА) Р. Алигулиев выступил с предложением ввести новые правила присвоения имен гражданам Азербайджанской Республики. По рекомендации Министерства юстиции республики комиссия НАНА занимается выяснением значения имен граждан страны. Как утверждал Р. Алигулиев список имен будет представлен в Министерство юстиции, в котором решат, как этот список использовать. По данным газеты «Новое дело», «предполагалось составить три списка: “зеленый список” имен, соответствующих национальным, культурным и идеологическим ценностям Азербайджана, “желтый список” нежелательных, вызывающих насмешки, с некрасивым звучанием, и третий “красный список” имен “лиц, совершивших агрессию против азербайджанского народа, имена, смысл которых имеет оскорбительное значение в азербайджанском языке”». В присвоении имен первого списка не будет никаких ограничений, имена второго списка не рекомендуются, а третьего – запрещаются. По словам Р. Алигулиева, «любое имя, которого не будет в списке, будет направлено в соответствующую комиссию НАНА, и после того, как эта комиссия озвучит свое мнение, будет разрешено присвоение этого имени»².

Еще в начале 90-х годов в период разгула азербайджанского национализма при президенте А. Эльчибее, когда был выдвинут вопрос об

¹Какие фамилии будут носить лезгины в Азербайджане? // Новое дело. 2011, 21 января.

²Там же.

изменении фамилий представителей всех этносов республики на азербайджанские, лезгины и аварцы потребовали предоставлять им самим право выбора своих фамилий. В интервью «Vesti.Az» был поднят вопрос о желании представителей этих этносов вернуть их традиционные фамилии, «Кто считает себя азербайджанцем по национальности, он и будет менять фамилию или же окончание фамилии своего ребенка», подчеркивал председатель Комитета по культуре Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Н. Джафаров. Он заявил: «Это непростой вопрос, и решать его надо индивидуально. Например, у талышей окончание “-заде” не традиционное. Поэтому, вероятно, и у них будут окончания “-лы”, “-ли”, “-лу”, и у лезгин, татов, курдов тоже. Кроме того, мы хотим предусмотреть дополнительные варианты – окончания “-сой”, “-гил” (Мамедгил), “-оглу”. То есть всего четыре варианта». На это корреспондент “Vesti.Az» пыталась возразить: “однако, у аварцев, удинов, лезгин, цахуров и других окончания фамилий звучат по-иному, нежели “-лы”, “-ли”, “-лу”. К примеру, у лезгин распространены окончания “-ви”, “-ан”, “-ин” и т. д. Все лезгинские патронимы оканчиваются на “-ар”, “-ер”, “-яр”, “-бур”, “-динбур”. Эти вариации окончания множественного числа и несут смысловую нагрузку: обозначение не одного представителя или части рода, а всего рода в целом». Аварские фамилии имеют окончание «-зул», а отчества, как правило, «-ил», реже «-ав» «-сул» у мужчин и «-ай» у женщин.

При этом журналистка «Vesti.Az» справедливо констатировала, что «среди этнических групп нередки случаи, когда даже родные братья носят разные фамилии. Это от того, что у горцев отсутствуют глубокие «фамильные» традиции. Кто-то взял фамилию по имени отца, кто-то – деда, а кто-то – прадеда. Поэтому гораздо большее значение имеет то, кто чей сын и какого рода (тухумное сознание). Отметим, что у горских народов, как, впрочем, и у азербайджанцев, фамилий в нынешнем их понимании никогда не было, а существовали родовые имена, возникшие в глубокой древности и сохранившиеся до наших дней. Родовые названия условно подразделяются на три разряда: немусульманские названия, мусульманские названия и иронически-бытовые названия³.

Очевидно, что предполагается ограничение списка допустимых имен всего четырьмя азербайджанскими вариантами. В этой связи новостной портал «Vesti.Az» обратился к Н. Джафарову относительно того, как ему видится обозначение фамилий граждан Азербайджанской республики – представителей народов неазербайджанской национальности, таких, например, как лезгины, аварцы, талыши, цахуры, удины и др.

В ответ на это замечание Н. Джафаров заявил: «Мое мнение таково, что этот вопрос надо обсудить отдельно. Лезгины, аварцы живут на исторических землях. И хорошо бы, если они представили бы список

³Там же.

своих традиционных фамилий. Я не сторонник того, чтобы наши граждане неазербайджанской национальности в обязательном порядке брали себе окончания “-лы”, “-лу”, “-ли”. Может, среди лезгин есть такие, которые возьмут себе азербайджанские окончания, но найдутся и те, которые не захотят их»⁴.

Такая же цель может быть достигнута в результате использования норм и правил проведения переписи населения. В период с 1944, когда крымские татары были депортированы в Среднюю Азию, по 1987 г., они произвольно включались в общее число российских татар.

С сожалением приходится признать также факт, что власти национальных республик не всегда оказывают должное внимание данному вопросу. При этом важно учесть, что сокращению численности малочисленных, да и не только малочисленных народов способствуют искусственные меры властей путем, например, исключения тех или иных народов из перечня избирателей, которые могут участвовать в выборах.

В этом плане интерес представляют приложения к Приказу Росстата от 27. 01. 2010 г. № 74 «Об утверждении нормативно-справочных документов для автоматизированной обработки материалов Всероссийской переписи населения 2010 года и подведения ее итогов по вопросу 7 и вопросам раздела 9 переписного листа формы Л», опубликованные на портале «Всероссийская перепись населения 2010 года» в разделе «Законодательные и нормативно-правовые акты». В одном из приложений три лезгиноязычных живых малочисленных этноса – будухцы, хиналугцы и крызы – оказались как бы вымершими, поскольку в список этносов, подлежащих переписи, они не вошли и соответственно на вопрос переписчика: «Ваша национальная принадлежность» оказались лишены права дать ответ: «будухец», «крыз», «хиналугец».

Так же на пункт «Владение языками» они не могли ответить должным образом, поскольку не были обозначены будухский, хиналугский и крызский языки. При этом существует Хиналугско-русский словарь, изданный при спонсорской поддержке Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, 2002). Словарь включает около 8 000 слов. Изданы Будухско-русский словарь У.А. Мейлановой (М., 1984), а также монографические работы по всем трем языкам).

Показательно также то, что в справочнике Г.А. Аксяновой «100 народов Российской Федерации», вышедшем в свет в 2001 году под эгидой Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Миклухо-Маклая, который составлен на основе данных результатов Всесоюзной переписи населения 1989 года, целый ряд народов, в частности шапсуги, не говоря о народах андо-цезской и лезгинской языковой группы, вообще не упомянуты. При этом, как отмечено в предисловии справочника, в приведенный в нем перечень включены почти все народы.

⁴ Там же.

Особое значение имеет тот факт, что ассимиляция национальных меньшинств, прежде всего, малочисленных народов происходит не только насильственными мерами правящих кругов. Как верно отмечает П.К. Чекалов, «процесс ассимиляции языка происходит ненасильственным путем, это естественный закон, когда малочисленные народности входят в орбиту взаимодействия с более крупными этносами. И сейчас этот закон работает, как и во все предыдущие времена. За последние два столетия абазинцы попали в орбиту притяжения мощного русского этноса, что не могло не сказаться на родном языке. И сегодня жители абазинских аулов нередко вставляют в свою речь не только русские слова, но и целые предложения» (Чекалов 2013: 64). Процесс ассимиляции представителей малочисленных народов, которые проживают в городах, в современных условиях не только не прекращается, а неуклонно усиливается. Особенно этот фактор сказывается на детях из таких семей, которые с самого раннего возраста посещают детские сады. Учащиеся в школах, а затем и студенты высших учебных заведений говорят на русском языке, соответственно, рано или поздно перестают говорить на родном. Более того, со временем, особенно у их детей, родным языком становится русский язык.

С этой точки зрения интерес представляет приводимый П.К. Чекаловым пример, который утверждает, что в наши дни абазинцы ведут счет на русском языке, а на родном языке используются числительные только до десяти. В наименованиях дней недели используются также русские эквиваленты. По его словам, «почти абазинскими стали союзы “а”, “но”, “и” слова “вот”, “уже”, “частое”, “все”, “давай”, “пока” (Чекалов 2013: 64).

Здесь в качестве наглядного примера можно привести также иронскую и дигорскую диалектные ветви осетинского языка. К настоящему времени внутриосетинские диалектные различия сохранились как более устойчивые формы своеобразия. Иные локально-территориальные особенности, присущие в прошлом отдельным горским обществам практически растворились в осетинской этно-культурной общности. Само образование подобной общности было связано с преодолением субэтнического самосознания и с вытеснением соответствующих ему культурных феноменов в разряд этнографических реликтов. По словам А.А. Цуциева, “ущельское”, трайбалистское самосознание уступало ведущее место этническому: “осетинство” стремительно поглощало тагаурцев, куртатинцев, алагирцев, отчасти дигорцев, кударцев, туальцев (Цуциев 1998: 37).

Аналогичные процессы протекали у многих северокавказских народов, вызывая существенное изменение их этнического облика (хотя уровень достигнутой консолидации у различных народов не одинаков). Иногда внутриэтническая консолидация происходила на базе одного

из обществ или племен, занимавших доминировавшее положение. При этом вся общность получала имя доминанта в качестве этнического самоназвания (ингуши – гIалгIаи).

Отсюда следует, что уже нынешнее подрастающее поколение оказывается не в должной мере способным передать родной язык и культуру (соответственно социокультурную идентичность) следующему поколению.

Следует напомнить, что в советский период множество национальных меньшинств и малочисленных народов, которые не имели своей письменности, получили собственные алфавиты, образование на родных языках, национальную литературу и т.д. Языки в соответствующих республиках и автономиях получили статус государственных языков. Были предприняты широкомасштабные усилия для развития младописьменных языков. По сути дела, государство всячески способствовало формированию из разрозненных диалектов соответствующих этносов национального литературного языка. Как справедливо отмечалось во время обсуждения, состоявшегося 3 июня 2014 года в Министерстве по национальной политике Республики Дагестан, «агульский, рутульский и цахурский языки... из бесписьменных стали письменными, и соответственно этому развиваются культура, литература и другие особенности представителей этих народностей» (Рагимханова). То же самое можно сказать о ряде других северокавказских бесписьменных малочисленных народов.

В нынешних же условиях национальные культуры и языки многих этносов оказалась в глубоком кризисе. Осмысливая эти тенденции, можно согласиться с В.К. Зинтария, который оценивает их «как возможный кризис самосознания, как угасание национально-освободительной энергии, генетической памяти» (Зинтария). С чувством горечи В.К. Зинтария констатировал: «Осмысливая сложную и во многом противоречивую ситуацию, ставящую нас перед необходимостью самосохранения в условиях меняющегося мира, мы небезосновательно оцениваем переживаемые процессы как возможный кризис самосознания, как угасание национально-освободительной энергии, генетической памяти. Т. е. мы чувствуем сегодня как никогда, что теряем качества и свойства, определявшие некогда наш дух, ментальность, образ жизни в целом» (Зинтария). Другой представитель абхазского народа О.П. Дзидзария, не без оснований пришел к выводу, что для малых народов Кавказа по масштабу и драматизму постсоветский период, с рассматриваемой точки зрения, «вполне сопоставим с периодом эпохи махаджирства» (Дзидзария).

Проблема состоит в том, что глобализация и информационная революция, которые беспрецедентно ускоряют процессы ассимиляции, прежде всего, малочисленных этносов, создают условия для унификации, универсализации важнейших сфер общественной жизни, ведущих к

нивелировке, размыванию, стиранию системных и структурных составляющих социокультурной идентичности народов независимо от уровня их социально-экономического и культурного развития. При таком положении коренные малочисленные народы оказываются перед перспективой поглощения более продвинутыми и крупными сообществами, частью которых они являются (Ланда 2015).

Дополнительные негативные последствия в этой сфере связаны с расширением и ускорением миграционных потоков. Всевозрастающее число представителей молодежи народов Северного Кавказа выезжает за пределы своих республик в поисках работы. Результатом этих процессов является дисперсное расселение мигрантов, что в свою очередь ведет к существенному ослаблению, а то и к разобщению и прекращению связей между представителями соответствующих этнических сообществ.

Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имеет естественный и неизбежный рост числа смешанных браков, в которых дети особенно в городских условиях – проходят социализацию совершенно по-иному, нежели в замкнутых этнических обществах на так называемой исторической родине. Поэтому такие браки не могут не оказывать влияния на формирование национально-культурной идентичности подрастающего поколения. Начиная с конца 80-х годов, особенно в 90-е годы прошлого века, представители народов, в том числе коренных малочисленных народов Северного Кавказа, в поисках средств к существованию вынуждены были покинуть родные места и уехать в другие регионы Российской Федерации. С учетом этих реалий можно согласиться с З.М. Габуния и Р. Гусманом Тирадо, по мнению которых, языки могут исчезать, «когда родители перестают общаться с детьми на родном языке», по естественным причинам, «когда диалекты одного языка становятся все более разными и в результате превращаются в другие языки», по неестественным причинам «вследствие стихий, бедствий, катастроф, войн, в результате господства одного языка над другим, а также тогда, когда носители языка перестают передавать язык младшему поколению». В то же время они убеждены в том, что «политически доминирующие языки и культуры ставят языки малочисленных народов в такую ситуацию, что они вынужденно исчезают». По мнению вышеуказанных авторов, «90 % языков мира исчезли благодаря английскому языку» (Габуния, Гусман Тирадо 2010: 14).

Можно утверждать, что в условиях глобализации и информационной революции в рассматриваемом вопросе наблюдаются две как бы противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, не прекращающийся интерес к культурам, языкам, социокультурной идентичности у коренных малочисленных народов, с другой стороны, рост условий и факторов, способствующих их постепенному исчезновению.

При таком положении вещей проблема сохранения национального самосознания, языка и культуры малочисленных народов, соответственно национальной идентичности приобретает особую актуальность и значимость. В результате возникают сакраментальные вопросы: каковы положение и перспективы культурной и языковой идентичности национальных меньшинств в целом и малочисленных народов или этносов в особенности? Какова судьба культурных кодов малых автохтонных народов-этносов в процессах взаимопроникновения культур крупных сообществ или так называемых титульных государствообразующих народов? Как обеспечить более или менее благоприятные условия для сохранения их культур, языков, идентичности? Возможно ли или целесообразно ли создавать такие условия при неуклонном движении всего мира в направлении глобализации, унификации, охвата информационными и телекоммуникационными сетями все новых и новых сфер общественной жизни в самых отдаленных, казалось бы, забытых самим Богом уголках земного шара?

Национальная или этническая идентичность – это «целостный образ, который индивид составляет о самом себе, неизменный во всех жизненных ситуациях, в которых осознает себя индивид» (Гаджиев 2011: 4). Это – совокупность более или менее устойчивых характеристик, позволяющих определить соответствующий этнос и отличить его от других этносов. В этом смысле важно учесть, что у каждого – человека, народа, страны, приверженцев той или иной конфессии – «своя правда», «свой мир», своя социокультурная идентичность, свои морально-нравственные нормы и ориентиры. Поэтому, как утверждал известный немецкий ученый В. Гумбольдт, «если даже у народа 32 слова в языке, все равно это – цветок человечества. И этот цветок нельзя затоптать» (Чернявская). Малые народы – неотъемлемая часть генофонда человечества. Естественно, мир, человечество потеряет многое, если любой народ, любой этнос независимо от его численности уйдет с исторической арены.

При таком положении вещей особую актуальность и значимость приобретает принятие программ сохранения того, что считается «ядром» соответствующей этно-национальной культуры, прежде всего языка, культурных ценностей, исторических памятников культурного наследия. Однако, при оценке подобных доводов и рассуждений важно учесть, что в условиях глобализации для реализации целей сохранения и дальнейшего развития национальных культур и языков и, что особенно важно, сохранения подавляющего большинства самих малочисленных народов требуются огромные материальные и финансовые ресурсы. Такие ресурсы многим государствам просто не под силу. Естественно, в этом направлении потребуются усилия международного сообщества, возможно существенно превосходящие те меры и усилия, которые до

сих пор предпринимались и в настоящее время продолжают предприниматься.

Литература

Базиева 2013: Базиева Г.Д. Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик, 2013.

Бориева: Бориева Д.Р. Теряющий Родину теряет все? (на материале произведения Баграта Шинкуба «Последний из ушедших»). Доступ: <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/567784>

Габуниа, Гусман Тирадо 2010: Габуниа З.М. и Гусман Тирадо Р. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010.

Гаджиев 2011: Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. М., 2011. № 10.

Журман: Журман О. Уходящие этносы? Малочисленные народы Дальнего Востока. Доступ: <https://www.ebftour.ru/articles.htm?id=6399>

Зантария: Зантария В.К. Национальная идея и современная реальность. Доступ: <http://www.kavkazoved.info/news/>

Ланда 2015: Ланда К.Г. Родные языки как фактор сохранения идентичности и самобытности народов Дагестана // Вопросы национальных и федеративных отношений. М., 2015. № 1 (28).

Рагимханова: Рагимханова К. Вопрос самоидентификации и дальнейшего развития малочисленных этносов обсудили в Миннаце Дагестана. Доступ: <http://www.giadagestan.ru/mobile/news/society/>.

Цуциев 2013: Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт... М., 1998.

Чекалов: Чекалов П.К. Об ассимилятивных процессах в абазинском языке // Дайджест культурной жизни Страна Абаза. СПб., 2013. № 1.

Чернявская: Чернявская Ю. Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. Доступ: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Chernjav/index.php

Шахбанова 2011: Шахбанова М.М. Этнологические процессы у малочисленных народов (на примере андоцезской группы) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011. № 2 (40).

М.Х. Экзиков

ЗХЫЦХЪАЗАРА МАЧУ АЖЭЛАРҚӘА РҒАГЫЛАЗААШЬЕИ РЛАХЪЫНЦЕИ (НХЫЦ-КАВКАЗ АҒЫРЦШАЛА)

Аннотация. *Астатиағеи иазаатғылоуп, автор игғаанагарала, Нхый-Кавказтәи ареспубликақәа ирышьагғыту ажэлар мацқәа рҒагы-*

*лазаашьей рлахьынйей анырра рызто ихадароу факторқәак. Инар-
тбааны иазаатгылоуп зхыңхьазара рацәоу ажәрақәа еиҥа имаҕу
ажәларқәа рылазфараҕы ихадароу аҕыңқәа аанызкыло аглобализа-
цией аинформациатә революцией. Ихәоуп, ажәлар маҕқәа, ркуль-
туреи, рбызшәеи, ретникатә хатәреи рыла адунеи ажәларқәа
иузрылымхуа ишрылагылоу. Урт рызра хнырхәышыа змам цәызхар
алиоит.*

Ихадароу ажәқәа: *Урыстәыла, Нхыҕ-Кавказ, амилат маҕқәа, зхың-
хьазара маҕу ажәларқәа, аетнос, акультура, абызшәа, ахатара,
ассимиляция, аполитика, азра.*

М.Н. Ekzekov

THE POSITION AND DESTINIES OF SMALL PEOPLES (THE NORTH CAUCASUS EXAMPLE)

Annotation. *In the present article, an attempt is made to identify and analyze some key, in the opinion of the author, factors that exert a more or less significant influence on the real situation and fate of the indigenous small-numbered peoples of the national republics of the North Caucasus. The main attention is paid to globalization and information revolution, which create conditions for the assimilation of national, linguistic, cultural and other minorities, including indigenous small peoples as a result of their absorption by larger, so-called titular peoples. It is shown that small peoples with their unique cultural codes and languages, a special ethnic identity form an integral part of the gene pool of mankind, and their possible disappearance can become an irreplaceable loss for him.*

Key words: *Russia, the North Caucasus, national minorities, a small number people, ethnos, culture, language, identity, assimilation, politics, disappearance.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

Аннотация. *В научной статье рассмотрены теоретические и практические основы взаимодействия государства и предпринимательства в современных условиях формирования смешанной социально-экономической системы, в которой сосуществуют и развиваются разные организационно-правовые формы предпринимательских структур, с участием частного и государственного капиталов. Выявлены общие закономерности рыночной трансформации в постсоветских странах, определены специфические условия трансформации государственной собственности и формирование предпринимательства в Республике Абхазия. Предложен механизм эффективного взаимодействия государственного и частного секторов в форме государственно-частного партнерства, который позволит модернизировать и развивать отрасли экономики на инновационной основе.*

Ключевые слова: *государственное управление и регулирование, рыночная трансформация, государственно-частное партнерство, проектное финансирование, государственная экономическая политика.*

В последние годы в Абхазии разрабатываются и обсуждаются различные концепции, стратегии и программы становления и тенденции развития бизнеса, практические аспекты его взаимоотношений с государственными органами управления, реализуются меры по их эффективному взаимодействию в целях решения общенациональных задач развития. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, экономические и социальные результаты взаимодействия бизнеса и государства не оправдывают ожиданий общества. Они не способствуют эффективному развитию бизнеса в реальном секторе экономики, а доходы, получаемые от его деятельности, не оказывают должного влияния на рост благосостояния народа и решение социальных проблем общества.

На современном этапе государство не только в Абхазии, но и практически во всех постсоветских странах, пока еще не создало мотивационных условий для развития бизнеса и бизнес-сообщество не разделяет с государством ответственность за социальное благополучие общества и прирост его интеллектуального потенциала.

Актуальность обозначенной темы исследования заключается в том, что рыночный механизм без государственного управления и регулирования не может:

- ✓ обеспечить базисные условия эффективного функционирования национальной экономики;
- ✓ сформировать благоприятный инвестиционный климат;
- ✓ достичь эффективной защиты частной собственности;
- ✓ обеспечить защиту конкуренции и ограничить монополистическую деятельность.

Для реализации данных задач государственным органам управления Абхазии необходимо применять такие методы и инструменты государственного регулирования деятельности предпринимателей, которые будут одновременно их стимулировать на эффективное производство товаров и услуг, как в собственных коммерческих целях, так и в общенациональных интересах.

В этих сложных социально-экономических условиях, находясь между властью и бизнесом, граждане Абхазии пока не могут правовыми способами отстаивать свои экономические интересы. Возможности их влияния ограничены из-за слабого развития или отсутствия гражданского общества с присущими ему консолидирующими институтами. При этом важно подчеркнуть, что процесс взаимодействия бизнеса, общества и государства в Абхазии ныне проходит только начальную стадию развития, в отличие от западных и некоторых постсоветских государств, где уже набран определенный опыт в этой сфере жизнедеятельности.

В этой ситуации представляется важным формирование концептуальных стратегических основ взаимодействия государства, бизнеса и общества, которое должно быть направлено на создание эффективной модели их функционирования.

В сфере взаимодействия бизнеса и государства, на наш взгляд, в первую очередь, следует:

- поэтапно восстановить функции государства, обеспечивающие его стратегическую роль в отношениях с бизнесом;
- обеспечить необходимый баланс конкуренции и государственного регулирования в экономике;
- сформировать управленческие, правовые, нормативные, экономические, финансовые и социальные механизмы, гарантирующие стабильность в их взаимоотношениях.

Для приведения в действие данного механизма требуется ясность в понимании содержания категорий «государственное управление экономикой» и «мотивационные установки бизнеса». В этой связи необходимо обеспечить государственное вмешательство в деятельность тех сфер, в которых функционирование рыночных субъектов нежелательно, либо невозможно, либо недостаточно эффективно.

Отметим, что к настоящему времени еще не сформировались целостные *теоретические концепции рыночной трансформации* в постсоветских странах, что вызвано незавершенностью в них трансформационных процессов и ныне в них происходят качественные изменения в социально-экономических отношениях, в механизмах функционирования институтов микро- и макроэкономического уровней.

Тем не менее, в этих условиях можно выделить ряд *общих закономерностей*, в целом присущих трансформационным социально-экономическим системам постсоветских стран (Шалашаа, Багба 2015):

1) наличие определенной нестабильности в период перехода от одной социально-экономической системы к другой, от планово-распределительной к рыночной системе хозяйствования, причем, в условиях, когда базовые основы последней еще не сформировались;

2) важным условием выхода из трансформационного застоя является создание в течение короткого периода времени новых эффективных собственников-предпринимателей, а также экономических и институциональных условий воспроизводства адекватных современному уровню развития рыночных отношений;

3) необходимость создания современной рыночной инфраструктуры, включая банковский сектор, фондовый рынок, торгово-посреднической инфраструктуры, которые позволят осуществлять перелив ресурсов от неэффективных производств к эффективным предприятиям;

4) экономика в этих странах еще не сложилась как целостная, взаимосвязанная структура, что связано с неразвитостью ее основных производственных элементов;

5) рыночная трансформация приводит к возникновению на макроэкономическом уровне неравновесного состояния между основными макроэкономическими показателями в качестве постоянного явления, что не предполагает возможность возврата от рынка в противоположную сторону, т. е. к консервации прошлых элементов и структур хозяйствования;

6) наличие альтернативных процессов развития, выражающихся в отсутствии заранее предопределенных моделей будущей новой социально-экономической системы, что позволяет вносить определенные коррективы в модели развития в соответствии с меняющейся внутренней и внешней обстановкой.

Практика переходного периода в постсоветских странах свидетельствует о том, что на результаты рыночной трансформации влияют не столько выбранная той или иной страной модель трансформации, а сколько исходные экономические условия, включающие:

- структуру национальной экономики;
- ее открытость к мировой экономике;
- развитость малых форм предпринимательства;

- бессистемность экономической политики;
- факторы чрезвычайного характера и т. п.

Часть этих условий способствует успешной рыночной трансформации, а другие ее сдерживают.

Сравнительное исследование моделей переходных экономик, проведенное российскими учеными, выявило, что с точки зрения способа экономической координации трансформационные экономики можно разделить на два основных вида (Колганов, Бузгалин 2005).

Для первого вида экономик характерен демонтаж системы централизованного планового распределения ресурсов и формирование вместо нее рыночной системы хозяйствования с определенной степенью государственного воздействия на деятельность субъектов хозяйствования. Подобные процессы характерны для всех постсоветских стран, в том числе и Абхазии.

В экономиках второго вида, характерных для КНР, Вьетнама, Белоруссии, формируется двухсекторная модель. В данной модели в одном секторе в течение длительного периода времени сохраняются методы прямого централизованного распределения ресурсов, осуществляемое государственными институтами, а в другом – функционируют рыночные механизмы саморегулирования в сочетании с косвенными методами государственного регулирования.

При сравнении двух этих моделей экономик по способам перехода к рынку у второго вида наблюдается более стабильная и благоприятная макроэкономическая динамика. На наш взгляд, современным специфическим условиям Абхазии более приемлем практическое использование этой модели развития.

Формирование предпринимательства в Республике Абхазия осуществляется путем трансформации государственной собственности, в условиях которой возникают предприятия разных форм собственности, с участием как национального, так и иностранного капитала. Производственная деятельность в них осуществляется с использованием ручного, механизированного и инновационных компьютерных способов хозяйствования. Подобное обстоятельство дает основание определить национальную экономику республики как многоукладную и разбалансированную, в рамках которой сосуществуют различные способы хозяйствования. Однако, по мере их развития и совершенствования будет складываться более устойчивая смешанная социально-экономическая система.

Трансформация государственной собственности и формирование предпринимательства в Республике Абхазия осуществляется в особых условиях, связанных со следующими обстоятельствами:

- рыночные преобразования начались в практически разрушенном или полуразрушенном состоянии национального хозяйства, вы-

званных, как разрывом прежних экономических связей, так и волевыми действиями;

- в республике отсутствовали традиции экономического сотрудничества и взаимодействия свободного предпринимательства с системой государственного управления, и к настоящему времени еще не сложились во взаимовыгодные партнерские отношения;
- на начальном этапе (середина 90-х годов XX века) рыночная трансформация осуществлялась стихийно без наличия продуманной государственной программы, реформы собственности и формирования предпринимательской среды;
- кризисные явления наблюдались во всех отраслях национальной экономики, что выражалось в массовой безработице, разбалансированности потребительского рынка, низком платежеспособном спросе населения и других негативных явлениях, которые все еще имеют место;
- отсутствие собственных финансовых ресурсов для осуществления рыночных реформ и модернизации производства на современной инновационной технологической основе и т. п.

Прежде всего, эти объективные причины, наряду с объявленными некоторыми странами СНГ в конце 90-х годов XX века экономическими санкциями против Абхазии, являлись сдерживающими факторами для проведения успешной государственной экономической политики по развитию предпринимательства в Абхазии.

Одним из наиболее эффективных инструментов решения проблем, связанных с взаимодействием государства и частного сектора в различных отраслях национальной экономики и ее модернизации на инновационной основе можно рассматривать государственно-частное партнерство (ГЧП). ГЧП является относительно новым явлением в мировой экономике и стало активно применяться, как в западных странах, так и в постсоветских государствах в последние 20 лет, в связи с чем, среди ученых пока еще отсутствует строгого определения данного термина.

В современной научной литературе применяются множество терминов, которые по-разному характеризуют содержание ГЧП, а иногда меняются и очередность использования терминов «государство» и «частное». Так, можно встретить следующие словосочетания: частно-государственное партнерство; партнерство государства и частного сектора; муниципально-частное партнерство; частно-общественное партнерство; частно-государственная корпорация; публично-частное партнерство; общественно-частное партнерство (Уколов 2009: 359–360).

По нашему мнению, для определения содержательного смысла ГЧП, принципиально важным является выделение *наиболее сущност-*

ных признаков, позволяющих обнаружить *факт партнерства*, т. е. взаимодействия или сотрудничества, между государственным и частным секторами национальной экономики. Таковыми признаками могут быть:

- ✓ сторонами партнерства выступают государственные и частные структуры экономики;
- ✓ взаимоотношения между партнерскими организациями оформляются юридически в виде контракта, в котором определяются взаимные обязательства сторон;
- ✓ партнеры равноправно участвуют в процессе организации и управления хозяйственной деятельностью партнерского предприятия;
- ✓ партнеры признают наличие для них общих и частных экономических интересов.

Тем самым можно сказать, что наиболее *принципиальным положением для ГЧП* является равноправное сотрудничество между государственными и частными секторами национального хозяйства, при котором они дополняют друг друга для достижения поставленных целей и задач с максимальным экономическим эффектом.

Базовой целью ГЧП в современных реалиях Абхазии является мобилизация сырьевых, материальных, производственных, финансовых и трудовых ресурсов, а также привлечение дополнительных внебюджетных финансовых источников для осуществления значимых экономических проектов и программ в различных сферах национальной и региональной экономики и предусматривающих реализацию, как социальных, так и производственных задач инновационного характера.

Из данной цели вытекают следующие *частные задачи*, которые позволяют ее реализовать:

- осуществление национальных и иностранных инвестиций в приоритетные отрасли экономики;
- модернизация производственной и социальной инфраструктуры;
- внедрение инновационной техники и технологии на производственных предприятиях и в объектах сферы услуг;
- рост уровня занятости трудоспособного населения, повышение его производительности труда и доходов;
- улучшение конкурентоспособности выпускаемой продукции и оказываемых услуг;
- применение инновационных способов управления производством.

ГЧП является одной из форм *проектного финансирования*, при котором привлекаются собственные средства инвесторов, кредиты банков и других финансовых институтов, а также возможно финансовое соучастие республиканских и местных органов государственного управления. Нельзя сказать, что ныне в Абхазии в явном виде осуществляется

ГЧП, однако это вовсе не означает, что его отдельные элементы и направления здесь не развиваются.

Прежде всего, отметим, что нормативно-правовая база для осуществления ГЧП в Абхазии существует еще с середины 90-х годов XX века, когда был принят Закон «О поставках продукции и товаров для государственных нужд». В нем определены общие правовые и экономические принципы формирования, размещения и исполнения на контрактной основе заказов на закупку и поставку продукции для государственных нужд предприятиями независимо от форм собственности.

Глава 6 Закона Республики Абхазия **«Об инвестиционной деятельности» (2014 г.)** также содержит правовую основу государственно-частного партнерства и подразумевает: взаимодействие государства в лице государственного органа управления, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании заключенного договора о государственно-частном партнерстве в рамках реализации преференциального инвестиционного проекта. Причем, инвестиционный проект ГЧП может предусматривать:

- 1) реконструкцию, модернизацию и оснащение объектов государственной собственности, не подлежащих приватизации;
- 2) создание объектов недвижимого имущества на землях с особым режимом использования;
- 3) создание и реконструкцию объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры;
- 4) создание иных объектов, имеющих особое значение для государства.

Другим нормативно-правовым актом, позволяющим формирование и реализацию ГЧП на территории Абхазии, является Закон «Об особых экономических зонах», принятый в 2015 году. В качестве основных целей создания особых экономических зон, Закон предусматривает:

- а) стимулирование роста экономики Абхазии;
- б) повышение социального благополучия населения посредством создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в транспортную инфраструктуру, туризм, международную торговлю;
- в) внедрение высокотехнологических производств. При этом финансирование создания объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур особой экономической зоны будет осуществляться за счет средств республиканского или местных бюджетов.

Особые зоны могут создаваться в разных регионах Абхазии и юридические взаимоотношения между республиканскими и региональными органами управления и предпринимателями-инвесторами будут закреплены в контрактах.

Процесс становления и развития предпринимательства в Абхазии непосредственно связан со спецификой формирования частного предпринимательства в Абхазии. Прежде всего, она связана с тем, что данный процесс происходит при активной роли государства, так как оно является активным субъектом рынка, владеет значительной частью собственности, используя при этом механизмы и возможности государственного сектора, государственного управления и регулирования, участвует в рыночных преобразованиях, тем самым, способствуя становлению предпринимательского сектора экономики.

Организационно-правовые формы хозяйствующих субъектов Абхазии за 2014–2016 гг. представлены в таблице 1. По данным видно, что доминирующее положение из всех форм занимают ООО и ОДО на протяжении всего исследуемого периода. Если в 2014 году их количество составляло 1642 ед., то в 2016 году уже 2576 ед., темп роста составил 156,8%.

Таблица 1. Численность предприятий и организаций по организационно-правовым формам за 2014–2016 гг., единиц¹.

Наименование	2014	2015	2016	Темп ² роста, % ¹
Юридические лица, коммерческие организации	1757	2258	2721	154,8
ОАО, ЗАО ³	30	33	34	113,3
ООО, ОДО ⁴	1642	2127	2576	156,9
Производственные кооперативы	2	2	2	100,0
Унитарные предприятия	83	96	109	131,3
Юридические лица, некоммерческие организации	613	747	963	157,1
Организации без образования юридического лица	15	22	30	200,0
ВСЕГО	2385	3027	3714	155,7

В целом развитие негосударственного сектора в Абхазии характеризуют данные, содержащиеся в таблице 2, которые свидетельствуют о рыночных трансформациях в реальном секторе экономики. Так, за 2014–2016 гг. доля негосударственного сектора растет в валовом объеме произведенной промышленной продукции и составляет более 96,0%, в розничном товарообороте – более 99,0%, в общем объеме услуг – около

¹Подсчитано по: Абхазия в цифрах за 2016 год. Статистический сборник. Сухум, 2017.

²Темп роста подсчитан путем сопоставления данных 2016 г. к 2014 г.

³ОАО – открытые акционерные общества; ЗАО – закрытые акционерные общества.

⁴ООО – общества с ограниченной ответственностью; ОДО – общества с дополнительной ответственностью.

80,0%, но при этом доля занятости снижается на 0,6 процентных пункта.

Таблица 2. Удельный вес в экономических показателях секторов экономики РА за 2014–2016 гг., в процентах к итогу [1].

Показатели развития секторов национальной экономики	2014	2015	2016
1. В производстве промышленной продукции:	5,9	5,5	3,4
– государственного сектора			
– негосударственного сектора	94,1	94,5	96,6
2. В объеме товарооборота:	0,7	0,7	0,6
– государственного сектора			
– негосударственного сектора	99,3	99,3	99,4
3. В объеме оказанных услуг:	18,4	20,6	20,3
– государственного сектора			
– негосударственного сектора	81,6	79,4	79,7
4. В численности занятости в экономике:	73,5	75,1	75,7
– государственного сектора			
– негосударственного сектора	25,8	23,7	23,1
– в общественных организациях	0,7	1,2	1,2

Среднемесячная заработная плата за тот же период в секторах экономики Республики Абхазия представлена в таблице 3 и показывает неравномерный ее рост в разных секторах экономики.

Таблица 3. Среднемесячная заработная плата в Абхазии, руб.⁵

Сектора национальной экономики	2014	2015	2016	Темп⁶ роста, %
1. По всей национальной экономике	9895,1	9056,1	10145,6	102,5
2. В государственных предприятиях	9221,8	10327,7	12964,7	140,6
3. В негосударственном секторе	11898,3	9374,1	10283,1	86,4
4. В общественном секторе	7120,0	13380,0	13082,6	183,7

⁵Подсчитано по: Абхазия в цифрах за 2016 год. Статистический сборник. Сухум, 2017.

⁶Темп роста подсчитан путем сопоставления данных 2016 года к 2014 году.

По неизвестным причинам в 2016 году заработная плата в негосударственном секторе составила всего 10,3 тыс. руб., что меньше, чем в государственном секторе экономики на 2,7 тыс. руб., в то время как в 2014 году наблюдалась ровно обратная картина.

Можно констатировать, что ныне в экономике Абхазии формируется двухсекторная модель, т. е. в республике целенаправленно, а частью стихийно, происходит разделение сфер деятельности и ответственности между государством и предпринимательством, которое одновременно характеризуется и *государственно-частным партнерством*, т. к. значительное количество отраслей функционирует в смешанном секторе национальной экономики.

В этих условиях в руках государства остаются практически все основные виды деятельности по производству общественных благ и услуг. На данном этапе развития Абхазии подобное положение является объективной необходимостью, так как государственный сектор обеспечивает равномерный доступ к общественным услугам всего населения, создавая тем самым социальную стабильность в обществе.

Разделение отраслей национальной экономики и видов деятельности в Абхазии между государственным и негосударственным секторами с определенной долей условности, можно представить в виде диаграммы (рисунок 1).

На горизонтальной оси диаграммы по нарастающей нанесена степень «рыночности» производства товаров и услуг по основным отраслям экономики и видов деятельности, т. е. где, на наш взгляд, предпочтительнее участие предпринимательского сектора.

Справа находятся производство только общественных благ и услуг, осуществляемых государственными структурами, слева – рыночные виды деятельности, в центре – смешанные, с участием государственно-го и частного капитала.

Как видно из диаграммы, большинство отраслей экономики и видов деятельности в Республике Абхазия находятся в руках государства или на границе между государственным и частным сектором. Причем, конкретные пропорции распределения обязанностей и ответственности между ними, весьма подвижны и будут меняться в сторону негосударственного сектора в ходе практического осуществления рыночных реформ в стране.

Важно отметить, что без *целенаправленной государственной экономической политики*, ставящей *стратегической целью* активную, разностороннюю государственную поддержку всех субъектов предпринимательства в Республике Абхазия, нельзя рассчитывать на эффективное функционирование всей национальной экономики. При этом государство может эффективно реализовать данную стратегию, применяя систему государственного управления и регулирования деятельности

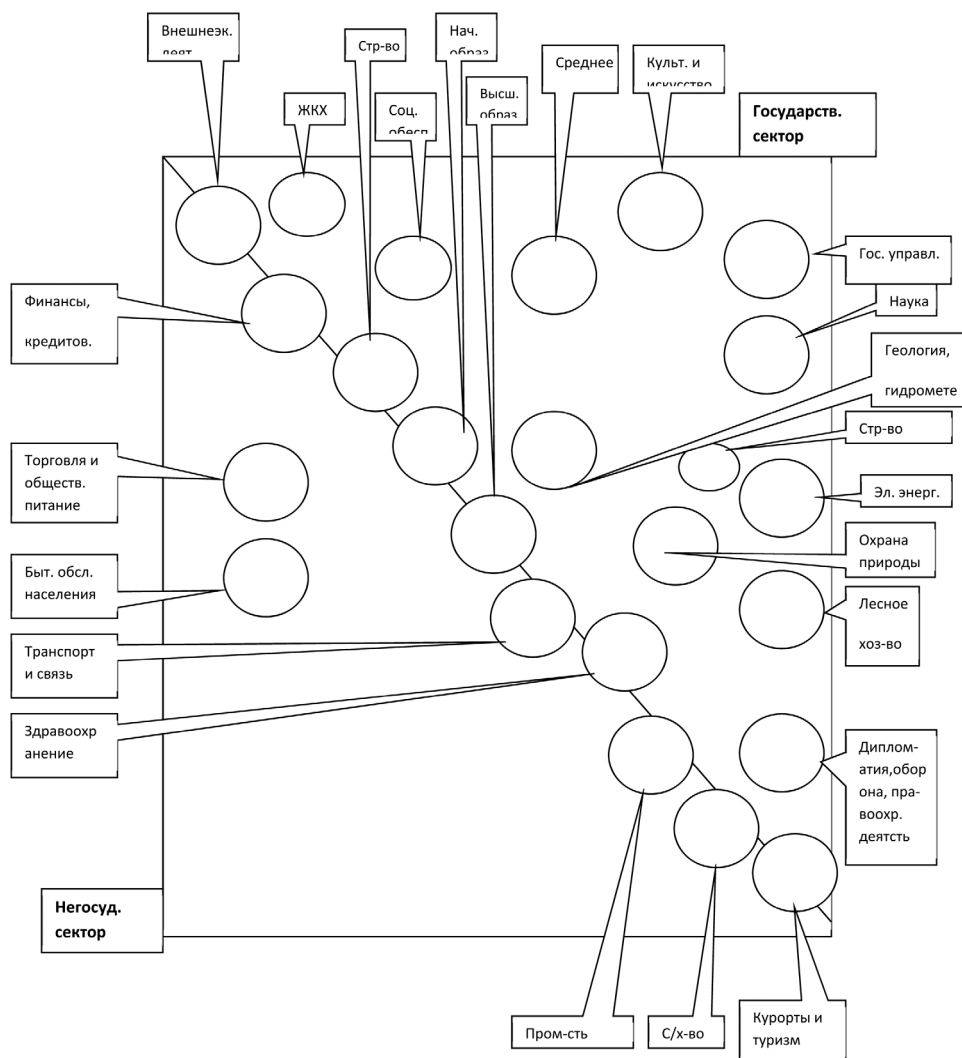

Рис. 1. Деление функций в экономике Абхазии между государственным и негосударственным секторами.

частных предпринимателей, в которой определены его основные цели и задачи в этой области.

Основными целями государства в области управления и регулирования частной предпринимательской деятельности в Абхазии могут быть:

- поддержание и развитие конкуренции в национальной экономике среди предприятий разных форм собственности;
- создание равных стартовых возможностей для любого инициативного гражданина или группы лиц, желающих начать собственный бизнес;
- содействие решению проблем увеличения уровня занятости среди лиц трудоспособного населения;

- поддержка инновационных технологий, влияющих на условия функционирования предпринимательства, т. е. осуществление научно-технической политики, обеспечивающей льготы по инвестициям, вкладываемым в научно-исследовательские инновационные разработки.

Наряду с основными целями государственного управления и регулирования предпринимательства необходимо определить и ряд специфических целей применительно к малому предпринимательству, т. к. именно малый бизнес имеет широкое распространение в Абхазии.

К целям государственного управления и регулирования малого предпринимательства можно отнести:

- создание благоприятных условий для становления и функционирования субъектов малого предпринимательства, включающих:
 - а) установление упрощенной процедуры их нормативно-правового регулирования в области регистрации, лицензирования, ведения и представления статистической и бухгалтерской отчетности;
 - б) применение упрощенной системы расчетов и уплаты налогов;
- недопущение разнообразных форм дискриминации малого предпринимательства со стороны более крупных предприятий путем использования механизмов антимонопольного законодательства;
- обеспечение льготного доступа субъектов малого бизнеса к банковскому кредиту, а также к дорогостоящим видам оборудования, приобретение которых по рыночным ценам они не в состоянии;
- финансовая поддержка, в том числе льготное налогообложение деятельности субъектов малого предпринимательства на начальном этапе их функционирования и т. д.

Процесс ГЧП проявляется и в *системе индикативного планирования*, которая активно используется в Абхазии с начала 2001 года с принятием Закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Абхазия» (2000 г.).

Так, индикативный план в качестве стратегической цели ставит реализацию базовых функций государства в обществе, согласование общенациональных интересов с интересами регионов, отраслей экономики, предприятиями и частными предпринимателями. В этих условиях в целях привлечения частных предпринимателей к сотрудничеству с государством, в качестве базовых задач органов государственного управления и регулирования можно предложить:

- поиск рациональных способов сочетания государственного индикативного планирования и бизнес-планирования на предприятиях в качестве комплексного метода государственного регулирования национальной экономики адаптированного к условиям рыночной трансформации;

- эффективное использование денежно-кредитных, налогово-бюджетных и таможенно-тарифных инструментов государственного регулирования экономики;
- выработка внешнеэкономической стратегии, адаптированной к национальным приоритетам развития и поэтапной интеграции хозяйственных систем Абхазии в российское и евразийское экономическое пространство.

В заключение можно сделать вывод о том, что *взаимоотношения государства и частного предпринимательства* могут рассматриваться в качестве *партнерских* лишь в том случае, если они позволяют достичь эффективности в функционировании частного и государственного секторов экономики. Это, в свою очередь, будет способствовать модернизации всей национальной экономики, позволяющей государственным органам власти эффективно выполнять свои базовые функции в обществе.

Литература

Абхазия в цифрах 2017: Абхазия в цифрах. Статистический ежегодник / Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2017. <http://ugsga.org/abkhaziya-v-tsifrakh/2016-god.php>

Закон 1994: Закон Республики Абазия «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» // Сборник законодательных актов Республики Абхазия (СЗА РА). Вып. 1. Сухум, 1994.

Закон 2001: Закон Республики Абазия «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Абхазия» // Сборник законодательных актов Республики Абхазия. Вып. 14. Сухум, 2001.

Закон 2014: Закон Республики Абхазия «Об инвестиционной деятельности». Сухум, 2014.

Закон 2015: Закон Республики Абазия «Об особых экономических зонах». Сухум, 2015. Электронный ресурс: <http://mineconom-ra.org/ru/doc/NPARA/>

Колганов, Бузгалин 2005: Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика: Учебник. М., 2005.

Уколов 2009: Уколов В.Ф. Взаимодействие власти, бизнеса и общества: Учебник. М., 2009.

Шалашаа, Багба 2015: Шалашаа З.И., Багба А.Н. Реформа системы государственного управления, регулирования и планирования экономики // Стратегия социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 г. / Центр стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия. Сухум, 2015.

З.И. Шьалашьаа

**АХЭЫНТҚАРРЕИ АНАПЛАКРЕИ АИНЫРРА РЫБЖЪАЗЦО
АТЕОРИАТЭИ АПРАКТИКАТЭИ ЗЦААРАҚЭА АПСНЫ
АХЭЫНТҚАРРАҒЫ РЫШЬАҚЭГЫЛАШЬА**

Аннотация. *АстатиаҒы иазаатҒылоуп еилаҒсоу асоциалтэ-эконо-микатэ система ашьақэҒылара ианаеу хазтэҒылоу аамтэзы, ахэынтқарреи анаплакреи теориалеи практикалеи аиньрра рыб-жъазцо ашьатақэа рышьақэҒыҒылара. Абри аамтэзы еиҗыкоуп насҒыи еиҒеиоит еиуеиҗишым аиҒкааратэ зинқэа рыла еиқэҒыришоу анаплакытэ еилазаарақэа. Иаарҗишуп уаанза асоветтэ хэынтқаррақэа еиҗырзеиҗишу аиҒырмыкыатэ җсахрақэа, хазы иалкаауп Аҗсны ахэынтқарраҒы анаплакра ашьақэҒылара ианаеу аамтэзы ахэынтқарратэ хатэра еиҗакрақэас иалагалатэу аусқэа. АҗэалагалаҒас ишьақэҒыҒэҒэоуп ахэынтқарратэи ахазхатэи наплакқэа иаҒа иманиэалолу ахаҒара змоу амоақэа рзалхра, насҒыи урҗ еиҒкаазар алиоит ахэынтқарратэ-хазтэы еиоызарала еиқэҒыришоу аформа атаны.*

Ихадаролу аҗэакэа: *ахэынтқарратэ напхҒареи арманиэалареи, аиҒырмыкыатэ еиҗакра, ахэынтқарратэ-хазтэы еиоызара, апроекттэ финанстара, аэкономика иазку ахэынтқарратэ политика.*

Z.I. Shalashaa

**THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE
INTERACTION BETWEEN THE STATE AND ENTERPRISE IN
THE REPUBLIC OF ABKHAZIA**

Annotation. *In a scientific article theoretical and practical bases of interaction of the State and enterprise in modern conditions the formation of mixed socio-economic system in which co-exist and develop different organizational-legal forms of business structures, involving the private and public capital. Identified common patterns of market transformation in post-soviet countries, identified the specific circumstances of the transformation of state-owned property and the formation of entrepreneurship in the Republic of Abkhazia. The mechanism of effective interaction between the state and private sectors in the form of public-private partnership, which will allow to modernize and develop industries in an innovative manner.*

Key words: *governance and regulation, market transformation, public-private partnerships, project finance, state economic policy.*

Богославская М.Е., Чукбар К.Т.

«ДЕФИЦИТ» РЫНОЧНОЙ ИДЕОЛОГИИ НА СЕЛЕ

Аннотация. *Рыночная идеология – необходимое условие успешного и устойчивого развития экономики страны. Ее отсутствие негативно влияет на общественное развитие, не позволяет рационально и полноценно использовать имеющийся экономический потенциал. В статье освещается вопрос необходимости формирования рыночной идеологии в селах Абхазии.*

Ключевые слова: *рыночная идеология, рыночная среда, институт рыночной идеологии, сельское предпринимательство.*

Анализируя экономическое состояние республики эксперты обычно приводят ряд факторов, сдерживающих ее развитие: размах коррупции, слабость власти, недостаток квалифицированных кадров и т. д. При этом редко упоминается такой мощный фактор, как отсутствие рыночной идеологии. Между тем отсутствие культуры поведения в рыночной среде, отсутствие навыков ориентации в рыночном пространстве не позволяет населению (а сельскому в большей степени) использовать в полной мере имеющиеся возможности.

Более 25 лет республика идет по пути развития рыночных отношений, но до сих пор для большей части населения они банально ассоциируются с рынком, где все только продается и покупается. А вот как в этих условиях осуществлять прибыльное производство – не понятно. Особенно это касается сельского населения, которое оказалось заложником старой экономической системы. Предоставленная свобода предпринимательства, не подкрепленная соответствующими гарантиями, оказалась для многих неизвестным плодом, с которым непонятно, что делать. Многие постсоветские республики давно прошли путь адаптации к новым условиям, Абхазия задержалась на этом пути.

В новых экономических условиях сельчанин сам должен определять, что и сколько производить, как найти необходимые для производства материально-технические ресурсы и, наконец, где и кому реализовать произведенную продукцию. Отсутствие элементарной информации и рыночной грамотности заставили многих жителей села оставить родные места и заняться торговлей в городе. Лишь небольшая часть крестьян сумела адаптироваться к условиям сложившейся ситуации и заняться производством сельскохозяйственной продукции, сетуя при этом на ряд проблем, основными из которых являются: недоступность кредитов и сложности сбыта.

Касательно кредитов все не совсем просто. Известны печальные случаи, когда выделенные правительством ссуды на развитие сельского хозяйства не принесли ожидаемых результатов. Некоторые заемщики то ли по неосознанности, то ли по другим причинам, решили, что взятые ссуды можно и не возвращать. Поэтому вопрос не столько в том, доступны ли населению кредиты, а в том насколько финансовые средства могут быть использованы целенаправленно и эффективно. Кредиты, бесспорно, нужны, но их доступность населению – еще не гарантия успешного развития экономики.

Кстати, здесь уместно вспомнить о так называемом «товарном» кредите для сельхозпроизводителей, когда кредиты сельчанам выдаются не в виде финансовых средств, а в виде материально-технических ресурсов: посадочный материал, ядохимикаты, удобрения, ГСМ и др. Погасить кредит можно как денежными средствами, полученными от реализации произведенной продукции, так и частью самой этой продукции. В этом случае можно хотя бы надеяться, что кредиты будут использованы по целевому назначению с должной отдачей и погашены в срок. Такая форма кредита для сельхозпроизводителей успешно используется во многих странах мира.

Речь здесь, конечно, идет о кредитовании малых предприятий и ЛПХ, но именно им особенно тяжело, и такая помощь могла бы стать своевременной и оправданной. О развитии малого предпринимательства на селе говорится много, но пока оно развивается очень слабо, а ведь у него большие перспективы, в том числе – шанс стать объектом крупного бизнеса.

Очень часто в адрес правительства поступают нарекания по поводу безработицы на селе, обвинения в его несостоятельности обеспечить население рабочими местами. В условиях рыночной экономики государство напрямую не может и не должно, по большому счету, заниматься созданием рабочих мест, а вот создание условий для самозанятости населения – его прерогатива. И здесь вина государства в отсутствии четко сформулированной рыночной идеологии, которая способствовала бы формированию у населения современных, цивилизованных взглядов на рыночные отношения, рыночную экономику как модель экономического развития общества, обладающую как преимуществами, так и недостатками.

Понимая под рыночной идеологией систему идей, взглядов, выражающих интересы населения как субъекта рынка, важно донести их до населения и, в частности, до сельского населения. Тем самым активно воздействуя на его развитие, способствуя этому развитию.

Непонимание того, что в условиях рыночной экономики, если не развивается бизнес, если в бюджет не поступают налоговые платежи от предпринимательской деятельности, государство не может создать

новые рабочие места, банально, из-за отсутствия финансовых средств. Инвестиционный климат в республике пока недостаточно привлекателен для иностранных предпринимателей. Материальная помощь из РФ большей частью направлена на развитие социальной сферы. Есть объекты, введенные в действие за счет средств российской помощи. Так, например, построен завод по переработке фруктов в Очамчирском районе, в г. Сухум начал функционировать завод по производству молочной продукции, построено овощехранилище и некоторые другие предприятия. Но этого, к сожалению, не достаточно. Иностранный бизнес, который получил небольшое развитие непосредственно в овощеводстве и производстве ягод, предпочитает наемных работников из числа мигрантов, а местное население оказывается незадействованным в этом процессе. Складывается парадоксальная ситуация, развитие бизнеса с иностранными инвестициями не решает проблемы безработицы. Для ее решения необходимо развивать отечественное предпринимательство. Вот почему вооружение сельского населения знаниями о рыночных отношениях означает помощь в адаптации к новым экономическим условиям, что позволит крестьянам свободно ориентироваться в рыночном пространстве.

Пока что рыночная безграмотность сельчан не позволяет им использовать такие инструменты рыночной экономики, как лизинг, операционный лизинг, франчайзинг и др. Она же не позволяет развивать процесс самозанятости крестьян, когда они самостоятельно при наличии земельных наделов могли бы задействовать себя в сельхозпроизводстве и обеспечить себе рабочие места.

В условиях конкуренции все большее значение приобретает агроменеджмент. Его неразвитость не позволяет проводить в отрасли современные преобразования. А они жизненно необходимы. При этом необходимо учитывать действие ряда экономических законов функционирования предприятий, в том числе сельскохозяйственных как организационно-производственных систем, таких как «закон пропорциональности», отражающий необходимость соблюдения определенных пропорций между частями единого целого; «закон онтогенеза», определяющий, что каждая социально-производственная система проходит в своем развитии все фазы жизненного цикла от рождения к становлению, расцвету, угасанию; «закон синергии», согласно которому для любой организации существует такой набор составляющих элементов, при котором ее потенциал будет существенно больше простой их суммы, «закон информированности и упорядоченности», «закон единства синтеза и анализа», а также «закон самосохранения», в силу которого любая материальная система стремится сохранить себя, используя для этого весь имеющийся потенциал (Семенов 2012; Узунов)

Устойчивое и эффективное развитие сельского хозяйства немыслимо без использования механизмов реализации этих законов организации

производства, без способности и умения товаропроизводителей грамотно войти в рыночную среду.

Мощным фактором и важным условием развития современного общества является его информатизация, которая все более приобретает доминирующее значение. Лидирующие позиции любой организации определяются, в первую очередь, ее возможностями доступа к информации и использованию ее в управленческих целях. Отсутствие рыночной информации, рыночный вакуум, в котором находятся сельские жители, не способствуют развитию сельскохозяйственной отрасли.

Возвращаясь к вопросу безработицы на селе, необходимо отметить наличие статистической погрешности. По официальным данным, как известно, на селе проживает около 60 тыс. человек трудоспособного возраста (половина трудоспособного населения республики), из которых менее 1% обеспечены работой, остальные причислены к категории безработных (Абхазия в цифрах 2017). Учитывая, что безработным считается лицо, не имеющее источника дохода и состоящее на учете в службе занятости по поводу поиска рабочего места, считать жителя села, обладающего хотя бы небольшим земельным участком – главным средством сельхозпроизводства и способного производить сельхозпродукцию как для нужд семьи, так и для реализации на рынке, трудно назвать безработным в том смысле, который вкладывается в это понятие.

Другой вопрос, сколько продукции он производит и сколько мог бы производить в более благоприятных экономических условиях. И это уже прерогатива государства – создание такого режима, который будет максимально благоприятен для сельхозпроизводителя. В этом отношении колоссальную роль может сыграть информационная и консультационная помощь сельчанам со стороны соответствующих структур, направленная на повышение уровня их рыночной грамотности.

Многие жители села, фактически занимающиеся предпринимательством, считают себя безработными, поскольку не состоят на службе в государственных структурах. Так на протяжении многих лет, вследствие опроса студентов заочного отделения агроинженерного факультета АГУ на предмет рода их деятельности, выяснилось, что они причисляют себя к категории безработных, хотя в действительности являются сельхозпроизводителями. Отсутствие рыночных знаний не позволяет им определиться со статусом предпринимателя (физического или юридического лица).

К примеру, студент-заочник 5 курса специальности «Агрономия», житель Гудаутского района, на вопрос о занятости смущенно ответил, что он безработный. В процессе диалога выясняется, что он занимается пчеловодством, производит в сезон более 15 тонн меда, входит в Ассоциацию пчеловодов Абхазии, планирует расширение объема производства. Помимо этого выращивает цитрусовые, овощи для реализации.

Таких «безработных» на селе много. Конечно, много и таких, которые не нашли себя, не смогли адаптироваться в новых реалиях. Ситуация в абхазских селах сегодня очень не простая. Сельчанам необходимо оказать помощь не только в определении своего статуса, но и в реализации самозанятости, тогда статистика безработных на селе в несколько раз сократится. А сделать это, не используя рыночную идеологию, нельзя. Необходимо, чтобы общество в целом и управленческий аппарат уяснили наконец суть рыночных отношений и постарались донести их до населения. В противном случае у нас надолго сохранится ситуация, когда, по словам известного сатирика М.М. Жванецкого, рынка нет, есть базарные отношения. И чтобы эти базарные отношения трансформировались в цивилизованный рынок, необходимо вооружаться знаниями о действии рыночных механизмов, о их преимуществах и недостатках.

Вспомним определение понятия «экономика». В переводе с греческого оно означает искусство ведения домашнего хозяйства. Нам нужно овладеть этим искусством в условиях рынка. Народ должен понять, что в условиях рыночной экономики нет принципа справедливого распределения. Рынок не терпит дилетантов. Ему нужны инициативные, амбициозные, рискованные, грамотные и трудолюбивые участники.

Как бы ни хороши были реформы, сами по себе они мало что могут изменить. Никакими нормативными актами, никакими правовыми механизмами нельзя навести порядок, снизить уровень коррупции, криминала, наркомании. Реформирование только через призму развивающейся экономики способно принести ожидаемые плоды. С развитием экономики и общество станет здоровее в прямом и переносном смысле. Эти истины многократно озвучивались. В обществе есть понимание необходимости перемен, но, видимо, не в достаточной мере, не хватает знаний, а отсюда неуверенность, пассивность.

Истоки критической ситуации, сложившейся на нынешнем этапе экономического развития республики, не столько в отсутствии материальных ресурсов, инвестиций, финансовой помощи со стороны, сколько в духовной неподготовленности населения.

Решение стратегических задач социально-экономической трансформации страны на пути реализации преобразований, во многом зависит от духовного подъема народа, от его амбициозности, от энтузиазма. Важным средством такого подъема духовной энергии и является рыночная идеология, отвечающая национальным интересам государства.

Рыночная идеология как система духовных ценностей (политических, правовых, нравственных, эстетических, философских и т. д.), стимулирует формирование рыночных отношений в хозяйственной деятельности (Якунин, Багдасарян, Сулакшин 2008). Только на основе рыночной идеологии возможна сознательная, целеустремленная деятельность общества на пути осуществления рыночных реформ.

За последние годы разработаны два больших программных документа: «Стратегия социально-экономического развития Абхазии до 2025 года» и «25 шагов по развитию экономики Абхазии до 2025 года». Не умаляя значимость ни одной из этих программ, отметим лишь, что реализация положений любой из них невозможна без активизации всего общества, без расширения его рыночного мировоззрения, без повышения рыночной грамотности. Не вооружив общество рыночной идеологией, отвечающей национальной идее, принятие никаких стратегий и программ не позволит далеко продвинуться. Необходимо формирование института рыночной идеологии в экономике, поскольку именно идеология может служить объединяющей и цементирующей основой общества, именно она способна сформировать общую стратегию развития с возможностью вырабатывать принципы поведения хозяйствующих субъектов.

Институт рыночной идеологии должен был сформирован в начале пути к рыночным отношениям. Но тот период для республики был слишком не простым. Сначала распад Союза, затем Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг., жесточайшая блокада и под конец рыночная экономика, о сути которой никто не имел представления. Но надо было выживать.

К сожалению, как известно, был допущен ряд ошибок, последствия которых ощущаются в настоящее время. Прежде всего не была проведена национализация имеющихся ресурсов с последующей их инвентаризацией. Это привело к явлению прозванным народом «прихватизацией» и резкому расслоению общества. А главное, людям никто не пояснил, как жить в новых экономических условиях, в условиях рыночной экономики. Старый режим был разрушен, а как строить новый было не понятно.

Необходимость формирования рыночной идеологии не реализована до сих пор, и это еще одна ошибка, которая мешает движению вперед. Особенно остро это ощущается на селе, а ведь там проживает почти половина населения страны. Неподготовленные к рыночным отношениям сельские жители находятся в растерянном состоянии. Отсюда непонимание, обиды, неприятие любых решений правительства, даже если они верные с позиции рынка. Этому способствует и то, что среди чиновников, призванных помочь населению в адаптации к деятельности в рыночной среде, много таких, которые и сами не готовы пока работать по-новому, сами не осознали необходимость и неотвратимость перемен.

Силами одного Министерства экономики, каким бы прогрессивным оно ни было, не решить все проблемы. И другие ведомства должны прийти к пониманию современных требований, стоящих перед обществом, не ждать указаний и помощи сверху, а проявлять большую инициативность и амбициозность. В первую очередь это касается Министерства сельского хозяйства РА. Именно оно должно способствовать вооружению сельских жителей рыночной культурой, помогать сельчанам в овладении предпринимательской грамотностью, создании пред-

принимательского климата на селе с дальнейшей возможностью формирования структур агробизнеса. Однако похоже, что в Минсельхозе сами пока не понимают сути рыночных преобразований, не чувствуют своей ответственности за их претворение на селе. Они так и живут по законам старого режима, когда выполнять нужно только то, что прикажут вышестоящие органы. Остается впечатление, что они не готовы менять свое мировоззрение, активизировать свою деятельность и деятельность всей сельскохозяйственной отрасли, главным органом власти которой они являются, не понимают, что успех отрасли во многом зависит от работы министерства. От того, насколько оно будет действовать инициативно, творчески, по-деловому, насколько само овладеет рыночным мировоззрением и будет продвигать его на селе, зависит развитие одной из важнейших отраслей национальной экономики страны, призванной обеспечить ее продовольственную и экономическую безопасность.

Конечно, нельзя утверждать, что совсем ничего не делается для развития сельскохозяйственной отрасли. Есть определенные успехи. Но этого недостаточно, это далеко от имеющихся возможностей. И время неумолимо требует перемен.

К счастью, есть в республике люди, которые самостоятельно, методом проб и ошибок довольно успешно развивают в сельской местности предпринимательскую деятельность в разных ее формах и направлениях. Есть в селах очень успешно функционирующие фермерские хозяйства, занимающиеся производством как продукции растениеводства, так и продукции животноводства. Их продукция пользуется спросом не только на внутреннем рынке, но известна и за пределами республики. Есть хозяйства, которые наладили агробизнес, осуществляя как производство сельхозпродукции, так и ее переработку. Некоторые предприниматели, занимаясь производством сельхозпродукции, сами получают материальную выгоду, при этом содействуют укреплению имиджа республики, росту привлекательности индустрии туризма. Так, предприниматели в Гудаутском районе ежегодно устраивают праздник молодого вина, на котором не только продают свою продукцию гостям, но и популяризуют винодельческую продукцию республики. В веселой и непринужденной форме представляют нашу страну с самых лучших сторон, оставляя у туристов желание приехать в Абхазию еще. В Очамчирском районе есть примеры развития агротуризма, в частности, в цитрусоводстве. Успешно ведет свой бизнес предприниматель, выбравший направление гастротуризма. Из выращенной на своем участке продукции он готовит абхазские национальные блюда для туристов. Дегустация проходит под рассказы как о приготовлении самих яств, так и о традициях абхазского народа, о его культуре. На имеющейся здесь же сцене силами местной молодежи представляются абхазские национальные песни и танцы. Гости не только наслаждаются вкусом экзотической для них пищи, но и получают мас-

су приятных впечатлений и много интересной информации об Абхазии. Когда бизнес построен грамотно, творчески, отвечает спросу потребителя, успех ему гарантирован. Надо постараться дать селу возможность развиваться в полной мере, не забывая о старой истине: «Здоровое село – здоровая нация».

Литература

Абхазия в цифрах 2017: Абхазия в цифрах за 2016 год. Статический сборник // Управление госстатистики РА. Сухум, 2017.

Семенов 2012: Семенов А.К. Основы рыночной идеологии: Учебник. М., 2012. 300 с.

Узунов: Узунов В.И. Предпринимательская экономика и идеология. Электронный ресурс. Дата доступа: www.uchebilka.ru/ekonomika

Якунин, Багдасарян, Сулакшин 2008: Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. М., 2008. 288 с.

М.Е. Богославская, К.Т. Чыкэбар

АҚЫҒАҒЫ АХЭААХЭТРАТЭ ИДЕОЛОГИА «АҒАМЗААРА»

Аннотация. *Ахэаахэтратэ идеология – ари ахэынтқаррағы аихьзара амань, итғышэынтэаланы аэкономика ағиаразы зда ңсихэа ыкам атағылазаашьақэа иреуоуп. Иара ағамзаара иееимкэа анырра аналит ауаажэларратэ ғиара, иаңырхагоуп рационалла ихатэааны икоу аэкономикатэ потенциал ахархэара. Астатиағы иазаатғылоуп ахэаахэтратэ идеология Аңсны ақытқаға рғы ашьақэдыргылар азыаара.*

Ихадароу ажэакэа: *ахэаахэтратэ идеология, ахэаахэтратэ идеология аинститут, ақытатэ наплакы.*

М.Е. Bogoslavskaya, K.T. Chukbar

“DEFICIENCY” OF MARKET IDEOLOGY IN THE VILLAGE

Annotation. *Market ideology is a necessary condition for successful and sustainable development of the country's economy. Its absence negatively affects social development, does not allow to use the existing economic potential rationally and fully. The article highlights the need to form a market ideology in the villages of Abkhazia.*

Key words: *market ideology, market environment, market ideology institute, rural entrepreneurship.*

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

К.Ф. Дзидзария

**ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД У АБХАЗЦЕВ:
ПОХОРОНЫ МУЖЧИНЫ**

(Публикация З.Д. Джапуа)

В начале XX века видный деятель народного просвещения и искусства Абхазии Кондрат Федорович Дзидзария (1891–1944) активно работал в составе Бзыбского комитета Общества распространения просвещения среди абхазцев, открытого в селе Лыхны Гудаутского района Абхазии 4 января 1913 года. Бзыбским комитетом руководил С.М. Ашхацава, который поддерживал тесные связи с академиком Н.Я. Марром, руководствовался его теоретическими и методическими рекомендациями. Академик оказывал неоценимую помощь в организации работы по собиранию текстов, а собиратели отправляли ему в Санкт-Петербург записанные ими материалы. Часть коллекций Бзыбского комитета сохранилась в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

В их числе оказалась публикуемая статья, обнаруженная мною во время работы в фонде Н.Я. Марра в июне 2007 года (Фонд № 800, опись № 6, дело № 177, л. 1–3). Статья описательного характера (возможно, что она подготовлена по просьбе того же Н.Я. Марра), содержит весьма интересные подробности похоронных и поминальных обычаев абхазов. Насколько мне известно, работа ранее не публиковалась. Она основана на личных наблюдениях и полевых материалах автора. Текст статьи воспроизводится без изменений, за исключением минимальных поправок орфографического и пунктуационного характера.

Покойника хоронят на третий день, а иногда знатных людей хоронят после шести-семи дней. После смерти немедленно собираются родные на совещание, на котором разрешается вопрос, когда хоронить и кого из родственников оповестить о смерти. Для оповещения родственников посылаются гонцы (апшәацхәацәа), которые верхом разъезжаются по разным селам и дают знать всем кровным и некровным родственникам и знакомым.

Независимо от расстояния и погоды все родственники собираются на оплакивание и остаются до конца похорон. Всегда, когда группа оплакивающих состоит из обоего пола, женщины с криком и царапаньем щек идут первыми, навстречу царапающим и рвущим на себе волосы

женщинам выходят другие женщины со двора или из дому (домашние или соседки большей частью), держат за руки, чтобы особенно не убивались.

Мужчины в это время подходят к столу, специально поставленному во дворе на расстоянии 15 сажений от дома, в котором лежит покойник, снимают головной убор и огнестрельное оружие и кладут на стол, затем обеими руками бьют по лбу или груди, напевая грустный мотив, направляются в помещение, где лежит покойник. Вокруг покойника всегда сидят женщины, которые с появлением новых оплакивающих сами начинают оплакивать.

На второй день после смерти, когда уже больше половины родственников соберется для предания, по-моему, больше торжественности: выводят любимого коня покойника, покрывают с ног до головы траурной материей (обыкновенно черный сатин или темно-синий); седлают лошадь и вешают на седло все доспехи, а именно – шашку, кинжал и револьвер с поясом. После полудня близкие родственники и родственницы все в трауре с опущенными волосами и босые собираются посреди двора для исполнения обряда «Аоухэара». Все становятся кругом, мужчины в одну сторону, а женщины по другую сторону. В это время в круг вводят лошадь в трауре, и вот начинается обрядное печальное пение. Лошадь водит по кругу один из самых близких родственников. Поется поочередно, начинают [женщины], им отвечают мужчины и т. д. Содержание, т. е. смысл и значение мне неизвестны. Знаю только, что это делается для торжественности похорон. Обыкновенно этот обряд делался только у знатных людей – дворян, князей и примыкающих к ним крестьян, а теперь после революции получил широкое применение.

На третий день перед выносом тела то же самое делается при огромном стечении людей – а затем с выносом тела и лошадь водят до могилы обычно с обрядным пением «Аоу». Тут уж это исполняют одни женщины.

В годовщину или раньше устраиваются поминки по покойнику. Оповещаются об этом все родственники, которые приходят с подарками. Кто дарит деньгами, кто животного приводит, чтобы зарезали на угощение приглашаемых людей. В день поминок перед угощением устраивается тот же обряд с лошадью, о котором выше говорилось, с той разницей, что теперь по окончании обряда женщины с плачем направляются в комнату, где лежит образ или чучело покойного, составленное из одежды, обуви и головного убора, а мужчины тоже плачут, но остаются во дворе(?).

После всего этого начинаются угощения. Сначала угощают женщин, а затем мужчин. Во время еды поют любимые песни покойника, веселых песен не поют. В конце стола молодые наездники устраивают обыкновенные джигитовки, а затем начинается серьезная часть джигитовки,

закрывающаяся в следующем: все наездники группируются, вместе подъезжают к дому, где лежит образ (чучело) покойника и поют песню «Азар» – специальная грустная песня для таких случаев.

Во время пения выносятся какая-нибудь вещь, принадлежавшая покойнику и дается кому-нибудь из наездников. Вещи, могущие быть разыгранными: чусты покойника, ноговицы, башлык, пояса, кисет шелковый и другие домашние принадлежности – полотенце, салфетки, платок и т. д. Все эти вещи даются по одиночке по очереди каждый раз отдельно наездникам. Наездник, который получил вещь, становится впереди. Остальные сопровождают и с пением направляются к могиле, и после обхода могилы наездник, получивший вещь, пускается вскачь, а остальные гонятся за ним, чтобы отнять вещь. Если, кто-нибудь поймает, то получает вещь, если же нет, то вещь достается первому. Таким порядком разыгрываются все вещи.

В конце всего этого на лошадь покойного, которая в трауре стоит целый день, садится хороший наездник, а остальные наездники во него [следом за ним], и подъезжают к дому, поют несколько раз. Затем направляются к могиле, становятся вокруг могилы, поют, а затем начинаются гонки за первым наездником. Догоняющие рвут материю на клочки и берут себе, а наездник защищается. Большею частью бывает, что ловкий наездник никого не подпускает и материя остается нетронутой и достается наезднику. После этого еще продолжают обычные джигитовки, а затем с темнотою расходятся.

Материя, которой покрывают лошадь, называется «Атарчеи». Кроме того, заготавливаются флажки маленькие и раздаются наездникам и устраивают гонки. Эти флажки тоже называют «Атарчеи», а потому описанная джигитовка называется «Тарчеи-сыхэмарра» («Атарчеи-хэмарра»).

В старину, как я слышал от глубоких стариков, бывало, что по последней воле покойника любимого коня после джигитовок на поминках убивали у могилы, но этого теперь не наблюдается, хотя бывают случаи, но это очень редко, и причины совершенно не связаны с обычаем бывшим.

Сухум, 18 августа 1924 г.

В подготовке рукописи к публикации принимали участие Н.С. Барциц и С.О. Хаджим

РЕЦЕНЗИИ

Л.Р. Хагба

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НОВОЕ СЛОВО О ВЕЛИКОМ ФАЗИЛЕ ИСКАНДЕРЕ

В этом году в Нальчике вышла монография «Русскоязычные художественные произведения Фазиля Искандера как новый тип творчества». Ее автором является наша соотечественница Зинаида Махазовна Габуниа – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, академик Адыгской международной Академии наук и Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, член Кавказского лингвистического общества, почетный член Академии наук Абхазии, кавалер ордена «Ахьдз-Апша» третьей степени.

Известный специалист по истории кавказского языкознания, общего, сравнительно-исторического языкознания, социолингвистике, лингвокультурологии и лингвистике текста Зинаида Махазовна Габуниа близко знала знаменитого писателя и уже более десяти лет занимается исследованием его художественных текстов в лингвокультурологическом аспекте. До выхода этой книги ею были опубликованы 24 статьи по этой теме.

Научный труд состоит из предисловия, трех частей, приложений и библиографии.

В первой части под названием «Русскоязычный художественный текст как новый тип художественного творчества» рассматриваются следующие проблемы: 1. Русскоязычный художественный текст как посредник двух языков и двух культур; 2. Текст – подтекст – автор; 3. Художественный текст – культура – автор. 4. Художественный текст – менталитет – автор.

Ставший в XX веке языком межнационального общения для многих народов России – русский язык со временем стал и важным средством выражения многонациональной культуры. А язык – как универсальная форма концептуализации мира – тесно связан с культурой, он прорастает в нее, выражает ее и развивается в ней.

При нынешних активно протекающих процессах глобализации возрастает интерес к проблеме взаимоотношения языка и культуры народа, что привело к формированию новой отрасли языкознания – лингвокультурологии.

В сознании билингов, к которым относится и Фазиль Искандер, между родным и вторым языками складываются специфические взаи-

модействия, свидетельствующие о доминирующей роли второго – русского языка. Внутреннее состояние автора другой этнокультуры обнаруживается в структуре его произведений, раскрывается в их философском содержании, в форме изложения текста.

Как отмечает автор З.М. Габуня, «писателям – билингвам удалось заставить работать русский язык на изображение национального, создать яркие, запоминающиеся картины кавказской жизни, кавказского пространства и концептуализации этого пространства». В науке установлено, что национальный характер обладает колоссальной устойчивостью, как бы иммунитетом к внешним воздействиям, к историческим потрясениям, даже к самым болезненным социально-экономическим условиям. Но все же, несмотря на определенную консервативность национального характера, время берет свое. Меняются народы, национальные характеры, хотя при этом остается неизменным их ядро – стереотипы, сформированные в ходе этнокультурной социализации, и они необычайно устойчивы. «Речь – это ядро национального характера, в художественном билингвизме – это следствие национального склада мышления».

Как языковед, как носитель абхазского языка, тщательно изучившая тексты Ф.А. Искандера, З.М. Габуня не могла не заметить тот факт, что в их создании большую роль сыграли особенности типологии языкового мышления писателя, истоки их зарождения и лингвистическая специфика эргативного и номинативного строя языков. Она пишет: «Особого внимания заслуживает глагольное управление в языках эргативного строя, куда относится абхазский язык, и зависимость падежей субъекта от семантического содержания глаголов... Падеж подлежащего зависит от заложенного в глаголе содержания. У Фазилы Искандера мыслительное зарождение текста происходит на родном абхазском языке, а план выражения – на русском, на номинативном строе языка».

Как известно из специальной литературы, в структуре национальной культуры вычленяются ценности, которые окружены, в свою очередь, принципами, а они реализуются в некоторых нормах и правилах. Ценности – это социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением, это то, что оценивается этническим коллективом как нечто такое, что является образцом для подражания и воспитания.

Многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная, понятийная стороны, и есть *культурный концепт*, который считается основной единицей лингвокультурологии и действует на уровне законов национальной ментальности.

Вторая часть монографии З.М. Габуня «Концептуализация мира в художественной системе Ф. Искандера» посвящена ключевым концептам в его текстах, а именно: «Бог – Дух – Энергия», «Человек – Жизнь – Смерть», «Мудрость – Ум – Память», «Дом – Семья – Род», «Страх – Свобода – Истина», «Государство – Политика – Власть».

Завершается эта часть работы параграфом под названием «Концепт “совесть” как объединяющая мировоззренческая основа человечества».

«В произведениях писателя – мусульманина по вероисповеданию, – пишет З.М. Габуниа, – присутствует восточная непроницаемость, и, как для любого восточного человека, самыми крепкими узами являются узы родства, а главной ценностью – мудрость. Но ему ближе христианство. Он поощряет созерцательность, его работы пронизаны добротой. Таким образом, в его творчестве сосуществуют Восток и Запад, уравновешивая и дополняя друг друга».

Монография изобилует пространным иллюстративным материалом из произведений Ф.А. Искандера. Пытливый исследователь прецедентных текстов, а они, как установлено в лингвистической литературе – общее достояние нации, элементы «национальной памяти», З.М. Габуниа удачно подбирает репрезентирующий каждый из выделенных его концептов фактологический материал.

«Весь мир Искандера – это мир природы, жизни, мысли, что приводит к Богу. И чем чище человек, тем ближе к Творцу, к совершенству», – заключает автор, рассмотрев триаду «Бог – Дух – Энергия».

Проблема человека в лингвистике приобрела повышенный интерес. Считается, что в языке невозможно проанализировать ни один концепт, который бы не относился к понятию «человек». Каков же человек в понимании Ф.А. Искандера? Исследованные цитаты из текстов великого мастера слова позволили ученому выделить несколько прилагательных, характеризующих необходимые черты, которыми должен обладать человек, чтоб именоваться человеком: щедрый, добрый, обаятельный, доверчивый, открытый миру, людям. «По Искандеру, человек должен отвечать за свою жизнь перед Богом и совестью», – читаем у автора.

В «Стоянке человека» звучит мысль о том, что «настоящая ответственность бывает только личной. Человек краснеет один».

Изученные автором монографии тексты произведений писателя позволили сделать вывод о том, что каждое из них – это призыв к бережному отношению к Жизни, этому Божьему дару.

Главным злом в ней, одним из величайших грехов признает писатель предательство. Вникнем в суть строки из произведения «Кролики и удавы»: «Душа, свершившая предательство, всякую неожиданность воспринимает как начало возмездия...». Тут на ум приходит выписанный мной в молодости из одной книги совет: «Не держи зла на предателя. Наказание неизбежно».

В творчестве Ф.А. Искандера ярко продемонстрирована связь жизни с мудростью – одним из фундаментальных концептов языковой картины мира этноса. «Ум может разрушать, мудрость – никогда». Ф.А. Искандер проводит четкую грань между этими двумя понятиями.

«Такие понятия, как доброта, нравственность, мудрость, по Искандеру, в жизни человека играют огромную роль, и намного более важную, чем ум», – отмечает З.М. Габуния.

В третьей части данной монографии рассматривается «Образная номинация русскоязычного художественного текста». По компетентному мнению автора, «национально-культурные стандарты общения стереотипны, оценочны, чрезвычайно устойчивы, многие из них действуют почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечатки культуры».

Размышляя над особенностями индивидуального стиля Ф.А. Искандера, З.М. Габуния пишет: «Творческое мышление Фазиля Искандера, находясь в билингвистической атмосфере, выполняет две взаимосвязанные функции: во-первых, он как бы переосмысливает факты и явления, чтобы их описание удовлетворяло восприятие русского адресата. Это происходит благодаря уникальному индивидуальному стилю, где сохраняются результаты воздействия закономерностей родного языка, стилистических конструкций, словом, всего его мира в целом». Это явление З.М. Габуния именует «художественным мыслительным двуязычием».

Нельзя не согласиться с исследователем в том, что «интеграция национальных культур ведет не к утрате самобытности, а к обогащению, совершенствованию и росту литератур, раскрытию их потенциальных возможностей и развитию литературного творчества».

От себя добавлю: тому свидетельство творческий опыт Ф.А. Искандера – создателя своей собственной литературной страны.

Нынешнее и будущие поколения абхазов будут свято чтить память о великом, мудром соотечественнике, благодаря которому, говоря словами Зинаиды Махазовны, «Абхазия с ее маленьким Чегемом всегда будет интересна и нравственно востребована мировым сообществом».

Завершая свой небольшой экскурс в фундаментальное исследование академика Зинаиды Махазовны Габуния, позволю себе сказать вот о чем: на одной из страниц ее книги читатель найдет такую мысль: «Основа национального мира в произведениях Ф. Искандера – это “дедушкин дом” и понятие – концепт “род”... “Род” – это магический защитный круг, символ, универсальный код Родины, главный корень, очаг, исток, проводник, кредит судьбы, историческая жизнь, вера в будущее, наконец, вдохновитель автора».

Магический вдохновитель для самой нашей знаменитой соотечественницы Зинаиды Габуния – ее Родина Апсны, родное село Звандрипш и тепло очага дедушкиного дома.

Сказано новое слово о великом писателе. Автор исследования, вне всякого сомнения, заслуживает премии имени Фазиля Искандера. Желаю ей долгих лет жизни, достижения очередных творческих успехов.

**РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ
Г.Д. ГУМБА. НАХИ: ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИСТОРИИ (I ТЫС. ДО Н.Э.)**

В последнее время появилась концепция в виде большой монографии Г.Д. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)» (Сухум: Абгосиздат, 2016. 544 с.). Научный редактор этой книги, известный абхазский историк XIX–XX веков Т.А. Ачугба, не является специалистом по данной проблематике. На нее появились на Северном Кавказе не только положительные рецензии. Хвалебная рецензия двух докторов наук была опубликована в «Вестнике» Академии наук Абхазии (№ 7, 2017, с. 176–183), причем один из авторов – в основном историк XVI–XIX вв., другой – философ, оба – не специалисты по I тыс. до н.э. Об этой рецензии я, как член редколлегии «Вестника», ничего не знал.

1. Между тем данная концепция построена в основном на пассаже из «Картлис цховреба» Леонти Мровели, грузинского епископа XI в., который странным образом умалчивает о происхождении древних абхазов, а затем и об их царстве в VIII–XI вв. В данном случае нет необходимости приводить сам текст. Важно лишь отметить, что в его содержании, несомненно, лежит фольклорно-эпическое сказание о происхождении народов Кавказа, в том числе нахов, которое он соединил с картвельской этногенетической легендой, созданной под влиянием библейской генеалогии и преданий, почерпнутыми из иранского эпоса. Историко-эпическим фоном сказания служит эпоха хазарского преобладания на Кавказе в VIII–IX вв., а это также время становления и начала расцвета Абхазского царства, куда позже вошло, как известно, и Картли (правительницей Картли была абхазка Гурандухт, мать абхазского царя Баграта III(II)), о чем ничего не сказано. Между тем Леонти Мровели свидетельствует следующее: «Все были в Картли, где говорили на шести языках: армянском, грузинском, хазарском, сирийском, еврейском и греческом, которыми пользовались все грузины, мужчины и женщины». Так складывалось, по Л. Мровели, в Картли многоязычие, отражающее многосторонние политические и культурные связи страны, а этим автор, более чем патриот, явно гордится. Не случаен здесь и перечень языков, которые звучали в Картли. Между тем непонятно, куда же делись тогда абхазы со своим царством в VIII–XI вв. Неужели они в это время перевелись, или еще «не спустились с гор в XVII в.»? Именно поэтому небезызвестный П. Ингорквва во главу угла своей пресловутой гипотезы в отношении отрицания автохтонности абхазов поставил

Леонти Мровели, который для Г. Гумба сделался объективным грузинским историком XI в. Поэтому некорректно брать за основу подобное народное творчество Леонти Мровели XI в. и использовать его как один из главных письменных источников для реконструкции этнокультурной картины народов Кавказа (в том числе нахов) в I тыс. до н.э. Такая хронологическая амплитуда почти в 2000 лет для ретроспективного метода исследования, при наличии более ранней и хорошо известной «Армянской географии» VII в. («Ашхарацуйц»), где четко указана граница между древними абхазами и эграми, в данном конкретном случае смотрится, мягко говоря, сомнительно, т. е. абхазы в VII в. еще были там, где они есть сейчас.

2. В работе также, со ссылкой на «Географию» Клавдия Птолемея (II в.), несмотря на противоречивость его свода, составленного, как известно, из разновременных сведений, скомпонованных в кабинетной обстановке, граница Азиатской Сарматии произвольно переносится автором монографии с отрогов Северного Кавказа в Закавказье (в том числе Абхазию), таким образом, немалая часть территории абхазов одним только невинным росчерком пера переходит к нахам (см. карту Азиатской Сарматии, созданную Г. Гумба по Птолемею, с. 532). Между тем у Птолемея вообще отсутствуют упоминания о Себастополесе, Питиунте, Апсаре, апсилах и абасгах, на месте которых в границах не Колхиды, а Азиатской Сарматии помещены свано-колхи, т. е. реалии, не находящие никаких соответствий в Абхазии у Флавия Арриана и Плиния Старшего. Напрашивается вывод, что и «География» К. Птолемея не может быть с достаточным основанием использована для реконструкции подлинной исторической ситуации, не только у абхазов, но и у нахов во II–IV вв. н.э., не говоря уже о I тыс. до н.э.

3. Венцом данной монографии является придуманное Г. Гумба государство для нахов, Нахаматия (естественно, с нахо-кобанскими городами, которые на самом деле были элементарными городищами или просто крепостями), противостоящее в VI в. до н.э. Персидской державе. Этого нет ни в одном письменном источнике, и не подтверждается археологическими изысканиями.

Словом, писать этнокультурную историю даже научным языком с использованием большого количества письменных и вещественных источников, специальной литературы – это не простая прогулка к достижению истины.

Конечно, данная концепция смотрится привлекательной для нахов, но и она нуждается в корректировке некоторых ее историко-культурных звеньев.

ЮБИЛЕИ

З.Д. Джапуа

**ВКЛАД Е.М. МЕЛЕТИНСКОГО В КАВКАЗСКОЕ
ЭПОСОВЕДЕНИЕ
(К 100-летию со дня рождения ученого)**

Сфера кавказоведческих интересов Елеазара Моисеевича Мелетинского (1918–2005) – фольклориста-теоретика, крупнейшего мирового авторитета – охватывала архаические пласты эпических традиций ряда народов Кавказа, получивших серьезное теоретическое осмысление в изысканиях ученого. В одних работах кавказские эпосы предстают как непосредственный предмет исследования (Мелетинский 1956; 1957а; 1957б; 1957в; 1963 (2004): 156–247), а в других – как сравнительный материал (Мелетинский 1958; 1960; 1968: 212 и др.; 1976: 273; 1986: 62–78; 2000: 55–61).

Известно, что в круг основных направлений исследований Е.М. Мелетинского входило изучение происхождения и ранних форм эпоса – от мифа и героической сказки к эпосу. По словам его учеников С.Ю. Неклюдова и Е.С. Новик, главенствующее место он всегда отводил такому явлению, как «движение повествовательных традиций во времени и их генезис» (Неклюдов, Новик 1993: 8).

Перелистывая страницы капитальных исследований Е.М. Мелетинского, убеждаешься, как много содержащихся в них суждений основывается на анализе мифоэпических культур народов Кавказа. Кавказский нартский эпос и древнейшие фрагменты армянского и грузинского эпоса (наравне с некоторыми африканскими эпосами – о Линажа, Нсонго, Фаране, карело-финскими рунами, богатырскими поэмами тюрко-монгольских народов Сибири, шумеро-аккадским эпосом «Гильгамешем», скандинавским эпосом «Эддой» и в определенной мере ирландским эпосом) Е.М. Мелетинский выделял «в особую группу и особую “раннюю ступень” в истории эпоса» (Мелетинский 1968: 338).

Е.М. Мелетинский, наряду с В.И. Абаевым, Ж. Дюмезилем, Ш.Д. Инал-ипа и другими представителями старшей когорты ученых, явился инициатором углубленных, фундаментальных разысканий по нартскому эпосу. Он первым из ученых раскрывает семантику ряда образов, сюжетов и мотивов нартского эпоса и других кавказских сказаний в контексте колоссального по объему сравнительного материала по мифологии и фольклору народов мира. Между тем Е.М. Мелетинский справедливо отмечал, что в период его плодотворного занятия нартским эпосом

(50–60 гг. XX в.) полевых и исследовательских материалов было недостаточно: «В настоящее время из-за недостатка академически точных публикаций эпоса и отсутствия исследований по сличению вариантов можно делать только предварительные выводы о взаимоотношении национальных вариантов нартского эпоса и строить лишь более или менее достоверные гипотезы о времени и месте происхождения его первоначального ядра» (Мелетинский 1957б: 257).

В особенности это относится к абхазской версии нартского эпоса, с содержанием которой ученый был знаком в основном лишь по рукописным записям Ш.Д. Инал-ипа (см. Мелетинский 1957а: 74), и потому, видимо, Е.М. Мелетинский в первых работах не очень четко выделял абхазские нартские сказания в отдельную версию эпоса. Тем не менее на основе этих записей и, возможно, некоторых других данных ученый, весьма тонко заметив особую архаичность абхазского нартского эпоса, писал, что «очень архаичные абхазские варианты помогают реконструировать первоначальный облик цикла Сосрыко» (Мелетинский 1957б: 258).

В Сборнике материалов Совещания, посвященного изучению нартского эпоса, состоявшегося в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в 1956 году, Елеазар Моисеевич опубликовал весьма обстоятельную работу¹, к которой приложил составленный им первый «Примерный указатель сюжетов нартского эпоса (по русским источникам)». В указателе (хотя и основан он на ограниченном количестве материалов, переведенных в ту пору на русский язык) эпические тексты сгруппированы теоретически совершенно правильно – по циклам сказаний о героях, а внутри каждого цикла – по сюжетам. В этом исследовании и в другой его редакции того же года (Мелетинский 1957б) Е.М. Мелетинский впервые столь основательно и аргументированно определил место нартских сказаний в истории эпоса как типичного героического эпоса, сохранившего «весьма архаические черты мифологической фантастики» (Мелетинский 1957а: 41). «Особенности нартского эпоса в значительной степени определяются его догосударственным характером. Отсюда его резкое отличие от славянского (русского, сербского) эпоса. Более древние части нартского эпоса типологически сходны с рунами “Калевалы”, с песнями “Старшей Эдды”, с вавилонским “Тильгамешем”, а более новые – с монгольским, якутским, ирландским, греческим эпосом» (Мелетинский 1957б: 258).

Приведенная цитата чрезвычайно характерна и с точки зрения широчайших масштабов и глубины эпосоведческого мышления ученого. На основе тщательного анализа доступных ему в то время материалов нартского эпоса и в их сопоставлении с мифоэпическими традициями других народов он делает ценнейшие выводы по жанровой природе, образам, сюжетам и мотивам нартского эпоса. Приведу некоторые из их числа.

¹Перед этим ученый опубликовал тезисы доклада на Совещании (Мелетинский 1956).

1. По мнению Е.М. Мелетинского, образ Сатаней в нартском эпосе «само по себе является чертой почти уникальной», нет посвященных ей отдельных сказаний, она всегда выступает в связи с другими персонажами (Мелетинский 1957а: 38, 43–44); наиболее архаические черты она обнаруживает в цикле сказаний о Сасрыкуа (Сосруко / Сослане), особенно в близких между собой абхазской и адыгской версиях; «она выступает в абхазских сказаниях как покровительница ткачества, и песни о том, как Сатана соблазнила своей красотой пастуха, исполняются наподобие “трудовых песен” при тканье и стрижке овец; нет сомнений, что в подобных сказаниях мы наблюдаем почти непосредственное отражение материнского рода и матриархата – явление исключительное в эпической поэзии; <...> в качестве великой матери великого героя <...> она выступает как своеобразная предшественница богинь – “великих матерей” вроде Иштары и Изиды» (Мелетинский 1957а: 44).

2. По интерпретации Е.М. Мелетинского, «нартский эпос в настоящее время известен в двух основных версиях – осетинской и абхазо-адыгской; абхазские, кабардинские и черкесские версии обнаруживают такую близость, что их можно объединить в одну группу; абхазо-адыгские версии в основных циклах обнаруживают большую архаичность; ядро абхазо-адыгского эпоса – сказание о Сосрыко; в осетинских версиях цикл Сосрыко также богат представлен, но Сосрыко оттеснен другими героями – Урузмагом и Батрадзом (в кабардинском эпосе эти герои более, чем в осетинском, периферийны)» (Мелетинский 1957а: 71); в более архаичном абхазском и адыгском нартском эпосе в цикле сказаний о Сасрыкуа «ярко отражены пережитки матриархата; <...> в осетинском фольклоре более полно представлена следующая ступень – сказания патриархального характера об Урузмаге и Батрадзе, сильны тенденции генеалогической циклизации и одновременно к идеализации уходящего в прошлое родового строя; <...> эпический цикл Сосрыко следует считать наиболее древним пластом нартского эпоса, первым этапом в его истории» (Мелетинский 1957а: 41, 45); в его образе «можно выделить весьма архаические черты “культурного героя” (похищающего огонь и другие элементы культуры у великана) и целый комплекс признаков, характерных как для сказаний о “культурных героях”, так и вообще для фольклора доклассового общества» (Мелетинский 1957а: 72); абхазо-адыгские варианты сказания о добывании огня «сохраняют древнейшую редакцию, в которой черты “культурного мифа” выступают с полной отчетливостью; осетинский фольклор дает нам двойное развитие <...> в сказании о Сослане <...> вместо “культурного героя”, похищающего огонь, находим “пастуха”, перекочевавшего со стадами в теплые края, охраняемые великанами, <...> в сказании о Сырдоне сохраняется момент вражды с нартами и сюжет похищения огня трактуется уже в комическом пародийном плане» (Мелетинский 1957а: 60).

3. Е.М. Мелетинский допускал, что «нартский эпос создавался предками современных народов Северного Кавказа, на территории Северного Кавказа, главным образом в период господства так называемого аланского союза племен» (Мелетинский 1957а: 71).

Эти и многие другие позиции Е.М. Мелетинского стали основополагающими при дальнейшем изучении нартского эпоса, за исключением мнения ученого о формировании эпоса в эпоху аланской военной демократии, которое исследователями нартского эпоса было воспринято как весьма спорное и малоубедительное. По мнению коллег Е.М. Мелетинского, при решении вопросов генезиса нартского эпоса необходимо учитывать (и это очень существенно!), что абхазо-адыгские нартские сказания и осетинские нартские сказания обладают разными центральными циклами: абхазо-адыгские – циклом сказаний о Сасрыкуа (Сосруко), а осетинские – циклом сказаний о Батрадзе. Истоки ведущего цикла нартского эпоса абхазов и адыгов (сказания о Сасрыкуа / Сосруко) хронологически значительно отделены от времени возникновения эпоса как жанра фольклора (см. Кумахов, Кумахова 1985: 99) и восходят к древним мифам предков абхазо-адыгских народов, к III–II тыс. до н. э. Ведущий цикл нартского эпоса осетин (сказания о Батрадзе) восходит к древним мифам предков осетин, к эпохе аланской военной демократии – в I тыс. до н. э. (см. Салакая 1963: 290–291; 1966: 64–66; 1976: 72–77; Кумахов, Кумахова 1985: 81–101; Аншба 1970: 16–18; 1982: 65–117; Инал-ипа 1969: 53–68). Безусловно, речь может идти только об относительной хронологии, поскольку письменные источники не найдены.

Впрочем, можно сказать, что здесь между Е.М. Мелетинским и его оппонентами по сути нет противоречий. Более того, в построении концепции о двух центральных циклах нартского эпоса последние во многом опирались на интерпретации циклов сказаний и о Сасрыкуа, и о Батрадзе, представленной именно Е.М. Мелетинским. Поэтому эта точка зрения о двух центральных циклах является в некотором смысле продолжением и уточнением суждения Е.М. Мелетинского о Сасрыкуа как об очень древнем образе, обладающем архаическими чертами «культурного героя», и о Батрадзе как об образе, воплощающем «новую, завершающую форму героико-эпической идеализации, <...> типичнейшего богатыря-воина» (Мелетинский 1957а: 64).

В 1957 году Е.М. Мелетинский опубликовал статью информационного характера, подробно освещающую ход и суть работы Соплеменничества по нартскому эпосу (Мелетинский 1957в). Ученый выступал с докладом и на второй Сухумской Всесоюзной научной конференции (1963 год), посвященной актуальным вопросам нартского эпоса. В этом докладе он «остановился на анализе изданий и исследований, вышедших со времени первой нартской конференции (Орджоникидзе 1956), показал состояние разработки вопросов о происхождении нартского эпоса и о его

этническом субстрате, подчеркнув, что их решение требует коллективных усилий всех нартоведов» (Алиева 1964: 171).

Идеи, содержащиеся в первом исследовании, Е.М. Мелетинский углублял, расширял и уточнял в последующих работах. Так, в 1963 году он издал фундаментальный классический труд «Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники» (второе издание осуществлено в 2004 году), который демонстрирует как блестящее знание мифологических культур народов почти всех континентов, так и смелость, и широту подходов к постановке и решению проблем.

Эта работа ученого, на мой взгляд, стала новым этапом в изучении архаических памятников и «настойной книгой» для каждого эпосоведа, в которой раскрываются первобытные истоки и иерархия развития эпической традиции на основе анализа карело-финских, кавказских, тюрко-монгольских, шумеро-аккадских эпических традиций, главные герои которых «имеют отчетливые черты культурных героев» (Мелетинский 1968: 338).

Вторая глава книги (объем 291 страница) посвящена древнейшим героическим сказаниям народов Кавказа – нартскому эпосу осетин, адыгов и абхазов, грузинскому эпосу об Амирани и древнейшим пластам армянского эпоса о неистовых сосунцах. Основная часть главы представляет собой весьма расширенный вариант первой статьи ученого о нартском эпосе – интерпретации и выводы почти те же, но в новой работе они изложены более основательно, аргументированно и убедительно, со ссылками на богатый сравнительный материал – как из отдаленных традиций, так и из внутрикавказских эпических сказаний.

Сначала Е.М. Мелетинский дает общую характеристику нартскому эпосу как тесно связанному «с традицией первобытного мифологического эпоса», главные носители которого «осетины (прямые потомки средневековых алан) и адыги (потомки древних синдо-метских племен), а также абхазцы, входящие вместе с адыгами в западнокавказскую языковую семью; <...> нартские сказания как особая форма героического эпоса создавались длительное время и в значительной степени отразили процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии в условиях сильных матриархальных пережитков» (Мелетинский 1963: 156, 162).

Касаясь отражений конкретных исторических событий в нартском эпосе, Е.М. Мелетинский справедливо относит к произвольным попыткам отождествить некоторые сказания и образы, например, сопоставление армянского предания V века об аланской царевне Сатиник, вышедшей замуж за армянского царя Арташеса, с нартским сказанием о рождении героя из камня. «Сказание о Сатиник у Моисея Хоренского следует рассматривать не как прямое отражение сюжетов аланского фольклора, а как свидетельство популярности образа Сатаны и самих нартских сказаний в V веке нашей эры» (Мелетинский 1963: 164).

Сказание о чудесном рождении Сасрыкуа из камня Е.М. Мелетинский считает «древнейшим и мифологическим сюжетом, возможно, восходящим к неолиту» (Мелетинский 1963: 176). Ученый обнаружил совпадение кавказского сюжета о чудесном рождении героя из камня с мифами о «культурных героях» – о мелонезском Кате, иранском Митре и его сыне, а также с хетто-хурритским Улликумми. Существенно, что на сходные черты Сасрыкуа и Улликумми впервые обратил внимание именно Е.М. Мелетинский. Сопоставляя образ Сасрыкуа с персонажами других архаических мифопоэтических традиций, он писал, что «в сказаниях о рождении Сосруко, Митры, Улликумми можно допустить общую основу» (Мелетинский 1963: 176). Позже (в другой работе) Е.М. Мелетинский уточнил свою точку зрения: «Мотив рождения Сосруко из оплодотворенного камня объединяет его с иранским солярным богом Митрой и каменным богатырем Улликумми из хетто-хурритского эпоса; с историей Улликумми совпадает и мотив смерти от подрезания коленей. В этих сказаниях можно допустить какую-то общую основу» (Мелетинский 1986: 68). В дальнейшем этот взгляд ученого получил развитие, в том числе в работах хеттолога В.Г. Ардзинбы (см. Ардзинба 2015: 69–76, 88–89), находящего близкие параллели между нартским эпосом и хурритской «Песней об Улликумми», хаттским мифом о борьбе бога грозы со Змеем. И параллели эти указывают на общие истоки, которые «могут быть объяснены предлагаемым генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» (Ардзинба 2015: 76).

Во второй и третьей частях настоящей главы книги «Происхождение героического эпоса» Е.М. Мелетинский подробно анализирует грузинские и армянские эпические традиции, в том числе – кавказские сказания о прикованных к горам или заточенных в пещерах героях – об абхазском Абрьскиле, кабардинском бородатом великане, грузинском Амирани, армянском Артавазде, Шидаре и некоторых других персонажах прометеевского типа. Ученый подчеркивает, что среди вышперечисленных произведений «особый интерес представляет» абхазский эпос об Абрьскиле, «имеющий некоторые весьма древние черты» (Мелетинский 1963: 213, 215).

Из сопоставления разных вариантов и версий кавказских сказаний прометеевского типа Е.М. Мелетинский заключает, что «в фольклоре коренных народов Кавказа издавна распространено предание о наказанном богами и прикованном в горах великане или богатыре; <...> вероятно, и мотив прикования Прометея к кавказским горам в древнегреческом мифе имеет кавказские фольклорные корни» (Мелетинский 1963: 214, 215); т. е. допускает, что близость прикованных к горам кавказских героев «к Прометею является, возможно, не только типо-

логической, но и контактно-генетической» (Мелетинский 1986: 69). Е.М. Мелетинский с уверенностью утверждает, что «эпос об Амирани не только зародился, но сложился в догосударственный период», что сказания о культурном герое были в числе его основных источников (Мелетинский 1963: 219, 225).

Ученый обратил внимание на параллели между отдельными сюжетами, мотивами и эпизодами сказаний о прикованных героях и нартским эпосом. Он усматривает их в мотивах богоборчества, в эпизодах богатырского детства и т. д. В дальнейшем этот тезис был развит другими исследователями, в частности, на материале абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абырыкиле (см.: Салакая 1966: 114; Джапуа 2016: 185–195).

Для освещения вопросов происхождения героического эпоса Е.М. Мелетинский рассматривает армянский эпос «Сасна црер», некоторые образы (Сансар, Багдасар, Мгер старший и Мгер младший) которого «восходят к архаической эпической традиции и в своем генезисе могут быть сопоставлены с нартами и Амирани» (Мелетинский 1963: 235–236). В этой части своей работы ученый уделяет особое внимание сопоставлению образов и сюжетов армянского эпоса и нартских сказаний – армянских Сансара и Багдасара с осетинскими Ахсаром и Ахсартагом, Урызмагом и Хамыщом и т. д. Связь этих героев с морской стихией, как предполагает Е.М. Мелетинский, «указывает на общекавказские мифологические мотивы, возникшие в результате тесного контакта между этими народами в далеком прошлом» (Мелетинский 1963: 238). И эта интерпретация Е.М. Мелетинского о параллелях между армянским эпосом и другими эпическими традициями народов Кавказа получил продолжение в разысканиях исследователей (см., например: Петросян 2014: 220–226; Джапуа 2012).

Вообще, считаю важным отметить, что в работах Е.М. Мелетинского значительное место занимает сопоставление образов, сюжетов, эпизодов и мотивов самих эпических памятников народов Кавказа. «Типологическая общность героических эпосов Кавказа проявляется особенно отчетливо вследствие генетического родства кавказских народов и интенсивного культурного общения между ними», – заключает ученый (Мелетинский 1963: 230).

Е.М. Мелетинский обращался к кавказским эпическим традициям в целом ряде сравнительно-типологических исследований. Так, через год после выхода Сборника материалов первой конференции в «Вестнике истории мировой культуры» (1958), он опубликовал статью, в которой в качестве иллюстрации к своей теории о «культурном герое» обращается к образу нартского персонажа Сасрыкуа, в ком выражается «переход от мифического “культурного героя” к эпическому богатырю» (Мелетинский 2018: 355). Усиливая свою точку зрения, Е.М. Мелетинский вновь

утверждает, что «эпос о Сосрыко отличается крайней архаичностью (особенно в адыгской и тем более в абхазской версиях)» (Мелетинский 2018: 355).

В статье, посвященной генезису и путях дифференциации эпических жанров, Е.М. Мелетинский настоятельно и уже не впервые убеждает, что «черты “культурного героя” в образе Сосрыко отчетливо выступают в более архаических абхазской и адыгской версиях» нартского эпоса. «В осетинской версии, менее архаической, черты “культурного героя” в образе Сосрыко выступают гораздо менее отчетливо» (Мелетинский 1960: 94).

В данном случае ученый касается и закавказских сказаний о прикованных героях – абхазском Абрьскиле, армянском Мгере и грузинском Амირани, представляющих собой своеобразное переплетение мифологического эпоса и богатырской сказки, в которых мотивы культурных подвигов в значительной мере оттеснены эпизодами богатырской борьбы с великанами и т. п. (Мелетинский 1960: 96).

В последующих монографических исследованиях ученого, таких как «“Едда” и ранние формы эпоса» (М., 1968), «Поэтика мифа» (М., 1976), «Введение в историческую поэтику эпоса и романа» (М., 1986), «От мифа к литературе» (М., 2000), Е.М. Мелетинский постоянно обращался к тем же мифоэпическим традициям народов Кавказа как к «особой архаической форме эпического творчества» (Мелетинский 1968: 224) в доказательство своей теории происхождения героического эпоса, и находил для этого весьма убедительные примеры и многочисленные параллели в целом ряде мифоэпических культур.

Как свидетельствует все вышеизложенное, кавказоведческие исследования Е.М. Мелетинского относятся к самым авторитетным штудиям, к бесспорным нововведениям в кавказское эпосоведение. Ни до, ни после Е.М. Мелетинского кавказский нартский эпос не подвергался столь глубокому сравнительно-типологическому анализу на таком высоком уровне компаративистики. По сей день ни одно серьезное исследование эпических традиций Кавказа не обходится без ссылки на труды Е.М. Мелетинского.

Е.М. Мелетинский подробно изучил не только опубликованные и переведенные на русский язык в то время конкретные фольклорные материалы кавказских народов, но и их мифологии и этнические истории.

С одной стороны, обращение Е.М. Мелетинского к архаическим текстам народов Кавказа было вызвано одним из лейтмотивов его научных интересов – выявлением первобытных истоков героического эпоса; с другой стороны, на этом пути ученый-теоретик фундаментально изучил кавказские эпосы и раскрыл тайны мифоэпического мировоззрения народов Кавказа.

Литература

Алиева 1964: Алиева А.И. Всесоюзная конференция, посвященная проблемам изучения нартского эпоса народов Кавказа // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1964. Т. XXIII. Вып. II. С. 174–178.

Аниба 1970: Аниба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса / Отв. ред. Ш.Х. Салакая. Тбилиси, 1970.

Аниба 1982: Аниба А.А. Абхазский фольклор и действительность / Отв. ред. Ш.Х. Салакая. Тбилиси, 1982.

Ардзинба 2015: Ардзинба В.Г. Собрание трудов в трех томах. Т. III / Ред.-сост. В.А. Чирикба; отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2015.

Джапуа 2012: Джапуа З.Д. Абхазский Абрыйск и армянский Мгер // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Ереван, 2012. С. 126–132.

Джапуа 2016: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. М., 2016.

Инал-ипа 1969: Инал-ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (Опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа / Отв. ред. А.А. Петросян. М., 1969. С. 30–68.

Кумахов, Кумахова 1985: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос / Отв. ред. М.М. Гухман. М., 1985.

Мелетинский 1956: Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Тезисы докладов на Совещании, посвященном нартскому эпосу народов Кавказа. Орджоникидзе, 1956. С. 5–12.

Мелетинский 1957а: Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 37–81.

Мелетинский 1957б: Мелетинский Е.М. Нартский эпос адыгов и осетин и его основные циклы // Дружба: литературно-художественный альманах. Майкоп, 1957. № 7. С. 257–266.

Мелетинский 1957в: Мелетинский Е.М. Совещание по вопросам изучения нартского эпоса народов Кавказа // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1957. Т. XVI. Вып. I. С. 90–94.

Мелетинский 1958: Мелетинский Е.М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Вестник истории мировой культуры. М., 1958. № 3. С. 114–132.

Мелетинский 1960: Мелетинский Е.М. О генезисе и путях дифференциации эпических жанров // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1960. Т. V. С. 81–101.

Мелетинский 1963: Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники / Отв. ред. В.М. Жирмунский. М., 1963 (Второе изд., испр. М., 2004).

Мелетинский 1968: Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Мелетинский 1976: Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

Мелетинский 1986: Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

Мелетинский 2000: Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. Учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М., 2000.

Мелетинский 2018: Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. 3-е изд., доп. / Отв. ред. Е.С. Новик. М., 2018.

Неклюдов, Новик 1993: Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. От составителей // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 5–10.

Петросян 2014: Петросян А.Е. Арменоведческие исследования. Ереван, 2014. С. 210–226.

Салакая 1963: Салакая Ш.Х. О героическом эпосе абхазов // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1963. Вып. XXXIII–XXXIV. С. 278–303.

Салакая 1966: Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.

Салакая 1976: Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос / Ред. Е.Б. Вирсаладзе. Тбилиси, 1976.

В.А. Кэагэаниа

ШОҢА САЛАКАИА ЛИТЕРАТУРАТЦААФЫК ИАХАСАБАЛА
(Ш.Хь. Салакаиа 85-шыкэса ихытра иазкны)

Иналукааша хаамтазтэи апсуа тарауаф-филолог, Апсны атцарадырракэа ракадемиеи Адыгатэи Жэларбжьаратэи атцарадырракэа ракадемиеи рлахэыла иаша (академик), Апсуа хэынтқарратэ университет апрофессор, афилологиатэ тцарадырракэа рдоктор Шоҗа Хьыч-ипа Салакаиа Апсни уи антытци дшеицырдыруа еихарак фольклортцаафык иахасабалоуп. Итцабыргытэҗкыаны, иара икалам итытцит Кавказ ахьынзаназаазо, уимоу, инахарангы ирылацэаз, атцарауаа-фольклористцэа зда иматэам, уажэы-уажэ изызхьапшуа икапиталтэ усумтақэа «Апсуа жэлар рфырхатцаратэ епос» (Салакаиа 1966а), «Апсуа нарттэ епос» (Салакаиа 1976), иара убас еиуеипшым аамтақэа рзы итижьыз, афольклортэ материалқэа згэылазыгзо, астудентцэеи атцаащэеи рзы аизгақэа «Апсуа жэлар рғапыцтэ рғеиамта» (Салакаиа 1975а), «Апсуа фольклор» (Салакаиа 2003).

Аха ицьоушьаша, афольклортцараа иадшыло икоуп атцарауаф апсуа сахьаркыратэ литература иадитцахьоу ацьабаагы. Иаахтны хақла хцэажэозар, иазгэахамтар ауам, Ш.Хь. Салакаиа атцарадыррағы рацхьаза дызлацэырцыз аусумта алитературатцараа ишадхэалоу. «Ағара ашэақэа» – абас ахьзуп 1954 шыкэсазы агазет «Апсны қацшь» ада-

кьақәа ирнылаз рацхьатәи илитература-критикатә статиа (Салакаиа 1954). Уи азкуп Алыкьса Лашәриа убри ашықәсан рацхьаза ацсышәала итытыз иажәеинраалақәеи, ипоемақәеи, иажәабжьқәеи реизга «Аҗара ашәақәа» (Лашәриа 1954). Астатиа автор усқан дыстудентын – Акәатәи ахәынтқарратә апедагогикатә институт афбатәи акурс акны дтәан¹, аха иаианоумшьартә иааирцшит алитературатә критика зда имағәам ағәағреи, алитературатә гьамеи, апринципреи. Аусумтаҗы иааркьаҗны акәзаргы ахәшьара рыҗоуп, рыг-рыбза хәоуп А.Е. Лашәриа ишәкәы иагәылалаз, жанрла еиуеицшым ирҗеиамтақәа.

Ш.Хь. Салакаиа рацхьатәи иусумта аникьыцхьызи иахьеи рыбжьара аумаамта шцахьоугьы (60 шықәса инеиханы), алитературатцаафкьыцш усқантәи ианализқатцашьа, алитературатә материал хьыц-хьыц еихыршәшәаны аилыргашьа, азеицш лкаақәа рықатцашьа ухәа итцаарадырратә напкымта изақаразаалак акала угәы еихьнашьуам, уимоу, иҗырцшыгоуп, атрадициатә литературатә критика ахта итанаршәуеит. Ари ашыза алшара аазырцшыз арцыс, хымпада, ағәырцкәыл чыдеи ағәеилыччареи иман, асахьаркыратә литература ағәыбылра ду изатан. Уи аганахьала имашәыруп узхәом 1962 шықәсазы ажурнал «Алашара» акны Ш.Е. Шьақар-ица хәа ацафны иажәабжь «Сыыза Шьханыкәа» акьыцхь ахьабаз (Салакаиа 1962: 50–61).

Ш.Хь. Салакаиа анафстәи илитература-критикатә статиа «Адгьыл аҗтәи аецәақәа» азкуп убри ахьз аманы 1954 шықәсазы итытыз Кәымф Ломиа иажәеинраалақәа реизга шәкәы (Ломиа 1954). Акритик қыпцш истатиа анылеит рацхьаза акәны 1955 шықәсазы атыцтра иалагаз ацсуа литература-сахьаркыратә, ауаажәларра-политикатә журнал «Алашара» актәи аномер акны (Салакаиа 1955: 89–92). Иара абри ажурнал адакьақәа ирнылеит шықәскәак рнафсан ацсуа литературатцаараҗы хра злоу азцаатәы иазикыз, аймак-аиҗак кәзшьа змаз истатиа «Иаазыркьаҗны хлитература аҗеиарамфәа аперидкәа рзы» (Салакаиа 1960: 93–94).

Арт акьыцхьымтақәеи дара инарышьтахьыз егьырт астатиақәеи ирхәоз рацәан, зегь рацхьа иргьыланы амилатә литература азгьылара дшаҗу ағәыгра дукәа узташа апрофессионалтә литературатцааф, акритик. Ицабыргытәкьангы, аамта излаҳнарбаз ала, иахьа ацсуа литература атоурьх инартбааны ухаҗы иузаагом Ш.Хь. Салакаиа иусумтақәа рыдлацса. Убарт истудентра ашықәскәа инадыркны иахьа уажәраанзагы иара инеицмыркьазакәа акьыцхь аҗы дцәырцуеит тематикала еиуеицшым алитературатцааратә усумтақәеи, алитература-критикатә статиақәеи ареценезиақәеи рыла. Убри иазышахәтуп еиуеицшым аамтақәа рзы адунеи збаз анафстәи иусумтақәа: «Ацыхәтәантәи ажәашықәсәзтәи ацсуа литература (1953 шықәса инаркны)» (Салакаиа 1965: 10–11), «Шотә Руставели итема ацсуа поезиаҗы» (Салакаиа 1966б: 45–48),

¹Астатиа жәахьык ахасабала иқатан Ш.Хь. Салакаиа җышәала ихы злаирхәуаз астудентцаа рлитературатә кружок аилатәарақны.

«Асовет мчразы ақәпара атема ацсуа литератураҕы» (Салакаиа 1967а: 257–268), «Самсон Чанбеи ацсуа жәлар рпоезиеси» (Салакаиа 1967б: 8), «Ацсуа литература аҕиара 50 шықәса рыһныцқа» (Салакаиа 1971: 16–17), «Ажәларқәа реиһызара атема ацсуа литератураҕы» (Салакаиа 1973: 92–96), «Ацсуа литературатә критика ашьатарқоы» (Салакаиа 1974а: 79–97), «Ацсуа поезиа Ацһынцтәылатә еибашьру ду ашықәскәа раан» (Салакаиа 1975б: 87–92) ухәа убас ирацәазаны. Арт аусумтақәа зегьы, шамахамзар, урысшәалагьы адунеи рбахьейт еиуеипшым акьыпцхьтә органкәа ркны, Ацснейцш уи антыцгьы (Москва, Қарт, Нальчик ухәа).

Чыдала азбахә хәатәуп Ш.Хь. Салакаиа ацсуа литература ашьатарқоы, Ацсны жәлар рпоег Дырмит Гәлиа изкны иацитаз – монографияк зсаи-ра аусумта «Ацсуа жәлар ргәадура» хәа хьзыс иаманы (Салакаиа 1981: 7–47). Аусумтаҕы инартбааны ирыхцәажәоуп Д.И. Гәлиа илитература-уаажәларратә усура, инартцаулан алитературатцааратә анализ иахьыжьуп ирҕиара акәыцәакәа зегьы ирыцаркуа арҕиамтақәа: ажәейнраалақәа, апоемақәа, ажәабжьқәа, ароман «Камачыч», адрама «Анаурқәа». Иахтны изахамхәарызеи, Д.И. Гәлиа изкны аусумтақәа акыр шапцоугьы азьырҕы Ацсны ацарауааи (Михаил Делба, Хәыхәйт Бҕажәба, Шалуа Инал-ипа, Гьаргь Гәлиа, Гьаргь Гәыблиа, Владимир Ацнариа, Сергей Зыхәба уб. егь.) ахәаанырцәтәи алитературатцаащәеи (Корнели Зелинский, Анатоли Бочаров, Александр Дымшиц, Евгени Ишьченко, Георги Цьиблазе ухәа) рымчала, зегь ақоуп Ш.Хь. Салакаиа итцаамта ацауларала, итцаарадырратә анализқатцашьала уи икьыпцхьымта иамазкуа даҕа усумтак азбахә ахәара удаәоуп иахьа уажәраанзагьы².

Убастәкьа рыхә харакны ишьатәуп Заз Дарсалиа ирҕиара иазку, «Заз Дарсалиа ипстазаарей ирҕиамтақәеи» (Салакаиа 1983а: 100–125) захьзу атцаамтеи Иван Папаскьыр ирҕиамтақәа ирызкны ииһыз аусумта «Ажәа сахьарк азқазу ду» (Салакаиа 2007: 5–23).

Хьыцхьазара рацәала агазетқәа, ажурналқәа, еиуеипшым аизгақәа ирнылахьейт (еиуеипшым абызшәакәа рыла) хәцсуа шәкәыщәеи Иуа Когониа, Самсон Чанба, Иван Папаскьыр, Мушьни Ахашба, Баграт Шьынкәба, Алыкьса Гогәуа, Гьаргь Гәыблиа, Шоҕа Цкадуа, Мушьни Лашәриа ухәа убас азьырҕы рыцстазаарей рырҕиамтақәеи ирыххәааны иацитахьоу астатиақәа, аочеркқәа, алитературатә патретқәа. Ажәакала, дыкамзар калап зыхьз нагоу цсыуа шәкәыщык, царауащык, хкультура азаапсащык, еихарак абицарала изааигәоу, ма ицегь нақ инастхоу, иара ажәа зхимхәаац, анс акә, арс акә зырҕиамтақәа дырхымцәажәац.

²Хазтагылоу аамтазы араионтә патриотизмра ишакәым иахнапаацәаз, «ладеи» «вадеи» хәа ауаа еилызуа, уамакала илазыркәуа паршеитцарауаа-харамхәыццәакәк, «ахьапарч зхьлтыз иахьычон» хәа, хәқда зәазышшәо амитлат ргәадура Д.И. Гәлиа гоу-гоу ихцәажәара, иазхьасырпшуейт, издыруада, ма убри иарпхашьозар хәа, Ш.Хь. Салакаиа зызбахә хәмоу итцаамта, иара убас 2004 шықәсазы иикьыпцхьыз астатиа «Мудрость и дальновидность патриарха» (Салакаиа 2004: 191–193).

Ихақым иазгэатамзар, ацарауаф еснагь илапшхэааф ишыкоу нхытц-кавказтэи хаешьаратэ – адыга жэларкэа рлитературакэагы. Убас, иахьагы ацакы ацэымзыц «Ацсуа-адыга литературакэа рзеипш фольклортэ хытхыртақэак» хэа хьзыс измоу заатэи иусумтақэа реиуа (Салакаиа 1964: 173–184). Иналукааша адыга шэкэыфцэа Алим Шогенцуков, Тембот Керашев, Исхақ Машбаш рырфеиамтақэа ирызкны иацитцахьеит акымкэа-фбамкэа астатиақэа.

Алитературатцаарей алитературатэ критикатэ статиакэеи аретензиакэеи рхырхартаала Ш.Хь. Салакаиа ицбабаа еихызшыаало, еиуеипшым аамтақэа рзы итыцыз иеизгақэа иреиуоп: апсышэала – «Апстазаара ахьеилашуа» (Салакаиа 1974б), «Алитературатэ хэаакэа» (Салакаиа 1983б), урысшэала – «Аамта ашьафа иакэшэо» (Салакаиа 1989). Абарт еикэыпхьазоу аусумтақэа зегьы рфеи иаапшуеит ацарауаф иерудициа харак, игьама лыпшаах, илитературатэ аамсташэара.

Ш.Хь. Салакаиа еснагь фышэала дрылахын алитературатцаара иазку, аихшьалатэ, ахыркэшаратэ кэзшыа змоу аколлективтэ усумта дукэа рапцарей аредакциа рзурей. Убарт иреиуоп 1968, 1974, 1986 шыкэскэа рзы Акэа апсышэалеи ма урысшэалеи итыцыз, ацсуа литература атоурых иазку ашэкэқэа (Бгажэба, Салакаиа 1968; Бгажэба, Салакаиа 1974; Бгажэба, Салакаиа, Аншба 1986), Москва акыпцхь збаз, адунеитэ литературадырракны уасхырма зуа аусумта «Милатрацэалатэи асоветтэ литература атоурых» (Салакаиа 1974в) ухэа уб. егь.

Ацарауаф инаукатэ усура амчхак атбаарей ацауларей рныпшуеит еиуеипшым атцаарадырратэ (жэларбжьаратэи, зегьейдгылоутэи, арегионтэи, ареспубликатэи) форумкэа рфеи, афольклортцаара иначыданы, ацсуааи фадакавказтэи ажэларкэеи рфольклор-литературатэ еизы-казашьякэа ирызкны икаитцахьоу ажэахэқэа ақалакькэа Акэа, Москва, Ленинград, Қарт, Нальчик, Маикэап, Черкесск, Владикавказ, Махачкала ухэа акырцъара. Урт иажэахэқэа хыкэы хадас ирымоу аоуп – ацсуа жэлар махэта рацэала еиласоу рдоухатэ культура азыргара.

Атцаара апроблемакэа инарываргыланы, Ш.Хь. Салакаиа хшыфзышьтра ду азиуеит афилологиятэ тцаарадырразы акадркэа реитцаазара. Хамфашьякэа иаххэар ауеит, уи лыпцха зитаны шакафык афольклортцаафцэа иаазаз акара, убриакара ишэшьыра иаазеит хэа алитературатцаафцэагы, иаххэап: афилологиятэ тцаарадырракэа рдоктор, Апсны атцаарадырракэа ракадемиа алахэыла-корреспондент В.К. Зантариа, афилологиятэ тцаарадырракэа ркандидатцэа Д.С. Ацьынцъал, Л.А. Хьибба, О.А. Торосиан ухэа убас азэыры.

Ш.Хь. Салакаиа еикэиршэахьеит, мамзаргьы итакпхыкэратэ редакцияла итыцхьеит Дырмит Гэлиа, Самсон Чанба, Заз Дарсалиа, Иван Папаскьыр, Гьаргь Гэыблиа, Шота Цкадуа, Таиф Ацьба ухэа убас азэыры ашэкэыфцэа рышэкэқэа. Иара иредакцияла итыцхьеит, иара убас Хэыхэыт Бгажэба, Уасил Афзба, Диана Ацьынцъал, Светлана Тапагэуа,

Валентин Кәәғәәниә, Гәырам Ахсалба ухәә шыардаабык ацарауаа-филологцәә алитературатцәәра иазкны иацырцахыоу амонографиякәәи астатиакәә еидызкыло аизгакәәи.

Ацыхәтәантәи ашыкәсқәә рзы академик Ш.Хь. Салакаиа хшыо-зышытра чыда азуны дафуп хаамтазтәи иналукааша ашәкәыооы, Апсны жәлар рпоет, Апсны атцәарадырракәә ракадемиа академик Мушьни Лашәриә махәта рацәала еибарку ирәиамтакәә рытцәара. Ари ахыр-хартафәи алитературатцәәо иаапсара еихызшыало акакәны икалеит ааскәа итытыз иусумтакәә реизга шәкәы «Жәлар рпоет» (Салакаиа 2018). Уи еиднакылоит М.Т. Лашәриә ипстазаареи ирәиаратә мөеи ирызкны 1969 шыкәса инаркны иахьанза апсышәалеи урысшәалеи иацитаз, амонография иаадшыло атцәамтакәә («Иажәеинраалоу ароман “Ацьынць” иазкны», «Жәлар рпоет», “Ахьтәы уасцәә”: ахьышытреи асахьажәә алшарей»), еиуеипшым астатиакәәи арецензиакәәи («“Гаиавата изы ашәеи” уи аиґагаи»), «Ажәларкәә рдоухатә еимадара» уб. егь.). Урт рыкны ацарауао инартбааны, ганрацәала итицауеит Апсни уи антыци, еихарак Урыстәыла еицырдыруа икалаз жәлар рпоет ирәиамтакәә – иажәеинраалоу ироман «Ацьынць», ипоема «Ахьтәы уасцәә», иара убас кәәиарала апсшәахь еиґеигаз А.С. Пушкин иажәеинраалоу ироман «Евгени Онегин», Ш. Руставели ипоема «Абжьас-цәә зшәу», Г. Лонгфелло ипоема «Гаиавата изы ашәә», абашкыыр жәлар репос «Урал-батыр».

Ш.Хь. Салакаиа алитература иазку итцәамтакәә, илитература-критикатә статиакәә, ирецензиакәә – апсышәала иоу ракәыз, урысшәала иоу ракәыз – иаццоуп ицышәоу, наваларта змам ала ихырку академиатә бызшәала. Ихшыоцтак агәылыршәашьа, ихәоу артәашьа, икритика аамысташәашьа ухәә абарт аказшыакәә рыла – иусумтакәә апхьаоцәә зегьы рзы иаартуп, иманшәалоуп ашкол ацаоцәәи ауниверситет астудентцәәи инадыркны атцәарадырра аузсуоцәәи ашәкәыооцәәи ркынза.

Асада иааххәаз зегьы еидкыланы, икахцар ауеит гәыобара зцам алкаа: Ш.Хь. Салакаиа алитературатцәәрей алитературатә критикей рхырхарта змоу аусумтакәә раамчыдаха уаха акгы имыоцаргы, урт рыла апсуа филологиагәә тцәарадырра атоурых афәи ихьз аашьарак акәымкәә наунагза иаанхон.

Алитература

Бґажәба, Салакаиа 1968: Абхазская литература. Краткий очерк / Под ред. Х.С. Бґажба и Ш.Х. Салакаиа. Сухуми, 1968.

Бґажәба, Салакаиа 1974: Очерки истории абхазской литературы / Под ред. Х.С. Бґажба и Ш.Х. Салакаиа. Сухуми, 1974.

Бґажәба, Салакаиа, Аниба 1986: Апсуа литература атоурых. Актәи ашәкәы / Хә.С. Бґажәба, Ш.Хь Салакаиа, А.А. Аниба рредакцияла. Акәә, 1986.

Лашэриа 1954: Лашэриа А.Е. Аҭара ашэақэа. Ажэеинраалақэеи, апоемақэеи, ажэабжькэеи. Ақэа, 1954.

Ломиа 1954: Ломиа Кэ.Ш. Адгбыл аҭгэи аецэақэа. Ажэеинраалақэа. Ақэа, 1954.

Салакаиа 1955: Салакаиа Ш.Хь. «Адгбыл аҭгэи аецэақэа» // Алашара. Ақэа, 1955. № 1. Ад. 89–92.

Салакаиа 1960: Салакаиа Ш.Хь. Иаазыркыаҭены хлитература аҭиарамоа апериодкэа рзы // Алашара. Ақэа, 1960. № 2. Ад. 93–94.

Салакаиа 1962: Шьақар-ица Ш.Хь. Сомыза Шьханыкэа. Ажэабжь // Алашара. Ақэа, 1962. № 5. Ад. 50–61.

Салакаиа 1964: Салакайа Ш.Х. О некоторых общих фольклорных источниках литератур абхазо-адыгских народов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Серия фольклора и литературы. Майкоп, 1964. Т. III. С. 173–184.

Салакаиа 1965: Салакаиа Ш.Хь. «Атцыхэтэантэи ажэашықэсазтэи ацсуа литература (1953 шықэса инаркны)» // XVI научная сессия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Тезисы докладов. Сухуми, 1965. С. 10–11.

Салакаиа 1966а: Салакайа Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.

Салакаиа 1966б: Салакаиа Ш.Хь. Шоҭа Руставели итема ацсуа поэзияҭы // Алашара. Ақэа, 1966. № 6. Ад. 45–48.

Салакаиа 1967а: Салакаиа Ш.Хь. Асовет мчразы ақэпара атема ацсуа литератураҭы // Под знаменем Октября. Сухуми, 1967. С. 257–268.

Салакаиа 1967б: Салакаиа Ш.Хь. Самсон Чанбеи ацсуа жэлар рпоэзии // Научная сессия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Тезисы докладов. Сухуми, 1967. С. 8.

Салакаиа 1970: Салакаиа Ш.Хь. Ацсуа драматургия азцаатэқэа рытцааразы // Алашара. Ақэа, 1970. № 9. Ад. 90–92.

Салакаиа 1971: Салакаиа Ш.Хь. Ацсуа литература аҭиара 50 шықэса рыфьныцка // Научная сессия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Тезисы докладов. Сухуми, 1971. С. 16–17.

Салакаиа 1973: Салакаиа Ш.Хь. Ажэларқэа реиомызара атема ацсуа литератураҭы // Алашара. Ақэа, 1973. № 3. Ад. 92–96.

Салакаиа 1974а: Салакаиа Ш.Хь. Ацсуа литературатэ критика ашьа-таркфьы // Алашара. Ақэа, 1974. № 10. Ад. 79–97.

Салакаиа 1974б: Салакаиа Ш.Хь. Ацстазаара ахьеилашуа. Алитературатэ-критикатэ статиақэа. Ақэа, 1974.

Салакаиа 1974в: Салакайа Ш.Х. Абхазская литература // История многонациональной советской литературы в шести томах. Т. V. М., 1974. С. 366–376.

Салакаиа 1975а: Апсуа жэлар рѣапыцтѣ рѣиамта. Ахрестоматиа. Еихау атцараиуртақәа рзы арцагатѣ хархәага / Еикәиршәеит Ш.Хь. Салакаиа. Акәа, 1975.

Салакаиа 1975б: Салакаиа Ш.Хь. Апсуа поезиа Ацбынцѣтәылатѣ еибашьру ду ашықәсқәа раан // Алашара. Акәа, 1975. № 5. Ад. 87–92.

Салакаиа 1976: Салакаиа Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.

Салакаиа 1981: Салакаиа Ш.Хь. Апсуа жэлар ргәадурә // Гәлиа Дырмит. Ифымтақәа реизга ф-томкны. Актәи атом. Ажәеинраалақәа, апоемақәа / Еикәдыршәеит, азгәатақәа рѣит Гь. Гәыблиа, В. Ацнариа. Акәа, 1981. Ад. 7–47.

Салакаиа 1983а: Салакаиа Ш.Хь. Алитературатѣ хәаакәа. Астатиақәеи аочеркқәеи. Акәа, 1983.

Салакаиа 1983б: Салакаиа Ш.Хь. Заз Дарсалиа ицстазаареи ирѣиамтақәеи // Алитературатѣ хәаакәа. Астатиақәеи аочеркқәеи. Акәа, 1983. Ад. 100–125.

Салакаиа 1989: Салакаиа Ш.Х. В ногу со временем (Литературно-критические статьи). Сухуми, 1989.

Салакаиа 2003: Апсуа фольклор / Ианитцеит, акыпцхь иазирхиет, ацхәажәеи азгәатақәеи ацицеит Ш.Хь. Салакаиа. Акәа, 2003.

Салакаиа 2004: Салакаиа Ш.Х. Мудрость и дальновидность патриарха // Акуа – Сухум. Сухум, 2004. № 1. С. 191–193

Салакаиа 2007: Салакаиа Ш.Хь. Ажәа сахьарк азқәа ду // Папасқыыр Иван. Ифымтақәа реизга. Актәи атом. Аромани апиесеи. Акәа, 2007. Ад. 5–23.

Салакаиа 2018: Салакаиа Ш.Хь. Жэлар рпоет. Акәа, 2018.

А.Ш. Ажыба

АРЦАӨЦЭА РЫРЦАӨЫ
(А.М. Касланзиа 80 шыкэса ихытра иазкны)

«Атцаарадырра атоурых шыкэзыргыло, уи ашытатағы игылаз, иапы-зтаз ацарауаа роуп» (Иу. Воронов). Абарт ажэакэа рцакы акыр ишыа-кэыргэгэахоит, урт еицырдыруа апсуа царауаа, аметодист, зыпстазаара зегы апеддагогикатэ парадыррей афар раазарей иазызкыз А.М. Кас-ланзиа ихыз иадхэаланы ханахэапшуа. Алыкэса Махаз-ица илшеит ахатэы бызшэа алингводидактика актуалтэ проблемакэа рытцаара, урт експериментла рышыакэыргэгэара. Убарт зегы рышыатала, ахатэы бызшэа апсуа школ ағы алагартатэ класскэа рзы аметодика теориала ишыакэыргыланы, апрактикағы аларцаара.

А.М. Касланзиа дрыпсахеит ари атцаарадырратэ хырхартағы апсуаа рахытэ рацхыатэи адоктор хэа атцаарадырратэ хызы, иара убас Апсны атцаарадырракэа ракадемиа алахэыла-корреспондент хэа ахыз харакгыы аиура.

Алыкэса Махаз-ица Касланзиа диит Очамчыра араион, Кэтол акытан 1938 шыкэсазы, апсуа нхафы итаацэарағы.

1945 шыкэсазы Алыкэса дталеит Кэтолтэи аа-шыкэсатэи ашкол. Аха рыцхарас икалаз, актэи акласс ағы Алыкэса хэычы ихатэы бызшэала атара ицартэ еипш атагылазаашыа имоуит, ускантэи аамтазы апсуа школкэа зегы ахыаркыз акынтэ изымдыруаз кыртуа бызшэала атара ицар акэхеит. Апсышэала атара азин аниоуз 1954 шыкэсазы ауп, ускан Алыкэса Цыгьардатэи абжыаратэ школ дтан. 1958 шыкэсазы Алыкэса

итцара иацитцеит А.М. Горки ихъз зхыз Акэатэи арцафратэ институт апедагогикеи аметодикеи рфакультет ағы.

Алықса Махаз-ица Касланзиа ицстазаарағы насыц дуны ицхьазоит ускантэи аамтазы ари афакультет ағы атцара ахьидыртоз, анаос иаргъажэаны изыкалаз арцафца хатэракэа: Татиана Еснат-ипца Концьариа, Павел Хьацъарат-ица Азынба, Клара Харитон-ипца Кьылба, Борис Григори-ица Тарба, Шота Кастеи-ица Арстаа.

Акэатэи арцафратэ институт ағы итцара анхиркэша, Алықса Махаз-ица аусура далагеит апедагогикеи аметодикеи ркафедрағы лаборантс. Ускантэи аамтазы ари акафедра напхгара аитон еицырдыруа апсуа тцарауао Борис Григори-ица Тарба. Убри ашыкэсан Борис Григори-ица иыза бзиа, еицырдыруа атцарауао Назыр Бекьмырза-ица Екба Апсны дыкан, Гэдоутэ араион акыта школкэа рғы аексперимент мөапигон.

Абрака ауп рацхьаза акэны дахьибаз, насгы дахьидырыз Алықса Махаз-ица, анаосан ицстазаарағы, итцараағы атыц ду аанызкылаз амөакэцао, атцарауао Назыр Бекьмырза-ица Екба.

1965–1968-тэи ашыкэскэа рзы А.М. Касланзиа атцара итцон Москва акалакь ағы Амилаттэ школкэа рытцарадырратэ институт аспирантурағы. Икандидаттэ диссертация напхгаыс дкалеит атцарауао Н.Б. Екба.

Аспирантурағы атцара, хымпада, ауадафра ацын, еихаракгы аурыс бызшэазы, ашкол ағы кырт бызшэала атцара ахьитцоз инымцшыр амуит аспирант кэыпш.

А.М. Касланзиа аспирантура дантала рацхьатэи амшкэа инадыркны акыр аинтерес шьтихит Г.С. Сердиученко, В.М. Чистиаков, И.В. Баранников, А.Ф. Боицова, Н.Б. Екба, А.К. Шагилов, Б.Г. Тарба реипш иказ еицырдыруа атцарауаа рлингвистикатэи, рметодикатэи идеиакэа.

Убарт зеггы бзианы еилызкаауаз, итцарадырратэ напхгаыи иаспирант азин иитеит адиссертация апсышэала аора. Иазгэататэуп, Назыр Бекьмырза-ица апсуа бызшэа бзианы ишидыруаз, насгы апсуа текст ацакгы бзианы ишеиликаауаз.

1969 шыкэсазы Москва акалакь ағы Алықса Махаз-ица кэфиарала ихьчеит акандидаттэ диссертация «Ахьызка азнагашья апсуа школ ағы» атемала.

1985–1988 шыкэскэа рзы Алықса Махаз-ица аус иуан Москва акалакь Амилаттэ школкэа рытцарадырратэ институт ағы атцарадырратэ усзуо еихабыс. Убри аамта иалагзаны ари аинститут ағы адокторантура далганы, 1988 шыкэсазы ихьчеит адоктортэ диссертация «Апсуа школкэа ралагартатэ класскэа рцафца ахатэы бызшэа дыртцаразы асистема» атемала.

Алықса Махаз-ица адоктортэ диссертация анихьча ашьтахь ауп, тцарадыррала акыр ихараку, теориалагы практикалагы зцакы хартэау, аусумтакэа анапцтаз. Абри аамтазы атцарауао иметодикатэ лапшхэаа амехак акыр итбаахеит, ганрацэала алагартатэ класскэа рып-

роблемакэа тцааны, хра злоу арцаратэ система ҕың азицшаартэ еицш атагылазаашыа иоуит.

1980-тэи ашыкэскэа рзы Ацсны Ацара аминистрра ахшыҕышытра ду азыканацеит ацсуа школкэа иҕыцу программалеи, рцагатэ шэкэылеи, методикатэ цхыраагзалеи реикэыршэара азцаатэы. Апрограммакэеи арцага шэкэкэеи реикэыршэаразы иаарыцхьеит иналукааша ацарауаа, аметодистцаа, арцаоцаа. Алагартатэ класскэа ырцага шэкэкэа аус рыдулара инапы ианырцеит А.М. Касланзиа, иаарласы абри еицш ацак ду змаз аус анагзара хациркит.

Хэарас иатахузеи, ари аус иатахын арцара ус практикалагыы, теориялагыы ибзианы адырра, итцаатэын аметодикаҕы иыыршэахыоу, арцараҕы алтцшэа бзиақэа аазырпцхыоу арцага шэкэкэа реикэыршэаразы апринципкэа. Аамта кыаҕк иалагзаны Алыкьса Махаз-ица илшеит алагартатэ класскэа ырцаратэ этап акыр аҕың цшыгарақэа ралагалара. Урт рхыцхыазараҕы икоуп:

1. Ацсуа бызшэа амаҕэари, ацсуа литературатэ цхыара амаҕэари хаз-хаз икоу маҕэаркэаны арцаратэ процесс ралагалара (уаанза арт аҕ-маҕэарк еилацаны ишыкэаз акэымкэа).
2. Классцыпхыаза ацсуа бызшэазы хаз-хаз икоу арцага шэкэкэа рцара (уаанза «ба-«ба класс еидкыланы итыжыыз арцага шэкэкэа рхатыцан).
3. Арцага шэкэкэа хазыртэаауа арцага-методикатэ цхыраагзақэа рыла реикэыршэара.
4. Алагартатэ этап аҕы ахатэы бызшэа асааткэа рышыақэыргэҕэара.
5. Арцага шэкэкэа реикэыршэараан изыкэныкэатэу адидактикатэ принципкэа рышыақэыргылара.
6. Атеориатэ материал, ацкарақэа рырацэара мап ацэкра, уи ахатыцан абызшэа ацараан апрактикатэ хырхарта аргэҕэара.

2000-тэи ашыкэскэа раахыс иахыа уажэраанза ацсуа школкэа ралагартатэ класскэа аус зларуа Алыкьса Махаз-ица, аҕыңцшыгарақэа злагаланы, убаскан еиқэиршэаз, акырынтэ аитатыжыра иахысхыоу, арцага шэкэкэа роуп.

Иахыазы иухэар алшоит алагартатэ класскэа рцагатэ комплексла ихартэаауп хэа. Арцагатэ шэкэкэа зегыы ирыцуп арцаоы изы ацхыраагзақэа, ацсуа бызшэа дырцараан ацаоцаа ацхыраара рызто, аграмматикатэ цкарақэа реилкаара зырмариоу алабҕабатэ хархэагақэа (атаблицақэа, асхемақэа).

Аабыкыа итыцит алагартатэ класскэа рцаоцаа рышыкэс ачыдарақэа ирыкэшэо, ацаоы ижэар артбаареи ирҕиаратэ хшыҕ аизырхареи рзы ацак ду змоу, иахыатэи хаамтазы арцаратэ процесс апрактикаҕы инартбааны ахархэара змоу Алыкьса Махаз-ица иусумта – «Адидактикатэ хэмаррақэа» ирызкны. Арцагатэ комплекскэа рахь ицхыазатэуп 2007 шыкэсазы итыцыз алагартатэ класскэа ырцаоцаа русура зырман-

шәәло «Адиктантқәеи арҕеиаратә цакы змоу аҕеаршыцыларақәеи» захьзу Алықса Махаз-ипа иусумта. Ари аусумта шыатас иамоуп атцарауаф, аметодист Ць. Тапагәуа 20 шықәса рацхьа итижхьаз ацхыраагза. Уи хартәааны, атафцәа рдыррақәеи ринтересқәеи рыфазарала еихшаны, аус адуланы итижыт Алықса Махаз-ипа. Еикәыршәоуп апсуа бызшәазы атафцәа рдыррақәа ргәатара иазку атестқәеи, атафцәа рхалатәи аусурақәа реиҕеаареи ирызку атетрадқәеи.

Абасала, Алықса Махаз-ипа идокторгә диссертация анагзараан иҕацхьа иқәиргылоз ихықәкы хада наигзеит хәа азгәаутар калоит. Алықса Махаз-ипа Касланзия инапхгарала, уи аус иызуаз арцафцәеи иареи рымчала, ишыақәдыргылеит алагартатә классқәа рҕы ахатәи бызшәа арцаразы арцага-методикатә комплекс.

Алықса Махаз-ипа Касланзия илшаз мацзам апедагогикатә факультет астудентцәа рцагатә литературала реикәыршәараҕыы. Уи имонографиатә усумтақәа иреиуоуп: «Алитературатә цхьара аметодика», «Апсуа бызшәа аметодика (абакалавр апрограммала), «Атаацәаратә педагогика». Арт арцага шәкәқәа аамта атахрақәа ирықәшәо, астудентцәа рдыррақәа реизхара иацхраауа, атара дыртара дырманшәалартә еипш еикәыршәоуп.

Асовет Еидгыла анеилаха ашытахь, мац-мац иадыркуа иалагеит апедагогикатә тцарадыррақәа рхырхартала акандидаттәи адоктортәи диссертацияқәа рыхьчаразы атцарауаа рхеилакқәа. Алықса Махаз-ипа Касланзия игәи итцхон Апсны иказ акадрқәа рзы аитцарақәа, еихаракгы ахатәи бызшәа аметодика апроблемақәа тызцауаз атцарауаа разымхара, рмачра. Акырынтә иҕеазишәахьан Нхытц Кавказ ареспубликақәеи Апсни рцарауаа еицхырааны Ахеилакқәа апцазарц, аха Нхытц Кавказ абри апроблемазы доктор зацәыкгы дахьрымамыз азы (Апсынгы А.М. Касланзия зацәык иакәын адоктортә степень змаз), ари аус зхацмыркхазеит, аҕеиара амоузеит. А.М. Касланзия иапшыгарала, хатала иара напхгара зитоз акафедрахь Апсныка иааипхьейт аусуразы апедагогикатә тцарадыррақәа рдокторцәа фыца, Москвантәи – И.А. Шаповалови, Санкт-Петербургынтәи – Гь.Кь. Заицеви. Дызлагоз аусқәа зегы рҕы ацхыраара иитон Апснытәи ахәынтқарратә университет аректор, академик А.А. Гәарамиа.

Аамта кьаҕк иалагзаны Апснытәи ахәынтқарратә университет аҕы иапцахеит акандидаттә диссертацияқәа рыхьчаразы Атцарауаа рхеилакқәа фба. Арт ахеилакқәа рхантәфыс далхын апрофессор А.М. Касланзия. 2005 шықәса инаркны хазтагылоу аамтазынза, иара инапхгарала ирыхьчейт хәык акандидаттә диссертацияқәа, фыца рдоктортә диссертацияқәа рыхьчараҕы консультантс дыкан, акыр ацхыраарагы кайцеит.

Иахьа Апсны атцарадыррақәа ракадемиа азин канатейт Апснытәи ахәынтқарратә университет аҕы апсуа бызшәа аметодикеи, аурыс быз-

шэа аметодикеи, апедагогикеи рхырхартақэа рыла адоктортэи акандидаттэи диссертацияқэа рыхьчара.

Алыкьса Махаз-ипа ахшыфзышьтра ду айтоит афар рытцаарадырратэ квалификация айзырхара. Уи иреигьу истудентцэеи апышэа зоухьоу арцафцэеи адипхьалоит атцаарадырра. Иахьа аметодика ахырхартала акандидаттэ диссертацияқэа аус рыдызуло аспирантцэа фыцья напхгафыс дрымоуп.

Алыкьса Махаз-ипа афызцэа рацэафны имоуп хтэыла антыцгы – Урыстэыла, Нхыц Кавказ ухэа егырт атэылақэа рфгы. Уи лассы-ласс аконференцияқэеи асимпозиумқэеи, Арцафцэа реизарақэеи рфы ажэахэқэа рыла дыкэгылоит. Акырынтэ Ақэеи уи антыци ирыхьчачьоу акандидаттэи адоктортэи диссертацияқэа аоппонентра рзиухьейт.

Иусумтақэа рфеипш икэгыларақэа, иажэахэқэа, арцафцэеи иарей русеицурақэа зегьы рфы Алыкьса Махаз-ипа зегь рапхьаза иргылоит ахатэы бызшэа астатус ахаракра. Изныкымкэа, иаагозар, Асовет аамтақэа раан, апсуа школка рфы ахатэы бызшэа асаатқэа рыгырхаразы азцаара анцэырцуаз, Алыкьса Махаз-ипа Касланзиа ихараку апринципра аарпшны, уи дафагылон, иагылшон ихатэ знейшья, ихатэ позиция агэра дыргара.

Алыкьса Махаз-ипа гэыцхас имоуп иахьа ақалакь школка рфы атцара зцо афар рхатэы бызшэа ахьыцсыгеу. Атцарауаф игэаанагарала, иатахуп изызхауа афар агэра дыргазарц изқэынхо рыдгьылгы, рхатэы бызшэагы дара ишыртэу, дара иртэу пату шакэцатэу, ишмырзтэу, дара ирыбзоураны рбызшэагы рыпсадгьылгы шейкэхо. Атцарауаф итахуп, милатла иапсыуауа зегьы ирхатэы бызшэахарц апсуа бызшэа.

Иахьа апсуа школка ралагартатэ классқэа, шамахамзар, зегьы рфы аус руейт Алыкьса Махаз-ипа иоушьтымтацэа. Урт ирейхау атцарайурта ианалгалак ашьтахь, хылапшрада иаанижьзом, аус ахьыруа ашколка дыртауейт, рурокқэа дрылатэаны ирыгу-ирыбзоу реихэойт, иакэнагоу аметодикатэ цхыраара ритоит. Лассы-ласс аконсультацияқэеи асеминарқэеи рахь иааипхьойт.

Апедагогикатэ факультет афы есышыкэса имоапысуа атцарадырратэ конференцияқэа ирылаирхэуейт.

Атцарауаф қэки хаданы ипстазаарафы иипхьазо, иара ишьтанейуа абицара тцаарадыррала реибытароуп. Уи дрылагэдууп 40 шыкэса инарейхань напхгара зито акафедрафы аус зуа, еиуейпшым аамтақэа рзы зцарадырратэ шыақэгыларафы ицьябаа здитаз, напхгара ззиуаз, имоакэитцаз атцарауаа. Сара, абарт ацэахэақэа зыфуагы, сытцарадыррафы акыр сылшазар, А.М. Касланзиа ибзоуроу даара ирацэоуп.

Алыкьса Махаз-ипа ичыдаказшыақэа рфы ибзианы рееиларыгзоит акэымшэышэрей ацбарарей, агэыхалалрей апринципрей. Арт аказшыа ачыдаракэа рныцшуейт истудентцэеи иаспирантцэеи аус рыдуларафы.

Урт ирыдицо рытцаратэ уснагзатэқэа ианаамтоу, афхэара итымгакэан рынагзара, хымпада, ируалуп, зны-зынла ианамуагы, илеишэа

цъбарагы аацэыригоит. Аус здиуло уи бзианы ирдыруеит азы, ихэатэы иахымпакэа, рыдцакэа ианаамтоу инарыгзоит.

Атцаараҕы ихадоу усны дахэапшуеит ашколкэа рҕы апробациякэеи аексперименткэеи рымѡацгара. «Атеория експериментда ацсы тазам» хэа икоу агэаанагара агэра диргоит аус здиуло истудентцэагы, иаспирантцэагы.

А.М. Касланзиа ескынгы иҕыцу цшыгарак, ҕыцлагаларак ицшаауеит, уи дацэаашьом, имарианы идикылоит. Ишдыру еицш, аамта цхьака ицаццхьаза, рҕырыпсахуеит арцага шэкэкэа рцакгы, рформагы, урт рызнагашья аметодикагы. А.М. Касланзиа, иахьатэи алагартатэ класскэа ртагылазаашья аиҕтэра хыкэкыс икацаны, цакылагы формалагы зынза иҕыцу арцага шэкэкэа реикэыршэара даҕуп, ари аус ацшэа змоу арцаѡцэа адыцхьаланы.

Афилологиятэ тцаарадырракэа ркандидат А.Е. Ашэбей иарей аус рыдырулоит «Апедагогикатэ терминкэа», «Аметодикатэ терминкэа» захьзу ѡ-усумтак, аитагаракэа рыдагы, аилыркаагакэагы рыцны.

А.М. Касланзиа насыц змоу уаѡны ихы ицхьазоит. Уи иахья ицшьѡы-матацэа дрылагэырҕѡ дыкоуп. Ихатэ ѡыза Светлана Ломиацхаи иарей атаацэара бзи апырцеит, ѡыцья апхацэа хазынакэа раазеит, атара дукэа ддырцеит. Светлана, аҕар раазараҕы ацья збахьѡу, арцаѡы-азаѡы, дарҕажэѡаны дивагылоуп дызѣу иускэа зегы рҕы. Уи илылшаз рацѡоуп Алыкьса Махаз-ипа иахья еицырдыруа царауаѡны, тцаарадырыѡны икаларазы.

А.М. Касланзиа иахьагы иусура цкым. Цсшьаха имазамкэа иҕацхья ишьтоу ипланкэа наигзоит. Убарт зегь рыдагы ижэлар дыгэгэаза дрылагылоуп рхьаа ихьаауп, ргэырҕьара игэырҕьароуп.

Гэык-цсыкала идысныхэалоит атцарауаѡ ииубилей! Изеиҕасшьѡит агэабзиарей, агэамчи, ашыкэс рацэеи, инапы злаку аускэа зегы рҕы аманшэаларей!

А.Ф. Авидзба

Е.К. АДЖИНДЖАЛ И ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АБХАЗИИ

(К 85-летию Е.К. Аджинджал)

Абхазский ученый и публицист Аджинджал Ермолай Кесугович родился 28 июня 1933 г. в селе с. Пакуаш Очамчырского района. В 1961 г. окончил абхазо-русское отделение СГПИ им. А.М. Горького. Работал на целине, затем, вернувшись в Абхазию, – научным сотрудником отдела искусствоведения АБИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Затем в разное время он – директор Дома пионеров и школьников г. Ткуарчал, сотрудник Очамчырской районной газеты «Акоммунизм ахь», подземный горнорабочий Ткуарчалской шахты № 2. С 1968 г. – сотрудник Абхазского государственного музея, с 1995 г. по сегодняшний день – сотрудник АБИГИ. Являлся депутатом Народного Собрания – Парламента РА второго созыва.

Значимость человека можно понять, рассматривая его биографию в контексте времени, в котором он живет и творит. Предоставим слово самому Е. Аджинджал: «Как бывший студент и воспитанник Тамары Платоновны Шакрыл, я после окончания института принимал активное участие в политической борьбе против грузино-советского колониального режима в Абхазии. Так, в 1965 году за участие в массовой политической акции в здании Дома пионеров и школьников в Сухуме и выступление во время нее мне в Ткварчельском горкоме партии был

объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Через некоторое время меня пригласил в Сухум заместитель Предсовмина Абхазии Аслан Тамшугович Отырба. А.Т. Отырба посоветовал написать заявление первому секретарю обкома для рассмотрения на бюро вопроса о возможном снятии с меня выговора. По его словам, если с меня снимут выговор, то это будет в какой-то степени реабилитацией абхазской молодежи, которую тогда компартия обвинила в национализме». Но тогда вопрос не был решен в пользу Е.К. Аджинджала, А.Т. Отырба и поддерживавших их. Далее Ермолай Кесугович сообщает: «Через некоторое время А.Т. Отырба опять, уже тайно, пригласил меня к себе и с большим сожалением говорил о том, что «мы проиграли». Тем не менее он по-отцовски посоветовал мне не падать духом и сказал: «Будет время, когда мы победим».

Не секрет, что иногда иного можно добиться ценой невероятных усилий, а нередко и самой жизни, а в других обстоятельствах то же самое не стоит никаких усилий. Это обстоятельство не позволяет понять представителям разных поколений, как правило, поколений, следующих за жертвенными отцами, смысл того, что у них есть. Возможно, потому люди перестают ценить то, что имеют сегодня. Им кажется, что добиться было не сложно, ибо они живут в других обстоятельствах и проблемы у них совсем другого порядка. Ситуацию осложняет не желание поколений знать друг о друге, что невозможно без знания истории, далекой и не очень. Отсюда конфликт поколений, который приводит к недооценке или к неадекватной оценке вклада в историю предшествующего поколения. Незнание истории приводит к неправильной ее оценке, за которой следует неадекватное поведение, которая в конечном итоге может привести к потере достигнутых предшественниками завоеваний. В силу этого неразрывная связь поколений, в том числе через знание и анализ истории, является необходимым условием для выживания народов в современном мире. Не зря некоторые исследователи называют историографические войны сражением за право остаться со своими предками.

Осознанием всего этого было продиктовано создание в Гудауте временного научно-исследовательского Центра по изучению войны в Абхазии еще в ходе самой войны (Газета «РА», № 25, 20 мая 1993). Автором этой идеи выступил Е.К. Аджинджал. Он считал, что писать историю войны нужно было уже тогда, т. к., по его справедливому мнению, «правда об этой войне должна стать достоянием человечества». Весной 1993 г., т. е. в разгар боевых действий на фронтах Отечественной войны в Абхазии, в Гудауте состоялись первые два заседания названного Центра. По мнению Е.К. Аджинджал, в деятельности Центра приоритетными темами должны были стать: «Военная история Абхазии с древнейших времен и до наших дней», «Борьба народов Абхазии с шеварднадзевскими агрессорами», «Героизм защитников Родины», «История боевых

действий», «Формирование родов и видов войск», «Военное искусство и военная мысль», «Тыл – фронту» и т. д. Также особого внимания требовала тема участия в освободительной войне Абхазии добровольцев из братских республик Северного Кавказа, России, представителей абхазской диаспоры Турции и ряда других стран. Следующей важной темой в работе Центра должно было стать исследование вандализма агрессоров в отношении научных и культурных ценностей Абхазии. Однако по различным причинам Центр прекратил свое существование, так и не приступив к работе.

«Война есть война. Она никогда не обходится без жестокости и несправедливости и тем более без преступлений. Но в этой войне произошло одно событие, которое не имело аналогии в истории войн всех времен... В Сухуме без всякой военной необходимости далеко от линии фронта, в центре оккупированного города совершило беспрецедентное варварское преступление...». Эти строки принадлежат Е.К. Аджинджал. Речь идет о сожжении зданий Абхазского государственного архива и АБНИИ 22 октября 1992 г. в оккупированном Сухуме.

Еще в ходе войны, когда Абхазия находилась на грани выживания, 10 декабря 1992 г. в статье «Хатынь абхазской науки» Ермолай Кесугович предлагал организовать государственную комиссию для всестороннего изучения обстоятельств сожжения Абхазского института и Госархива и через ЮНЕСКО начать международную кампанию по организации бойкота грузинского научного сообщества. Предлагал также объявить день сожжения АБНИИ и Госархива траурным днем абхазской науки. Этой теме посвящен и в последующем целый ряд его публикаций. Более того, можно говорить о том, что эта тема является лейтмотивом его выступлений и публикаций на протяжении более чем 25 лет.

Еще один вопрос, к которому часто возвращается Е.К. Аджинджал, – место науки в нашем обществе. Он считает науку локомотивом государства. При этом его возмущает тот факт, что у нас сегодня нет государственной политики в области науки. Он часто и во многом справедливо повторяет, что как церковь по Конституции отделена от государства, точно также у нас наука отделена от государства. И этот подход со стороны государства транслируется обществу, в силу чего теперь наука и ученые не имеют никакого авторитета среди нашего населения. Все это приводит к тому, что подготовленные молодые люди, потенциальные ученые, не идут в науку, ибо это не престижно, так как интеллектуальный труд плохо оплачивается или не оплачивается вовсе и имидж ученого сегодня не соответствует имиджу успешного человека. А сегодня не модно быть не успешным. В итоге это приводит к снижению общего культурного уровня нашего общества в целом. Вот мы и ходим кругами. Если мы не разорвем этот замкнутый круг в ближайшем будущем, мы рискуем остаться без науки. Кто-то скажет, причем, особо не напрягая свои извилины, «не велика потеря». Но это не так.

Еще одной темой жизни Ермолая Аджинджал в последние 25 лет можно назвать проблему международно-правового признания Абхазии и соответствия требований абхазского народа Международному праву. Ей он посвятил целый ряд публикаций, самой значительной из которых является работа «Абхазская реконкиста и международное право» (Сухум 2002).

В ней он с помощью международных документов, таких как «14 пунктов Вильсона», Устав ООН, Международный пакт, принятый в 1966 году «Об экономических, социальных и культурных правах», Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 год), Всеобщая декларация прав народов, принятая Алжирской Конференцией 1976 года и др. защищает право абхазского народа на самоопределение.

По мнению Е.К. Аджинджала, в 1993 г. в Абхазии совершилась обыкновенная реконкиста, т.е. отвоевание Родины от колониального режима, как это бывало во многих странах мира. И сама эта реконкиста (деколонизация) обусловила и довела до логического конца политическое самоопределение абхазской нации. Он считает, что это объективно обусловленное явление, т. к. абхазы не могли рано или поздно не освободить свою Родину от чужой власти! Тем более, что они раньше имели многовековой опыт независимого существования в пределах собственного государства.

Названную работу Е.К. Аджинджал заканчивает благодарностью своему другу Зауру Махазовичу Гиндия и добавляет: «Могу с гордостью заявить, что благодаря постоянному общению с этим глубоко образованным человеком, я смог написать данную работу» (Аджинджал 2002).

Остановлюсь на двух эпизодах, сообщаемых З.М. Гиндия (тем более его сегодня нет здесь). 23 сентября 1979 г. в селе Пакуаш проходил сход жителей села, посвященный проблеме восстановления абхазской топонимики. На этом сходе Заур Гиндия, работавший тогда юристконсульт в селе, выступил с резкой критикой деятельности Л.И. Брежнева на посту Генсекретаря и главы государства. После этого он вынужден был покинуть собрание, но не ушел домой и остался дожидаться его окончания во дворе. Собрание завершилось уже затемно, он стал невольным свидетелем обсуждения своего поступка присутствующими на собрании. Они, в частности, обменивались такими репликами, что интересно со многих точек зрения:

- Говорят, он получал инструктаж из Абхазского музея.
- Да, получал. Мы это знаем. Он тесно связан с этим логовом.
- Как он снюхался с ними?
- Через этого очкарика. Как его зовут, Кесуга Аджинджала сын?
- Ермолай.
- Да, да, Ермолай! С ним приезжал еще некий Николай Шенкао, северокавказец. Они часто гостили у него дома.

– Выходит так, что их тоже могут зацепить?

– Обязательно зацепят! Да еще как зацепят. КГБ – это тебе не клуб благородных девиц. КГБ, дорогой ты мой человек, могуч и всесилен.

14 октября 1979 г. З.М. Гиндия был задержан сотрудниками КГБ Грузии и Абхазии и заключен в Тбилисскую спецтюрьму КГБ Грузинской ССР. Во время одного из допросов Председатель КГБ Грузии А.Н. Инаури в разговоре с ним в тюрьме заявил: «...вы, абхазы, вынашиваете планы отторжения Кавказа от СССР. А этого никто вам не позволит. А таких, как ты, националистов и антисоветчиков, мы в силах утихомирить без особого труда, если надо будет». При этом А.Н. Инаури заявил, что абхазы собираются провозглашать Черкесскую Республику, будущим Премьер-министром которой он назвал Е.К. Аджинджала.

Ермолай Кесугович является автором значительных исследовательских работ: «Абхазский государственный музей», «О приоритетах исторического абхазоведения», «Из истории абхазской государственности», «Из истории христианства Абхазии» и др. Он один из немногих абхазских исследователей, работы которых публиковались еще в то время в авторитетных центральных научных изданиях, таких, как «Вестник древней истории». Его сотрудничеству с московскими изданиями содействовал тогда работавший в Институте востоковедения В.Г. Ардзинба. В связи с этим интересно привести отрывок из письма В.Г. Ардзинба Ермолаю Аджинджал от 24 февраля 1986 г.: «Дорогой Ермолай. Должен тебя слегка огорчить, к сожалению, несмотря на мои старания, в ближайший выпуск “Византийского Временника” твою статью включить не смогут. Теперь мне окончательно ясно, что дело, видимо, не только в том, что в этом номере нет места. Поэтому я хотел бы знать твое мнение по следующему варианту. Нет никаких сложностей с публикацией твоей статьи в аспирантском сборнике нашего института. Он сдается в мае – июне с. г. и выйдет (в самом крайнем случае) в первом квартале 1987 г. Вместе с тем остается возможность сунуться в “Вестник древней истории”, где у меня возможностей больше, чем в “Византийском Временнике”».

Во время работы в музее Е.К. Аджинджал неоднократно получал приглашения на международные симпозиумы и конгрессы (из Италии, Англии, Франции, Швейцарии, Индии и т. д.). Его статья «О культуре металла у абхазов» была опубликована в Италии в виде тезисов на итальянском, французском и английском языках.

Безусловно, человек, высказывающий свое мнение по столь широкой проблематике, не может всеми восприниматься одинаково хорошо или наоборот. Действительно, с некоторыми взглядами и умозаключениями Е.К. Аджинджала можно, а иногда, может, и нужно не соглашаться. Но это не отменяет того факта, и с этим не могут не согласиться все, кто

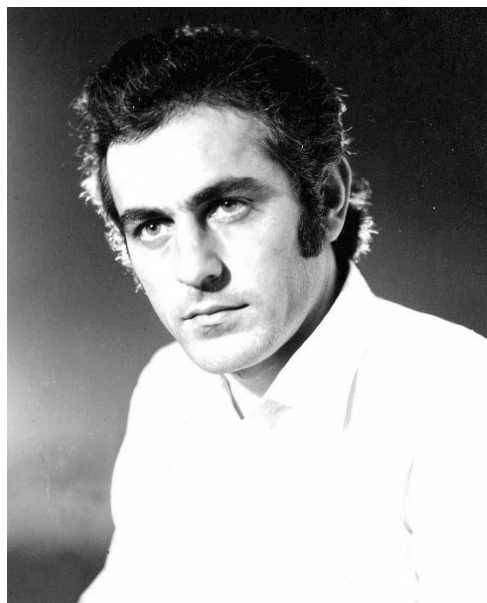
знаком с ним или с его работами, – он равнодушный человек и считает себя ответственным за все то, что происходит в стране. Думаю, не ошибусь, если скажу, что именно равнодушных людей больше всего нам сегодня не хватает.

Как уже не единожды говорилось, Ермолай Аджинджал – не только исследователь исторических процессов, но и активный их участник. Поэтому написание им своих воспоминаний было бы весомым и значительным вкладом в новейшую историю Абхазии. И прекрасным материалом для исследователей.

ПОРТРЕТЫ УЧЕНЫХ

А.Ф. Авидзба

ВЯЧЕСЛАВ БГАНБА – ПУЛЬСИРУЮЩИЙ НЕРВ СОВЕСТИ
(К 65-летию В.М. Бганба)

«Отношение к абхазскому языку граждан неабхазской национальности, как к языку основного (коренного) населения республики, лежит целиком в сфере нравственности», – это слова Вячеслава Бганба – ученого, ставшего воином. Он воевал на Гумистинском и Восточном фронтах. Известный штурм г. Очамчыра в ночь с 25 на 26 октября 1992 г. окончилось неудачей. Во время отступления на исходные позиции его подразделение попало в засаду, и большинство бойцов погибло.

В дальнейшем В.М. Бганба не раз говорил, что он и командир того подразделения «Дед» понимали, какому риску подвергают себя бойцы, выбрав путь отхода, но когда большинство так решило, ни командир, ни он не могли их бросить. В этом неравном бою В.М. Бганба был тяжело ранен и в бессознательном положении попал в плен. Через некоторое время был переправлен в Тбилиси, где его поместили в тюрьму вместе с уголовниками, однако, местные авторитеты заявили, что они уважают человека, защищающего свою родину и не дадут его в обиду. Затем его обменяли.

Когда после войны В.М. Бганба попросили рассказать о своем участии в названной операции, естественно, он не был бы собой, если бы

стал рассказывать о себе. Вот, в частности, его слова об этой операции: «С точки зрения стратегии и тактики войны, Очамчырскую операцию вряд ли можно назвать неразумной, а ее итог – безрезультативным или поражением для нашей стороны. Фактор влияния этой операции не ограничивается кратким временем ее продолжительности; она наложила глубокий отпечаток на весь ход войны, став одной из важнейших слагаемых, предопределивших ее исход...».

После освобождения из грузинского плена, он принимает участие в январской операции в качестве рядового бойца, а в последующих – на должности заместителя комиссара Первой мотострелковой бригады Гумистинского фронта...

Вячеслав Бганба видел и говорил о том, о чем другие может и видели, но говорить не всегда решались. Он не мог никогда переждать какую-либо ситуацию в стороне. Всегда был в центре событий и имел, конечно, свое мнение относительно происходящих процессов и считал себя ответственным за их исход.

Вячеслав Бганба был похож на постоянно открытый и пульсирующий нерв. Его уход стал неожиданностью для всех и серьезным ударом для многих. Возьму на себя смелость предложить вниманию уважаемой публики не большой текст, написанный под впечатлением известия о его гибели и опубликованный накануне его похорон. Текст излишне личный получился, за что я заранее приношу извинение.

Он победил войну, но мир победил его. Новость не новая. Мы не досчитались очередного «невольника чести». Теперь уже нет с нами и Славика Бганба. Он ушел, и вместе с ним ушло одно из самых лучших частиц меня, и груз беспросветной безысходности давит на сердце, голову и всю мою сущность. Ушел, оставив после себя невосполнимую зияющую пустоту. В такие моменты как бы вдруг осознаешь, что вокруг тебя столько пустоты, что люди начинают походить на те неприкаемые молекулы, которые из-за чрезмерной пустоты вокруг себя находятся в постоянном хаотическом движении. Суета становится всепоглощающей, а безысходность непреодолимой. Конечно, сам Славик, если бы мог, стал бы «доказывать» обратное...

Его предназначением в этой жизни было заражать окружающих жизнелюбием. Надо сказать это ему удавалось. Посреди тусклой повседневности и бессмысленной суеты появлялся вдруг он, и его улыбка озаряла все вокруг. Рядом с ним плохое казалось хорошим, холодное становилось теплым, а свеча, горевшая на последнем издыхании, вдруг представлялась светом в конце тоннеля. Тем более его быстрый уход стал шоком для всех, кто его знал или хотя бы слышал о нем. И первое, что может прийти в сильно воспаленную и отказывающуюся “работать” голову только мысль о том, что он всегда знал про свой уход и держал его как запасной выход из лабиринтов столь запутанной жизни. В на-

шем мире все перемешалось, ложь зачастую одолевает правду и многим становится очень нелегко найти в себе силы жить со всем этим.

Так чего же в нем было больше: земного или потустороннего? При своей безудержной воле к справедливости, абсолютном неприятии высокомерия и мещанского пижонства, Славик оставался воплощением тактичности. Восхищала его мягкая бескомпромиссность. Он никогда не ошибался, всегда был на стороне правды, а может сама правда оказывалась на его стороне. Он был своеобразный барометр, по которому можно было сверять свою позицию. Рыцарь чести. Человек с четко выраженной гражданской позицией, за свою жизнь ни разу не изменивший себе и своим принципам. Всегда и везде был на своем месте и делал то, что должен был делать. Вся его жизнь – до, во время и после войны – служит примером зрелости и стойкости духа.

В нем не было ставшей такой привычной фальши и двойной морали, и наверное, поэтому жизнь, где торжествуют двойные стандарты так жестоко свела с ним свои счеты.

Он жил между двумя измерениями. В его, теперь уже вечно красивых глазах читалось тоска по трансцендентному. В отличие от тех философов, кто только говорят об экзистенциализме, пограничное состояние было его стихией, а хождение по острию лезвия – нормой его жизни.

Подобный уход таких людей – протест против «нашей гнусной действительности» и свидетельство того, что люди перестали соответствовать своему предназначению.

Славик был пульсирующим нервом совести. Современное же общество не прощает этого, однако, с каждой такой потерей человечество приближается к повсеместному торжеству бессмыслия, подменивший теперь сам смысл.

Считаю уместным также привести слова из самой короткой публичной и самой известной речи Президента США Авраама Линкольна, жизнь которого также оборвалась трагически. Он ее произнес 19 ноября 1863 г. во время открытия солдатского кладбища в Геттисберге, Пенсильвания. Линкольн, в частности, сказал: «Деяниями храбрецов, павших и живых, которые сражались здесь, земля эта уже священна, и не в наших скромных силах что-либо прибавить или убавить. То, что мы говорим здесь будет лишь вскользь замечено и вскоре забыто, но то, что они здесь сделали не будет забыто никогда. Давайте же мы, живые, посвятим себя тому неоконченному делу, которые вершили здесь эти воины».

Воплощение в жизнь заветов и помыслов воинов родины и трепетное отношение к их памяти являются делом чести нынешнего и последующих поколений. Одним из таковых был, есть и будет Герой Абхазии Вячеслав Бганба.

В продолжение темы о памяти приведу строки Роберта Рождественского из его «Реквиума»:

Мечту пронесите через года
и жизнью наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет никогда, –
заклинаю, – помните!
И как сказал поэт:
Это нужно – не мертвым!
Это надо – живым!

Хочу завершить словами самого Вячеслава Бганба, которые, как и все сказанное им, актуальны и сегодня: «Возможно, мы не до конца еще осознали, что наши ребята, братья наши по крови с Северного Кавказа, волонтеры Свободы, поспешившие к нам на помощь из всех уголков России, отдали свои жизни не только ради спасения статистических 100 тысяч человек, но и, прежде всего, ради спасения нашего языка и культуры в целом, т. е. всего того, что «делает» нас народом, нацией, имеющей право на свою государственность».

И.Б. Басариа, А.О. Ачба, Ф.А. Лакрба

**КЪЫЛ-ЦХА ЕММА ҚЪААМЫН-ИЦХА – ЛЫЦСТАЗААРЕИ
ЛЫРҒИАРАТЭ МӨЕИ**

Апатриот иаша, апарауао, абызшәадырөы, аазао-арцаоы Къыл-цха Е.Қь. диит 1953 шықәса мшацымза 17 рзы, Гәдоутә район Кәланьрхәа ақыта, апсуа нхаоы Къылба Қъаамын ионатакны. Кәланьрхәатәи абжьаратә школ даналга, дталоит Акәатәи арцаоратә институт. Арака илымаз адырра бзиақәеи агәырцкәыли азгәатаны диаргеит Қарттәи Ахәынтқарратә университет афилологиятә факультет ахь. Ауниверситет даналга ашьтахь, дталоит Қырттәылатәи Академия иатәу Абызшәадырратә институт аспирантура «Кавказтәи абызшәакәа: ацсуа бызшәа» акәша.

1975 шықәсазы далгоит аспирантура. 1979 шықәсазы аусура далагеит Д.И. Гәлиа ихьз зху Абызшәеи алитературеи атоурыхи ринститут атцаарадырратә усзуо еицбыс. 1981 шықәсазы илыхъчеит акандидаттә диссертация «Батым инхо апсуаа ражәахәа ачыдарақәа» атема ала, напхгаоыс длыман кавказтцаао, абызшәадырөы, академик Қь.В. Ломтәтизе.

1985 шықәсазы аусура далагеит Апснытәи Ахәынтқарратә университет акны арцаоы сихабыс. 1986 шықәса инаркны лыцстазаара ацыхәтәантәи амшкәа ркынза Апсуа бызшәа акафедра адоцентс дыкан.

1990 шықәса инаркны Д.И. Гәлиа ихьз зху Абызшәеи алитературеи атоурыхи ринститут акны атцаарадырратә усзуо сихабын.

Иара убри ашыкәсан дкацан ари атцааратә институт апарауао-мазаныкәгаос.

1992 шыкәсазы Ацбынцътәылатә сибашьра рацхьатәи амшкәа инадыркны, хажәлар рзы зегь реиха иуадабыз аамтакәа раан, Емма Кбыл-цха лыпшәма Бганба Виачеслави ларей рыуаажәлар рыгәтә инагылеит: Виачеслав ибызцәа реишш абцъар шьтихит, Емма лакәзар, Владислав Григори-ица Арзынба ицхыраао-мазаныкәгаос диман. Рбыцъагы рыцсадгыли рыуаажәлари рзы рхы мшатакәа ацыхәтәанынзагы ирзаацсон...

Аибашьра ашьтахыгы урт тәамоахә рымамызт, Ацсуа хәынтқарра ашыкәыргылары иазаацсон, рыжәлари рбызшәеи рымац руан.

Убас, 1995–1996 шыкәсқәа рзы Емма Кбыл-цха аинститут аи-хабы ихатыцуао инапынцәкәа налыгзон. 1995 шыкәсазы инаркны напхгара алтон В.Г. Арзынба инапынцәла иаартыз Адиалектологиа тә лабораториа.

Лхәычреи лкәыпшреи инадыркны Емма Кбыл-цха адырра бзиа-кәа змаз, зыжәлари зыцсадгыли рзы згәы былуаз патриот иашан.

Лара лыпстазарей, лнаука тә усуреи, ацара-азарей, ацсуа жәлар рмилатәтә кәпара уси иузейкәымтхо ишеидхәалоу атәы умхәар залшом. Абри зегьы дазыхатцхатон, лара илыпстазааран.

Зегь рыла деикәшәан Емма: О.Б. Беигәа ихәан еишш, – «мыц зымхәазо» – абызшәа атцаарей, наукала аус адуларей, нас уи аҫар-астудентцәа рызнагарей дазказан. Лыжәларгы лбызшәа еишш бзиа илбон, цха дук рылтон (ари ажәеицаaira Омар Беигәаа ижәар акнытә иахзааз ажәоуп).

Лбызцәеи лколлегатәеи пату рыкәылтон, «ирҫыстаауа рацәоуп» лхәон.

Лнаука тә усуреи астудентцәа ацара дырцарей адагы, хыкәкыс илыман еицагыло аҫар ипатриотцәаны раазара, анаука агәбылра дырка. Лцаоцәеи лыстудентцәеи рхатә хәыцра рыманы, рхатәы тцааратә моа ылырхыртә еишш разыкацара дашьтан.

Лцаоцәа рсацхьа икәлыргылоз азцааракәа иреиуан: ацсуара аилазаараҫы ахатәы бызшәа иааннакыло атыц, ахатәы бызшәа досу ипстазаараҫы инанагзо афункциа, ацсуаа рбызшәеи рапсуарей иреихау акы адунеи аҫы ишыкам... Амилатәтә хдырра атәы далацәажәо урт идеиллыркауан:

1. Ацсуа бызшәа хәынтқарратә бызшәас измоу ауп – Ацсуа хәынтқарра захьзу.

2. Ацсуара шьатас изышытәоу ауп – Ацсуа хәынтқарра захьзу.

Абызшәа атцаара ганрацәала дазнесуан, дазәлымхан, дахцәажәон, сиусеишшым агәаанагаракәа лыдылкылон. Инарцауланы аус рыдылулон ацаруаа дукәа Н.И. Марр, П.К. Услар, Г.Ф. Турчани-

нов, И.И. Мешьянинов, А.Н. Генко, К.С. Шьякрыл, Т.П. Шьякрыл русумтақәа.

Акыр дылзааигәан пату лыкәылпцон ацарауаѳ, апатриот ду Шьякрыл Платон-ипча Тамара...

Къылба Қъаамын-ипча Емма лнаукагә тцааркәа зызкыз хыкәкыла амхацьырра калаанзатәи ацсуа бызшәа адиалекткәа ареконструкция рзура, реицашьякәыргыллара акәын. Убри иазкын лусумтақәа: «К проблеме реконструкции исторического садзского диалекта абхазского языка» (Джигетский сборник, 2012, ад. 106, 107) «Амхацьырра калаанза ацсуа бызшәа адиалектгә еилазаашья: тоурыхлатәи гәымстатәи адиалект аицашьякәаргыллара иазкны» (Вторые Иналиповские чтения).

Ишдыру еицш, ацсуа бызшәа асазуа диалекти гәымстатәи адиалекти рыла ицәажәоз ацсуа жәлар азәгы аанымхазеит рыцсадгьыл асы. Емма Қъаамын-ипча урт рцәажәашьякәа антылцаауаз лусумтақәа ркны еибылцеит, еицашьякәлыргылсеит урт рыхәтақәа. Уи асхемала иаалырцшит абас: ацсуа бызшәа асазуа диалект ахәтақәа: абаза бызшәа ашьяхаруатә диалект (Нхыц-Кавказ), фериятәи ацәажәашья (Батым акәша-мыкәша), Шьямтәыла инхо ацсуаа рцәажәашья (Шьямтәыла), Псхәаа рцәажәашья (Тыркәтәыла), Аибгәа рцәажәашья (Тыркәтәыла), Ахчыпсаа рцәажәашья (Тыркәтәыла). Дырзаатгылоит амхацьырра калаанзатәи Гәымстатәи адиалекти уи ахәтақәеи (1866–1867 шыкәсанзатәи). Уахь иацанакуеит Багбарантәи ацәажәашья (Ацсны), Тхәыбынаа рцәажәашья (Батым акәша-мыкәша), Ешыраа рцәажәашья (Тыркәтәыла), Гәымаа рцәажәашья (Тыркәтәыла), Цабалаа рцәажәашья (Тыркәтәыла), Акәатәи (Абжьякәатәи) ацәажәашья (Тыркәтәыла).

Емма Қъаамын-ипча атцаарақәа мөацьылгон цакырадгьылла, (алингвогеографиала), уи иамоу аметодкәа рхархәарала. Лнапы алакын абызшәатә атлас ашьякәыргыллара, уи азы рацхьаза иргылланы ацсуа қыта ажәахәа тцаатәын, еилкаатәын адиалектгә чыдарақәа рымехакы рхәааи ахьынзакоу.

Абызшәатә хсаалаґы ихадоу адиалектгә чыдарақәа рыцстазаарақәа раарцшразы лара иазгәалтон анкетатә метод ароль ахаракыра. Ари аметод ухы иаурхәаразы заа еикәыршәатәын адиалектгә чыдарақәа ирзынархоу азцаарақәа.

Нас, аицәажәараан урт азцаарақәа атцааґы ицырхырааны еизгатәын абызшәатә хсаала ашьякәыргыллара зырманшәалоз аилкаарақәа, избанзар, ари адиалектология наукала атцаара иадхәалан, акәаматамарақәаґы рацәан. Ари аусура хкы иаман ѳ-стапк. Иара иалаган 1995 шкәсазы актәи аетап аан – аибашьяра иалагаанзаґы ашьяклацшратә метод ала аус руан лара лыстудентцәа, анаѳс алабораториа аусзуѳцәа зегьы. Абри аусура иалтшәоуп Адиалектоло-

гиатә лабораториасы атыжыра иазырхиаз 200 кыпцхьбгыщ сидызкылоз, аннотация зылыоһыз, х-хәтак рыла ишыақәгылоу аизга.

Аха аизга акыпцхь ахь анагара аамтала иаанкылан, избанзар, Е.Қь. Кыл-пха илыдырцеит Тырқәтәыла инхо ацсуа тарауао, абызпәадырә, арккаоы Омар Беигәаа иусумтақәа атыжыра разырхиара.

Аибашыра иалагаанза 1991 шықәсазы Омар Беигәаа инаукатә иусумтақәеи илитературатә тынхеи реизгареи ртыжыреи ирызкны рапхьаза акомиссия ацпан. Еихабыс далхын Б.У. Шынкәба, акомиссия иалахәын Ш.Д. Инал-ипа, И.Гә. Аргәын уб. егь.

Ари акомиссия ахапшыгарала еизган 700 бгыщ инареиханы О.Б. Беигәаа инапылаоырақәа. 2002 шықәсазы, О.Б. Беигәаа ицстазаара даналц ашытахь еита иацпан акомиссия Ацсны аминистрцәа ркабинет икарцаз ацкапцәа ала (28 февр. 2002 ш. № 66).

2004 шықәсазы инаркны О.Б. Беигәаа инапылаоырақәа реизгареи, рытцаареи, акыпцхь разырхиареи рнапы алакын Емма Кыл-пха напхгара зылуаз адиалектологиятә лабораториа аузуюоәа.

Е.Қь. Кылба лыпстазаара цьбаан, аха абзабаагы ацын.

Апха замана длаазеит, лыпсы рыгран лмата хәычкәа – оыцья азгабцәа. Аха лгәы итаз, илызхымгоз ахьаа – лхатә оыза, лыпшәма ицстазаара иалцшыа. Уи иаанижыыз ацәахәақәа уанрыпцхьо ухәыужыы силагылоит, улагырзкәа узынкылом...

Ацстазаара ацьбарара

Ацанза изжәит,

Ғамоа-ғамоа ак тамыжкәа

Саға тасырцәит.

Иансымпыцшәа моашыарада

Акараҳәа ицеит.

Ак шәаосымгеит, ак шәаосымхит,

Сышьхәа самыцшит.

Кәарма-кәарма сыччапшы нысхит,

Сныхәа-ныпцхьа сымоа сықәлеит,

Сымшра ара ишәзынсыжыт...

Емма Кыл-пха лыпшәма Бганба Виачеслави лареи рыпсадгылылы рыуаажәлари рәапцхьа руалцшыа нарыгзеит, рыпсы ахтнырцеит.

Дара ацыхәтәанынза агәра ргон Ацсуа хәынтқарра апеицш бзиа, ацсуа жәлар аамта бзиа шырзыцшу, ацсуа бызпәа еснагы ишықәыоло Ацсынра. Урт ғырцшыган зегь рыла, рхатәы моеси рыпцстазаареи рылагы агәра удыргон, иагышыақәдыргәгәон ихара-

ку аидсалқәа. Емма Қъаамын-ицха лыуафрей, лиашарей, лхәыцра-
қәеи, лидеиақәеи ицсакъаны ажәлар ирылалцсит, лобызцәа ирыла-
лырцәсит, лцафцәа ишаны ирылцсит, ус анакәха, арт аидеиақәеи
агәалашәара лашеи цсра рыкәлазом. Даеа цстазаарак рымазаргъы
Еммагъы Славикгъы абас ламысла, уафрала итәны ирхыргон.

Л.Р. Хагба

**В.А. КАСЛАНЗИА – АУАДАӨРАҚӘА ИРИААИУАЗ
АРЦАӨЫ-АЦАРАУАӨ**

(В.А. Касланзиа 80 шықәса ихыцра иазкны)

Сажәа хацсыркусит ариабжьарак сызмыртынчуа агәтахәыц-
рақәа рыла. Исызхәарыма, ицсы таны дхалагылазтгы, иахьа 80
шықәса зхыцраны иказ ауаөы лаша, зыцстазаратә мөа уадаөрала
итәыз арцаөы-ацарауаө Владимир Арушьян-ица Касланзиа икәна-
гоу ажәа?! Исзеитахәарыма итаацәа, иуацәа, итынхацәа, иөызцәа
реацхьа иара дзыпсаз атәы, хгәалашәараөы дшынхаз атәы?!...

Владимир Арушьян-ица Касланзиа диит Очамчыра араион Кәтол
ақытан мшацымза 17, 1938 шықәсазы.

Мызкәак рыда зхымцуаз асаби илахь ианызаарын дызхылтыз
иаб ахаангы илакта азтамцшра...

Агазет «Ацсны кацшь» аусзуө, ацсуа журналистика ахацыркцәа
иреиуаз, ақыртуа графика иаөагылаз Арушьян Касланзиа жәлар
рага хәа дкыдцаны дшын. Иөызцәа ацсуаа рхөычкәа-агаранцақәа
реицш, дабыдаха даакәхөит Вова хөычы. Рапцта итиааз ацкөын нап
идкыланы драазсит, дымөақөырцөит Арушьян иашья гәакьа Махаз
ионатаөы.

Ацара бзианы изцааиуаз арцыс икытаөтәи ашкол даналга, 1954
шықәсазы дталөит Акәатәи арцаөратә цараиурта. 1958 шықәса-
зы, уи бзиазаны ианхиркәша ашьтахь, ицара иаццеит А.М. Горки
ихьз зхыз Акәатәи арцаөратә институт аөы.

1963 шықѳсазы қѳсиарала далгеит афилологиятѳ факультет апсуа бызшѳси алитературси анемец бызшѳси рыкѳша. Убри ашықѳсан аусура далагеит «Интурист» асистемаѳы, иара убас анемец бызшѳа арѳаѳыс.

1968–1969 шықѳсақѳа рзы зызырѳѳык иахасабала дыкан Қартѳи ахѳаанырцѳтѳи абызшѳақѳа ринститут акны сиеѳааз, здырра хараку ахѳаанырцѳтѳи абызшѳақѳа рырѳаѳѳа ирызкыз Ирсихазоу акурсқѳа. Иара убракагъы дрыцхѳон анемец бызшѳазы алекѳиакѳа.

1969 шықѳсазы ацарашықѳс ианалага инаркны, Владимир Арушьян-ипа рѳаѳы сихабыс аусура далагеит Акѳатѳи ахѳынтқарратѳ рѳаѳратѳ институт ахѳаанырцѳтѳи абызшѳақѳа ркафедраѳы.

1976 шықѳсазы Москва, Асовет Еидгъыла атѳаарадыррақѳа ракадемиа иатѳыз Абызшѳадырра аинститут аѳы сицырдыруаз абызшѳатѳаѳы, акабарда царауѳ Мухадин Кумахов инапхгарала Владимир Касланзия афилологиятѳ тѳаарадыррақѳа ркандидат хѳа ахъз аиуразы ихъчит адиссертация «Сложные слова в абхазском языке» («Еилоу ажѳақѳа апсуа бызшѳаѳы») атемала. Иусумтѳаѳы автор иеазишѳоит апсуа бызшѳаѳы силоу ажѳақѳа ихадоу рѳицкѳеи урт рышѳақѳыргыларазы хархѳагақѳас иѳоуи разгѳатара. Анемец бызшѳаѳыгы ажѳахырсиааразы ихадоу моделькѳоуп хѳа апсуа бызшѳаѳеицш ицхъзоуп ашьѳеицарси ажѳеицарси. Уи абызшѳа дахъзказаз иабзоураны, адиссертант сиеѳирцшит апсуа, анемец бызшѳақѳа реишьашѳалара зныцшуа аматериалқѳа. Арт аусумтѳақѳа хазшѳѳкѳны итѳцит 1998 шықѳсазы. 1982 шықѳсазы Владимир Арушьян-ипа ихцан анемец бызшѳа акафедра адоцент хѳа ахъз. 1993–1998 шықѳсақѳа рзы анемец бызшѳа акафедра анапхгаѳыс дыкан. 1999 шықѳсазы – ари акафедра хатыр зкѳу апрофессор хѳа далкаан.

1998–1999 шықѳсақѳа рзы Акѳатѳи Иаарту аинститут рацхъатѳи ректорс дыкан.

1994 шықѳса инаркны ицстазаара апцхѳѳѳантѳи амшқѳа реынза атѳаарадырратѳ усзуѳ нага хѳа дыкан Апсуатѳааратѳ институт абызшѳа акѳшаѳы.

Ирсиратѳ мѳа хазатгъыло, иазгѳахтѳап зегъ реиѳа апцѳѳѳара змоу алексикографияси алексикологияси рхырхартѳ шакѳу, чыдалагъы, ажѳацкақѳа реицш, амилат рхѳыцшьѳа, рказшьѳа, рхымѳаѳцгашъѳа зныцшуа афразеологизмқѳа реизгара, рытѳаара.

1966 шықѳса инаркны ажурнал «Алашара» ианыло иалагеит Владимир Касланзия итѳаарадырратѳ статиақѳа. Еиқѳахапцхъзап ацарауѳ иусумтѳақѳак: «Апсуа бызшѳа афразеологиятѳ жѳар» (1999), «Ажѳақѳа “агѳы”, “агѳаѳѳа” ирыдхѳалоу афразеологизмқѳа апсшѳаѳы» (1990), «Апсуа-аурыс фразеологиятѳ жѳар» (1995), «Апсуа бызшѳа асинонимқѳа иазыркѳаѳу ржѳар» (1981).

Хатала сара Владимир Арушьян-ица дыздырит 1971 шықәсазы, ускан ацара сцон аобатәи акурс асы, иара дзылгыз азанаат апсуа бызшәси анемц бызшәси рыкәшаәсы. Бзиа сицаабоз харцаоы дқәы-цшын – 32 шықәса ракәын ихыцуаз. Хара, 15-оык анемц гәыц асы иказ астудентцәа (ускан апсуа-анемц сицш, икан апсуа-англыз, апсуа-афранцуз гәыцқәа) Владимир Арушьян-ица иказшәа хәхнах-уан, дацаасырбаны иихәоз анемц бызшәа сихагғы иахгәанарцхон. Апсшәара анхамазгғы, акоридор асы дхакәшпәр, дсацхаәаччо алафқәа хәихәо далагон. Ашьтахь сара ахпатәи акурс акынтәи Қартгәи ахәынцкарратә университет афилологиятә факультет кавказтәи абызшәақәа рыкәшахы сиаргеит. Азынтәи, ацхынтәи апсшәарақәа анхарталак, хәара атахума, аоныка – Апсныка акә-ын схы ахьхаз. Аамта цшааны, рацхьатәи синститут ахь снейлон, сырцаоцәа збон. Владимир Арушьян-ица, ишиказшәаз сицш, алаф ала ихациркуан хәикәшпәара: «Бара Арстаа-цкәын бысцәигеит, аха уажәыгғы бшыстаху бдырузааит» – ихәалон. Ускан ацаоы-арцаоы хәа хабжәара зхы акыз агәеизыбылра сихагғы иацлеит Хцбынцъ-тәылатә сибашәра ашьтахь Владимир Касланзиа Апсуатцааратә институт абызшәа акәшаәсы аусура данхацалага инаркны.

Сара сзы имариазамызт апсуа бызшәатцаара ахыбаоқәа сидыз-кылоз ари акәша ахагылара. Ускан нап сыдызкылаз, сыгәра згаз, зылацш схыз драцхьагылан Владимир Арушьян-ица.

Нас ихы шцамоацигоз Хцбынцътәылатә сибашәраан хызла-цшала зыцсадгбыл зхы акәызцаз Беслан иаб? Избан, изизымхазеи Владимир Арушьян-ица данысабизаз инаркны игәы ицаланы дыз-былуаз агәырәа? Итахашәа шцакала Беслан? Абри азцаара ашьтахь иахараны иказ атак акәын дзыруазыруаз аб. Ицазацә фырхацары-ла дыштахаз анеликаа, игәы кажаны, агәакра иалагылаз ижәлар гәакыа хацацас дрылабжәеит.

Аибашәра ашьтахь хинститут асы аусура даналага, хәара атахума, хәигәырғеит зны ихарцаоыз иахәа сихагғы дахзааигәаны дахыка-лаз, аха досу ххы хазцаауан, изыхгарыма ари ауао иоуз акы сицшым ахәра, имч азхарыма атцаарадырратә усура? Иара дкәышымзи, хаб-лақәа ирхибаалон хәгәтахәыцрақәа. «Шәымшәан, акгғы сыхьзом, сыцшәмеи сареи ианахтаху хәеины, ххәычы игәы хнапы нықәахшә-усит, уи Анцәа ихамтоуп. Шакаоы нхада рычкәынцәа рыбаоқәа ры-мамкәа, ак апкыыс ак сицәоуп, хәсхаргәгәроуп, аиаaira хамгеи, уи акәымзи аус злаз?» – хәа хәихәеит.

Иеиргәгәеит Владимир Арушьян-ица... Ариабжәарак сеита-рыхәапшуан ускан икахцоз ахасабырбақәа. Зызбахә хамоу ацара-уао иара усты шықәсык иаоимыжыт, ма шәкәык тмыжкәа, ма статиак, рецензиак имоыкәа, агазет, арадио, ателехәапшра ркны дықәымгылақәа.

Ҳәара атахума, игәабзиара уашәшәырахаанза алекциақәагы дрыцхьон. Ҳрызхьацшып хадаратәла инапы злакыз аусумтакәа: 1999–2003 шықәсақәа рзы аус адиулон «Ацсуа-аурыс жәар», 2005 шықәсазы уи ъ-томкны итыцит. 2000 шықәсазы итыжын зеиқәыр-шәара далахәыз, редакторсгы дызмаз «Аурыс-ацсуа терминологиатә жәар». 2000, 2001, 2002 шықәсақәа рзы немец бызшәала итыцит еицеигаз «Кавказ ашьхарыуа жәларқәа ражәацкақәа», «Кавказ ашьхарыуа жәларқәа рлакәқәа», «Ацсуа жәлар ражәацкақәа».

2003 шықәсазы итыцит иусумта «Афразеологиатә синонимқәа ацсуа бышәаеы». 2004–2007 шықәсақәа рзы акәша аплан ала аус адиулон «Ацсуа-анемец-аурыс фразеологиатә жәар», итыцит 2010 шықәсазы. 2008 шықәса инаркны хышықәса аус адиулон «Ацсуа афразеология ашьатақәа» захьыз атема, аицәажәарагы хаман уи адоктортә диссертация аҳасабала ахьчарахь инахашьтусит хәа...

2008–2009 шықәсақәа рзы мац-мац рхы идырдыруа иалагеит ихигахьаз агәыцжәарақәа. Урт инарываргыланы, иара ианакәызаалак ицауланы иныруан ацсуаа ҳаоныцка уафы игәы казыжьыртә имоа-цыслоз ахтысқәа. Абра иахгәалахаршәар ахәтоуп хмилац рзы ацак дузза зауз, 1977 шықәсазы ибыз ашәкәы знапы ацазбыз 130-бык рхыцхьазараеы Владимир Касланзиагы дшыказ.

Дахьыкоу адунси аеы ҳнеианза Владимир Арушьян-ица игәхьаа-гара ҳацзааусит, ртыц иқәахцоит иахзынижьыз анапылабырақәа.

АВТОРЦӘА ИРЫЗКНЫ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авидзба Аслан Фазлыбеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Ажиба Альдона Шотовна – доктор филологических наук, профессор АГУ

Арстаа Шота Константинович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языка Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, академик АНА

Архимандрит Дорофей (Дбар Дмитрий Заурович) – доктор богословия, старший научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Ачба Алина Отариевна – младший научный сотрудник диалектологической лаборатории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Басария Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, заведующая диалектологической лабораторией Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, академик АНА

Богославская Марина Ефимовна – кандидат экономических наук, доцент АГУ

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, директор Центра нартоведения и полевой фольклористики АГУ, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, профессор, президент АНА

Добровольская Варвара Евгеньевна – кандидат филологических наук, заведующая сектором нематериального культурного наследия Центра культуры народов России

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, профессор АГУ, чл.-корр. АНА

Лакрба Фатима Алексеевна – младший научный сотрудник диалектологической лаборатории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Медвенский Николай Игоревич – научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Нюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

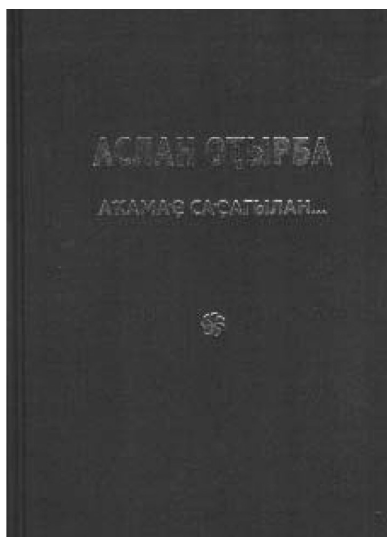
Хагба Лили Ризовна – доктор филологических наук, заведующая отделом языка Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, чл.-корр. АНА

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, директор Института экономики и права АНА, чл.-корр. АНА

Чукбар Кама Тариеловна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент АГУ, заведующая кафедрой «Агрономия» АГУ

Экзеков Мусса Хабалевич – доктор технических наук, президент АНО «Алашара», Почетный член АНА, председатель ВААК

НОВЫЕ КНИГИ

А.Т. Отырба

Акамағ сағағылан

Еиқәиршәеит А.Ф. Авидзба. Акәа, 2017. 832 д. Атираж 300.

Иналукааша ацсуа хәынтқарратә, ауаажәларратә усзуоы А.Т. Отырба ишәкәы еиднакылоит автор ицсы антаз акыпцхь збоз икәгыларақәеи ипстазаара даналтц ашьтахь ионатаҒы иаарцшу аматериал-кәеи. Атыжымта шыакәгылоуп х-кәшаки аццеи рыла.

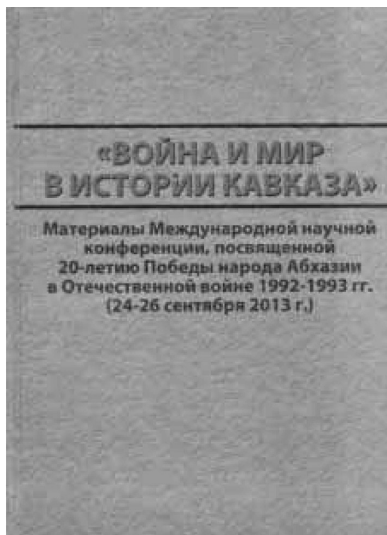
Л. Ачба

Воспоминания черкесской принцессы

Перевод с турецкого В.Д. Авидзба
Сухум, 2017. Тираж 1000.

Воспоминания черкесской принцессы Лейлы Ачба были подготовлены к печати и изданы ее племянником Харуном Ачба. Она несколько лет провела во дворце последнего османского падишаха, была придворной дамой одной из его жен. Перевод воспоминаний с турецкого языка осуществлен абхазским историком Владимиром Джамаловичем Авидзба, в течение 20 лет работавшим

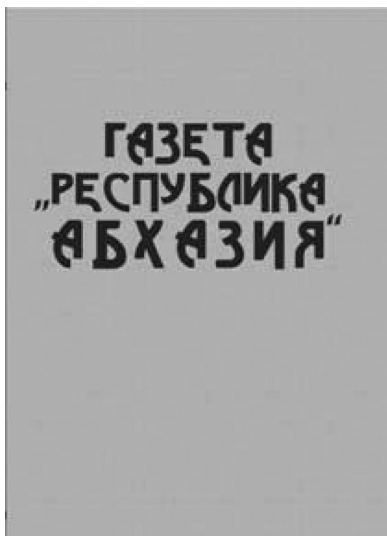
Полномочным Представителем Республики Абхазии в Турецкой Республике.

Война и мир в истории Кавказа

Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992–1993 гг. (24–26 сентября 2013 г.) Сухум, 2016. 380 с. Тираж 500.

В сборник вошли материалы Международной научной конференции «Война и мир в истории Кавказа», посвященной 20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992–1993 гг..

Газета «Республика Абхазия»

14 августа 1992 г. – 30 сентября 1993 г.

Сост. А.Ф. Авидзба, В.З. Чамагуа

Академия наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

Сухум, 2017. 920 с. Тираж 500.

В издании собраны под одной обложкой выпуски газеты «Республики Абхазия», осуществленные во время Отечественной войны (1992–1993 гг.). Всего за это время было издано 75 номеров и одно приложение. Материалы газеты разноплановые, они отражают всю палитру жизни сражавшегося народа. Официальные до-

кументы, письма и обращения, сообщения штаба Минобороны, отчеты с собраний, пресс-конференций, сессий, очерки о воинах и погибших, мартирологи, дневники, а также стихи, рассказы и даже анекдоты, рожденные войной... Издание рассчитано на историков, политологов, студентов, преподавателей, а также на всех, кто интересуется новейшей историей Абхазии.

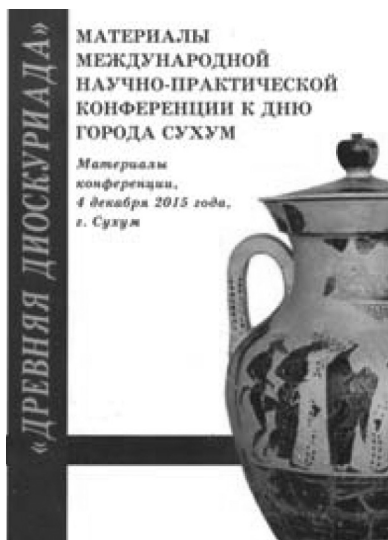
Материалы IV абхазской международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву

«Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур»

Сухум, 2017. 268 с. Тираж 300.

Сборник материалов IV абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьева (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум). В настоящем издании представлены материалы IV абхазской международной археологической

конференции «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур», посвященной памяти видного археолога-кавказоведа, одного из основателей абхазской археологической школы Л.Н. Соловьева. Тематика докладов отражает широкий круг археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего Средневековья, а также касается проблем сохранения историко-культурного наследия.

Материалы Международной научно-практической конференции к дню города Сухум: «Древняя Диоскуриада»

Материалы конференции, 4 декабря 2015 года, г. Сухум

Сухум, 2016. 104 с. Тираж 200.

В настоящем издании публикуются материалы Международной научно-практической конференции «Древняя Диоскуриада», посвященной дню празднования города Сухум. Конференция состоялась в г. Сухуме 4 декабря 2015 г. В работах участников представлена древняя история современного города Сухум.

В.А. Нюшков
История и культура апсиров
(II в. до н. э. – вторая половина VIII
в. н. э.)

Сухум, 2016. 216 с. Тираж 500.

Книга «История и культура апсиров (II в. до н. э. – вторая половина VIII в. н. э.)» является первым монографическим комплексным исследованием по апсидам, в основе которого положена кандидатская диссертация. В книге представлена история и культура апсиров от II в. до н. э. до второй половины VIII в. н. э., их международных связей. Материалы основаны на письменных и вещественных источниках, а также обширной историографии.

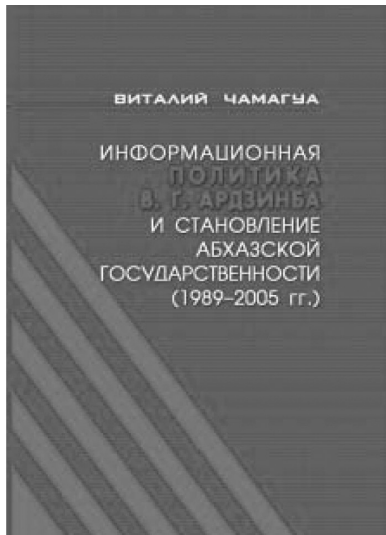

В.П. Романов
Абазинской словарь

Сухум, 2016. 172 с. Тираж 500.

Руководитель и основной исполнитель проекта: Абазов Альбек Чамирович, кандидат филологических наук. Соисполнитель: Шомахова Альбина Руслановна. Зарубежные партнеры: Саманба Леонид Хигович – кандидат филологических наук, Авидзба Василий Шамониевич – кандидат филологических наук, Утье Бернар – филолог, Международный конкурс РГНФ – Академия наук Абхазии (АНА) «Кавказ в исследованиях декабристов: о

неизвестной рукописи “Абазинского словаря” (Словаря абхазского языка и других черкесских наречий) В.П. Романова».

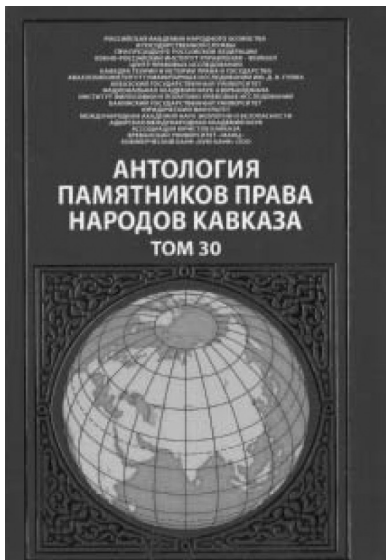

В.З. Чамагуа

Информационная политика В.Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989–2005 гг.)

Сухум, 2017. 408 с. Тираж 500.

Работа В.З. Чамагуа посвящена политике в области информации, которая, как известно, на современном этапе становится одним из главнейших рычагов достижения и воплощения в жизнь как тактических, так и стратегических задач. В книге деятельность В. Ардзинба рассматривается в контексте борьбы абхазского народа за независимость и становление современной абхазской государственности.

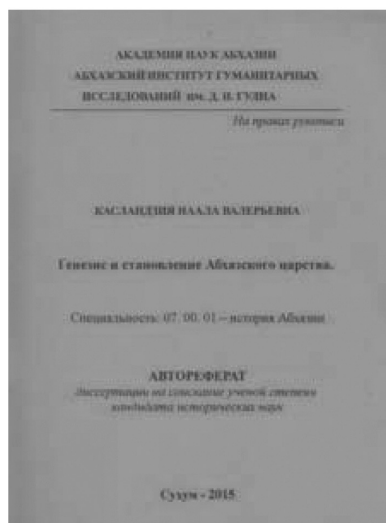
Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов

Сост.: Д.Ю. Шапсугов, А.Ф. Авидзба, С.Ш. Салакая, З.А. Яхтанигов

Ростов-на-Дону, 2017. 928 с. Тираж 350.

Настоящий том включает исторические сведения и документы, позволяющие реконструировать происхождение, традиционный уклад жизни, системы власти и права абхазов, одного из автохтонных народов Кавказа, сумевших сохранить свою национальную самобытность, государственность, правовую систему, основные

ценности национальной культуры. Книга рассчитана на преподавателей, студентов и аспирантов исторических и юридических факультетов вузов, историков, юристов, специалистов других смежных профессий и широкий круг читателей.

Н.В. Касландзия
Генезис и становление Абхазского царства

Сухум, 2015. 27 с.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В.А. Касландзия, Б.Г. Джонуа
Русско-абхазский словарь. В трех томах. Т. I. А – М

Сухум, 2016. 800 с. Тираж 1000.

Задача словаря – представить с необходимой полнотой абхазские эквиваленты к словам современного русского языка. Наряду с прямым перевод русских слов по необходимости приводятся примеры-цитаты, иллюстрирующие способы использования конкретного слова. К особенностям словаря относятся широко представленные в абхазской части синонимические основы, что должно облегчить работу переводчикам при выборе необходимого слова.

**Апсуа жэлэр рѣапыцтэ рѣиамта.
12 томкны. 11 атом: Хѣамтазтѣи апсуа
фольклор**

Еикѣдыршѣеит: А.Е. Ашѣба, В.А. Кѣа-
гѣаниа

Акѣа, 2017. 412 д.

Аизга еиднакылоит асовет аамтази уи ашьтахы иѣиаз, еиуеипшым ажанркѣа ирыцаркуа апсуаа рѣапыцтэ рѣиамтакѣа: ашѣакѣа, ажѣеинраалакѣа, ажѣабжькѣа, алафкѣа ухѣа. Урт аагоуп уаанза итыцхьоу ашѣкѣкѣеи, ажурналкѣеи, агазеткѣеи ркынтѣ. Арака ицѣыргоуп иара убас аизга аикѣыршѣащѣа хаѣалатѣи рфольклортѣ нѣамтакѣаггы.

В.А. Когониа

**Время и художественное слово (Ис-
следования. Фольклорно-этнографи-
ческие материалы)**

Сухум, 2017. 290 с. Тираж 500.

В настоящем сборнике представлены исследования, литературно-критические статьи ученого, посвященные актуальным проблемам современного абхазского фольклора и литературы, а также фольклорно-этнографические материалы, записанные в различных регионах Абхазии и переведенные на русский язык самим автором.

Третьи Международные аналиповские чтения

(Сухум, 4–6 октября 2017 г.)

Сухум, 2017. 580 с. Тираж 500.

В основе научного сборника – материалы Третьих международных Аналиповских чтений, состоявшихся в Сухуме 4–6 октября 2016 г. В пяти разделах книги представлены основные проблемно-тематические направления научной программы чтений, охватывающие различные аспекты кавказоведения и смежных дисциплин. Объектом пристального внимания являются вопросы сохранения традиций и новационных трансформаций в быту народов Кавказа, процессы этногенеза и специфика регионального исторического процесса, развитие литературы, фольклора, языка и их историко-культурные взаимосвязи. Материалы содержат блок, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося абхазского ученого Ш.Д. Инал-ипа.

М.В. Гумба

Сефербей

Сухум, 2017. 236 с. Тираж 500.

Работа научного сотрудника отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, кандидата исторических наук Михаила Гумба посвящена внутривосточным изменениям, наступившим в Абхазии после трагической гибели ее владельца Келешбея Чачба-Шервашидзе. Автор на основе сравнительного анализа и обобщения имеющейся исторической литературы как абхазских, так и зарубежных ученых-историков, а также с привлечением новых и малоизвестных документов предпринимает попытку показать борьбу за политическое господство в Абхазии между сыновьями Келешбея – князьями Асланбеем и Сефербеем. В работе показана получившая в исторической литературе противоречивую оценку деятельность князя Сефербея (Георгия), первого российского ставленника в Абхазии. Достаточно полно освещены предпосылки присоединения Абхазии к Российской империи.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНА»

В «Вестник АНА» принимаются ранее не публиковавшиеся материалы (статьи, архивные документы, фольклорно-этнографические записи, рецензии на изданную научную литературу, научное наследие выдающихся ученых и т. д.). Авторы представляют один распечатанный экземпляр работы и ее электронную версию (электронный адрес: westnikana@mail.ru). На титульном листе указываются Ф.И.О. автора, место работы, должность, ученая степень, контактные телефоны, адрес электронной почты. Публикации в «Вестнике АНА» бесплатные. Опубликованные в «Вестнике АНА» материалы размещаются также на сайте АН Абхазии (www.anra.info) в формате pdf.

Требования к оформлению текста:

1. Максимальный объем статей до 1 п.л. (40 000 знаков), рецензий – до 0,5 п.л.

2. Используемый текстовый редактор – Word, статьи на абхазском языке набираются шрифтом Times New Roman (абх), статьи на русском языке – шрифтом Times New Roman, на английском – Times New Roman (анг), кегль 14, межстрочный интервал 1.5, текст должен быть пронумерован и иметь титульную страницу.

3. Ссылки на литературу – внутритекстовые, в круглых скобках, по образцу: (Инал-ипа 1965: 77).

4. К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. В списке литературы указываются только те работы, на которые даются ссылки в статье.

Образцы оформления:

Монография:

Джапуа 2016: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика М.: Наука – Восточная литература, 2016. 381 с.

Статья в журнале:

Виноградова 2012: Виноградова Л.Н. Формулы проклятий в составе застольных тостов // Живая старина. М., 2012. № 2 (74). С. 62–63.

Статья в сборнике:

Анчабадзе 2011: Анчабадзе Ю.Д. Ю.Н. Воронов: ученый, политик, публицист // Проблемы археологии (К 70-летию Ю.Н. Воронова): Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной

70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 19–25.

Полевые материалы:

ПМ – Дбар: Полевые материалы автора. Экспедиция в село Ачандара Гудаутского района, 02.05.2014 г. Дбар Платон Басиатович, 77 лет.

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы а, б, в (в случае зарубежных изданий – латинские буквы a, b, c) к году издания (Чирикба 2012а: 23; Dumezil 1960b: 87).

Смысловые примечания (пояснения и дополнения к основному тексту) должны быть в сносках внизу страницы. Нумерация сносок сплошная. Отсылки к литературе в сносках должны быть такими же, как и в основном тексте.

5. Иллюстрации должны быть высокого качества, они представляются в электронном варианте. Иллюстративный материал, используемый вами, может быть защищен авторскими правами, поэтому необходимо указывать автора материала.

6. Все сокращения должны быть расшифрованы и поданы отдельным списком в конце статьи.

7. К статье прилагается аннотация и список ключевых слов (на абхазском, русском и английском языках).

**BULLETIN OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF ABKHAZIA**

№ 8

CONTENT

Research

<i>Arstaa Sh.K.</i> History of transitional verbs in our languages.....	10
<i>Dzhapua Z.D.</i> Importance of questionnaire in collection of folklore.....	14
<i>Dobrovolskaya B.E.</i> «Cunning science» (SUS 325) folktale type in the Russian and Abkhaz traditions: the general features of the plot type and its national specifics	28
<i>Archimandrite Dorotheus (Dbar D.Z.)</i> Does Lycophron mention «abazgs»?.....	41
<i>Nyushkov B.A.</i> The foreign policy doctrine of the Roman Empire in the East Black Sea region in the Ist–IIIrd Centuries AD. according to the data of the finds from Gerzeul’s hoard	49
<i>Medvensky N.I.</i> Sukhum during the Battle of the Caucasus 1942–1943: City Under the Luftwaffe Airstrikes	67
<i>Ekzekov M.H.</i> The position and destinies of small peoples (The north Caucasus example).....	83
<i>Shalashaa Z.I.</i> Theoretical and practical aspects of the interaction between the state and enterprise in the Republic of Abkhazia.....	97
<i>Bogoslavskaya M.E., Chukbar K.T.</i> «Deficiency» of market ideology in the village.....	111

Archival searches and publications

<i>Dzidzaria K.F.</i> Funeral rite of the Abkhaz: Funeral of men.....	119
---	-----

Reviews

<i>Khagba L.R.</i> Book Review: A new word about the great Fazil Iskander.....	122
<i>Bgazhba O.H.</i> Comment on the book review by G.D. Gumba. Nakhs: questions of ethnocultural history (I millennium BC).	126

Anniversaries

<i>Dzhapua Z.D.</i> The contribution of E.M. Meletinsky to the Caucasus epic study	128
<i>Kogonia V.A.</i> Shota Salakaya – As a literary critic	138
<i>Azhiba A.S.</i> Teacher for teachers (To the 80th anniversary of A.M. Kaslandzia)	145
<i>Avidzba A.F.</i> E.K. Adzhindzhal and issues of modern history of Abkhazia	151

Portraits of scientists

<i>Avidzba A.F.</i> Vyacheslav Bganba – A pulsating nerve of conscience	157
<i>Basaria I.B., Achba A.O., Lakrba F.A.</i> The life and work of Emma Kamynovna Kilba	161
<i>Khagba L.R.</i> B.A. Kaslandzia – Teacher and scientist overcoming all difficulties	166
Information about authors	170
New books	172
Information for the authors of the «ASA Bulletin» journal	180

**Ацсны атцаарадыррақәа ракадемиа
Адырратара**
Асериа «Агуманитартә тцаарадыррақәа»

№ 8

**Вестник
Академии наук Абхазии**
Серия «Гуманитарные науки»

Редактор: **К.Т. Чукбар**
Корректоры: **Н.С. Барциц, С.О. Хаджим**
Компьютерная верстка: **А.Ш. Беренджи**